

ISSN 1992-2892
ISSN 2500-221X (online)

2024 '4

ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2024

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Реестровая запись ПИ № ФС 77-78824 от 30.07.2020*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 16.10.2022)*

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва; доктор политических наук, ассоциированный научный сотрудник),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),
З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Р. Н. Сулейманова (Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, г. Уфа; доктор исторических наук, главный научный сотрудник),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор),
А. В. Белова (Тверской государственный университет, г. Тверь;
доктор исторических наук, доцент)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),
И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),
Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Адрес редакции (издателя): 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2024
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2024

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

No. 4 — 2024

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registry entry PI № FS 77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 16.10.2022)*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Associated Researcher (Institute of Sociology of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. N. L. Pushkareva, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. O. V. Riabov, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
R. N. Suleimanova, Dr. Sc. History, Chief Researcher (Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Ufa),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. E. R. Iarskaia-Smirnova, Dr. Sc. Sociology (National Research University "Higher School of Economics", Moscow),
Assoc. Prof. **A. V. Belova**, Dr. Sc. History (Tver State University, Tver)

Editorial Board:

- Prof. O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. I. S. Kletsina, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. T. B. Riabova, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo region, Ivanovo, Timiriyev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2024
© Ivanovo State University, 2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 3—17.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 3—17.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.1

УСТОЙЧИВОСТЬ СЕМЬИ

Ирина Ильинична Елисеева^{1,2,3}

¹ Санкт-Петербургское отделение, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

² Социологический институт — филиал, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

³ Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, dept.ksteco@unecon.ru, irinaeliseeva@socinst.ru

Аннотация. Современная семья, особенно в условиях крупных городов, находится в стадии интенсивных изменений. Растет число незарегистрированных браков, увеличивается число детей, рожденных вне брака (зарегистрированного). Повышается возраст вступления в брак. Если в 1990-х гг. эти признаки имели не столь продолжительные тенденции изменений и могли трактоваться как свидетельства кризиса семьи, то теперь все большее признание получает интерпретация изменений в семье как отражение ее эволюции. Возникнув в обществе, семья продолжает эволюционировать, сохраняя свое значение «первичной ячейки» общества. Современная стадия ее развития характеризуется необычайным разнообразием форм семьи и семейной жизни: сохраняет свою значимость традиционная семья с полной брачной парой и детьми, растет число семей с одним родителем, процесс нуклеаризации застопорился и даже повернул вспять к многопоколенным семьям, повысилась доля прочих семей без родительского ядра, увеличилось число гостевых браков, а также брачных пар, предпочитающих автономию в повседневной жизни, возникла такая форма родительства, как раздельная забота о детях. Все эти формы семьи оказывают огромное влияние на демографическое и социальное воспроизводство, динамику и устойчивость общества. Главным фактором семьи становится взаимопонимание, забота о ее членах. Цель статьи — обозначить болевые точки семьи с позиций сохранения ее устойчивости в условиях многообразия состава и форм семьи. Предложено определение устойчивости семьи, в основе которого — способность семьи преодолевать конфликты. В качестве непосредственного индикатора стабильности семьи и брака рассматривается общий коэффициент разводимости, тогда как интерпретация показателя доли родившихся вне зарегистрированного брака не столь однозначна. Подчеркивается травматичность развода для детей разводящихся супругов. Однако наличие несовершеннолетних детей не является препятствием для разводов: по данным

статистики, примерно 48 % разводящихся имели общих несовершеннолетних детей. Destabilization of the family causes in the first place the unwillingness of young people to marry, mutual understanding and responsibility. This conclusion is made based on the essence of marriage, the success of which is determined by the harmony of relationships between husband and wife. The author of the article emphasizes that even a careful fulfillment of the conditions of separate care of mother and father after divorce does not compensate for the effect of parenthood in a joint life of family members. In the concluding part of the article, obvious advantages of a well-off family from the positions of demographic and social reproduction, strengthening of health and improvement of the continuity of life, inheritance as intellectual, as well as material capital. Being in a marriage and the presence of a family increases the social status of an individual and contributes to the strengthening of society.

Ключевые слова: брак, семья, брачная пара, полная семья, неполная семья, нуклеарная семья, несовершеннолетние дети, развод

Для цитирования: *Елисева И. И. Устойчивость семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 3—17.*

Original article

FAMILY RESILIENCE

Irina I. Eliseeva^{1,2,3}

¹ St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

² Sociological Institute — Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

³ St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, dept.ksteco@unecon.ru, irinaeliseeva@socinst.ru

Abstract. Modern families, especially in large cities, are in the process of intense change. The number of unregistered marriages is growing, and the number of children born outside of (registered) marriages is increasing. The age of marriage is rising. In the 1990s, these signs did not have such long-term trends of change and could be interpreted as evidence of a crisis in the institution of the family. Currently, changes in the family are understood as the evolution of the family. Over time, the family continues to evolve, maintaining its significance as the “primary unit” of society. The modern stage of family development is marked by various forms of family life: the traditional family with children retains its importance, the number of single-parent families is growing, the proportion of single-parent families has increased, and the number of guest marriages has increased. All these family forms influence demographic and social reproduction, dynamics and stability of society. The main factors of the family are mutual understanding within the family and care for family members. The purpose of the article is to identify current problems of the family from the standpoint of maintaining its stability in the context of diversity of family composition and forms. The article examines family resilience as the ability to overcome conflicts. The negative impact of divorce on the children of divorced spouses is emphasized. According to statistics, 48 % of divorced parents had minor children. The article draws attention to the unpreparedness of young people for marriage. The author notes that the participation of divorced parents in raising children does not make children happy. In conclusion, the importance of stable and healthy families is emphasized, which have a positive impact on the demographic situation, improved health and increased life expectancy.

Key words: marriage, family, married couple, conjugal family, single-parent family, nuclear family, minor children, divorce

For citation: Eliseeva, I. I. (2024) Ustoïchivost' sem'i [Family resilience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—17.

Введение

Слово *семья* ассоциируется с самым светлым периодом жизни человека: детством, чувством защищенности, любви, а затем — с созданием собственной семьи, рождением детей, ожиданием их взросления... Однако период радости и благополучия может смениться иным временем, когда, казалось бы, крепкая семья распадается. Государственная политика в Российской Федерации тесно связана с поддержкой рождаемости, брака и семьи, но результаты последней переписи населения (2020 г.) показывают обострение проблем брачного и семейного состояния россиян, а также потребность в совместном рассмотрении социальных и демографических проблем.

Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. (проведена в 2021 г. в связи с пандемией Covid-19) зафиксировали снижение доли семей того типа, который ранее был наиболее распространенным, — семей с полной брачной парой и одним ребенком или несколькими детьми. Если по данным переписи 2002 г. таких семей в структуре частных домохозяйств было 39,7 %, переписи 2010 г. — 34,9 %, то по данным переписи 2020 г. их доля сократилась до 20,7 % [Социально-демографический портрет России, 2012: 42; Прокофьева, Корчагина, 2023: 11]. Растет доля семей с одним родителем, причем увеличивается представительство как матерей с детьми, так и отцов с детьми.

В 1,62 раза выросло число домохозяйств, состоящих из одного человека, характерно, что большая часть одиночек — это молодые люди, отделившиеся от родительской семьи и не успевшие создать собственную семью [Прокофьева, Корчагина, 2023: 8—9]. Растет бесплодие, к которому добавляется добровольный отказ от детей [Российская семья... , 2021: 184—195]. Многие страны мира демонстрируют примерную однородность направленности изменений: снижение доли зарегистрированных браков (рис. 1), повышение возраста женщин при вступлении в брак (рис. 2), увеличение сожительства, рост доли детей, рожденных вне зарегистрированного брака [Клупт, 2020, 2021]. Динамика доли семей, состоящих из брачной пары и детей и без детей, отчетливо прослеживается по статистическим данным Австралии: если в 1976 г. доля брачных пар с детьми составляла 48 %, а без детей 28 %, то в 2011 г. — 37 и 38 % соответственно [Weston, Qu, 2014]. Брачные узы выглядят как все более хрупкие. Семья, которая во все времена была и остается «последним прибежищем человека» (М. Е. Салтыков-Щедрин), меняет свою конфигурацию. Демографы и социологи отмечают невиданный рост разнообразия форм или типов семей и домохозяйств, включая появление брачных пар, живущих раздельно, а также родителей, осуществляющих доленое участие в воспитании ребенка [Голод, 1998: 121; Гурко, 2017: 105; Вишневецкий, 2019: 165; Ростовская и др., 2021: 54—60; Ростовская и др., 2023; Ростовская, Кучмаева, 2024]. Но нет сомнений в том, что семья любого формата была и остается «первичной ячейкой общества» (Ф. Энгельс), тем базисом общества, в котором происходит его демографическое и социальное воспроизводство.

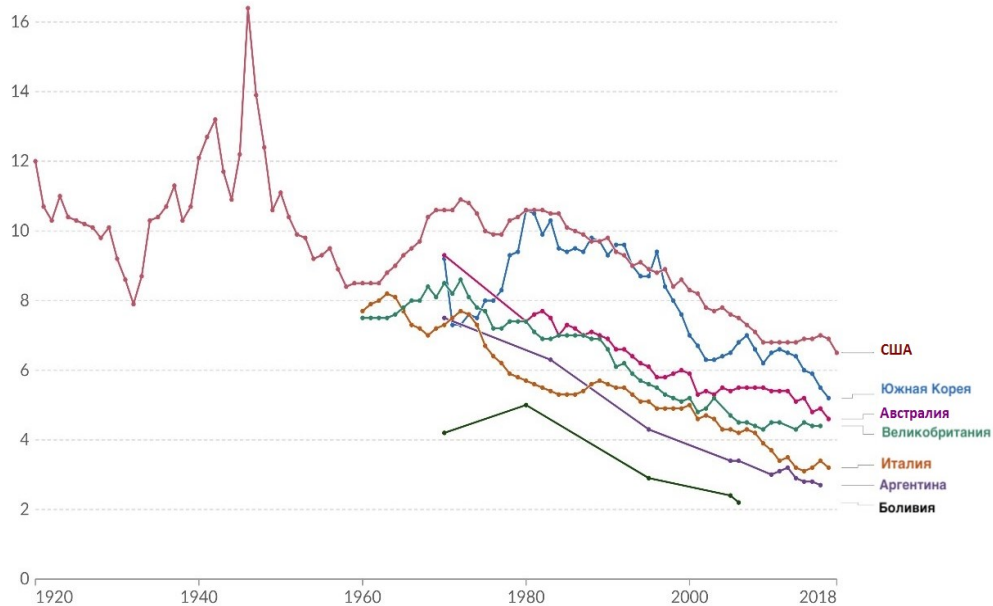

Рис. 1. Число браков на 1000 чел. населения
 (Marriages and Divorces. URL: <https://ourworldindata.org/marriages-and-divorces>
 (дата обращения: 17.05.2024))

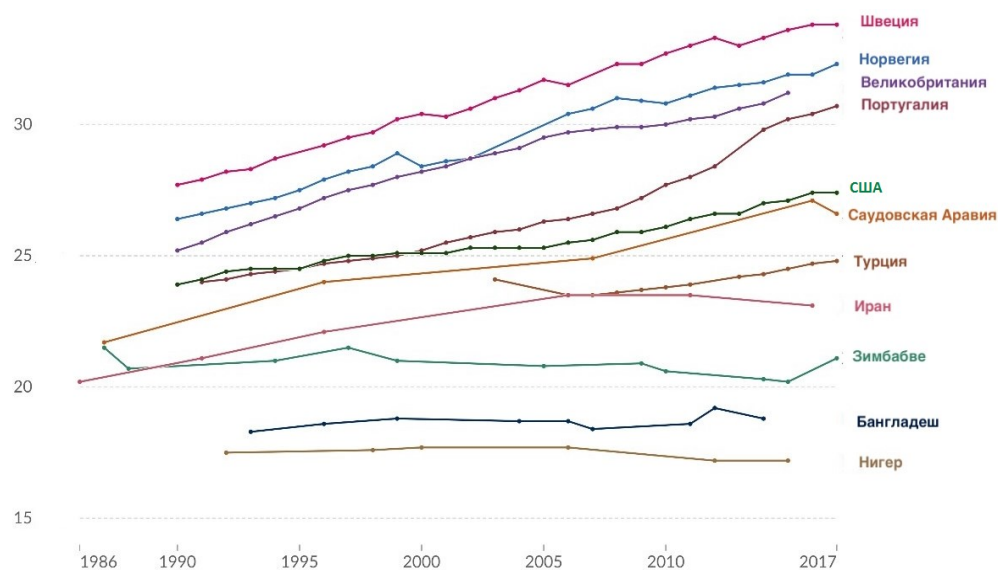

Рис. 2. Средний возраст женщин при вступлении в брак, лет
 (Marriages and Divorces. URL: <https://ourworldindata.org/marriages-and-divorces>
 (дата обращения: 17.05.2024))

Цель настоящей статьи — попытаться обозначить болевые точки семьи с позиций сохранения ее устойчивости в условиях возрастающего многообразия состава и форм семьи. Понятно, что целевая установка такого рода включает рассмотрение разнообразных аспектов, сопутствующих созданию современной семьи, прохождению через конфликтные ситуации, вызывающие напряженность в семье и даже развод супругов.

В качестве эмпирических подтверждений используются данные российской государственной статистики федерального уровня и Санкт-Петербурга — северной столицы России с 6-миллионным населением (показательны для демонстрации современных демографических тенденций). Используются также некоторые данные зарубежных стран.

Устойчивость семьи. Семейные конфликты

Проблема устойчивости семьи стала привлекать внимание социологов и демографов в 1960—1970-х гг. [Голод, 1984: 167; Голофаст, 2006: 172; Вишневский, 2008: 3; Волков, 2014: 252]. В разных типах семей эта проблема имеет свои особенности проявления и соответственно пути решения.

Изначальность брака как основы семьи предполагает рассмотрение брачных отношений в двух ракурсах: как прав и обязанностей супругов по отношению друг к другу и по отношению к детям. При наличии брачной пары прочность семьи определяется супружескими отношениями мужчины и женщины, успешностью брака, тогда как отношения «родитель — дети» являются стержнем стабильности неполной семьи.

Устойчивость семьи, в нашем понимании, означает соответствие внутрисемейных отношений моральным принципам, умение преодолевать конфликтные ситуации, возникающие под влиянием как внутрисемейных, так и внешних факторов, при сохранении статуса родителей (родителя), детей, связанных друг с другом любовью, взаимным уважением и ответственностью (за семью, род, будущее детей, за неизменность помощи родителей детям, детей — родителям). Семейные конфликты как ссоры между людьми, знающими друг друга до мелочей, делают обе конфликтующие стороны особенно уязвимыми. Даже в семьях без аддикций и девиантного поведения одного или нескольких членов семьи поводов для семейных конфликтов предостаточно. Чаще всего это бытовые или финансовые трудности либо стремление к автократии одного из членов семьи и, как следствие, несогласие с распределением семейных обязанностей, распределением доходов семьи и др. Конфликт может быть вызван неодинаковым отношением родителей к детям. Источником семейного конфликта могут стать родственники или друзья (друг, подруга).

Это все видимые и обсуждаемые причины. Но есть и невидимая причина, которую в российских семьях не принято обсуждать, — это взаимная сексуальная неудовлетворенность супругов, вызывающая раздражение, супружеские измены и тянущая за собой новые проблемы в супружеских отношениях. Брак — единственная общность людей, законодательно основанная на сексе, на сугубо интимных отношениях женщины и мужчины. Совершенно естественно было бы,

если бы супруги, вместо молчаливого отчуждения друг от друга, смогли разобраться в причинах взаимного неудовлетворения и найти решение. Истоки недооценивания сексуальных отношений кроются в истории российской крестьянской многопоколенной семьи, где выразить свою любовь было не принято, да и условий для этого не было. Колорит отношений между парнем и девушкой раскрывают строки известного стихотворения: «Я тебя, дуру, лопатой Нежно огрел по спине. Крикнула: “Черт полосатый!” И улыбнулась мне» [Каре, 2009]. Грубая незатейливость в ухаживаниях переключалась и в сексуальные отношения. Конечно, что-то меняется, но слишком медленно и бездумно. Не уделяя должного внимания сексуальному воспитанию школьников и тем более благополучию в супружестве, российское общество получило дополнительную проблему, которая продолжает углубляться [Голод, 2005; Кон, 2009; Атемасов, 2011]. Напряженность в семье проявляется во взаимном непонимании супругов, особенно тяжело переживаемом женщиной, что вызывает «неопределенность, неуверенность в собственном поведении в семье и в поведении супруга, неспособность принять и оправдать точку зрения другого, несогласие с нормативными ориентациями супруга, противоречия собственного поведения и ориентации» [Голофаст, 2006: 104].

Вовлеченные в конфликт члены семьи должны осознавать последствия его развития. Каждый новый день и час в обстановке скандала или напряженного молчания чреват губительными последствиями для семьи. Трудно найти в себе силы и сказать доброе слово, к тому же необязательно это слово будет услышано и найдет отклик. Но, взвешивая, что важнее — «правда» каждой из сторон конфликта или семья, дети, дорожа тем хорошим, что связано с семьей, можно попытаться погасить конфликт и добиться успеха.

Развод и его последствия

Примирение конфликтующих сторон не всегда возможно, и тогда развод становится неизбежен. Для кого-то развод — это тяжело переживаемая трагедия, для кого-то — освобождение от жуткой повседневности.

Россия — страна высокой брачности и вместе с тем высокой разводимости. Корреляция между коэффициентами брачности и разводимости в России невысокая: за период 2000—2022 гг. она составила 0,36. Эта статистически значимая величина указывает, что связь между двумя демографическими событиями — браками и разводами — имеется, но не тесная, да она и не может быть тесной, поскольку каждый из коррелируемых показателей относится к разным поколениям. Тем не менее брачность и разводимость принято сопоставлять. Показатель брачности в России варьирует от 5,3 зарегистрированных браков на 1000 чел. населения (2020 г.) до 9,2 браков на 1000 чел. населения (2011 г.)¹. Разводы стали заметным явлением в 1970-х гг., причем всплеск разводов произошел одновременно во многих странах мира, что в первую очередь объясняется упрощением процедуры расторжения брака [Голод, 1998: 77—78; Weston, Qu, 2014: 79]. Колеблемость числа разводов на 1000 чел. населения в России невелика,

¹ Демографический ежегодник России, 2023. М.: Росстат, 2023. С. 49—54.

если рассматривать период 2000—2022 гг.: от 5,9 промилле в 2002 г. до 3,9 промилле в 2020 г.² В 1960-х гг. в России регистрировалось всего лишь 1,5 развода на 1000 чел. населения в год. В западных странах разводимость росла в период 1960—1990 гг., а затем стала снижаться и составляет сейчас 2—3 развода на 1000 чел. населения. Конечно, все приведенные цифры относятся к официально зарегистрированным бракам и разводам и не отражают полностью брачное состояние населения.

Данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат) позволяют составить портрет разводящихся горожан: 35 % находятся в возрасте 25—34 лет, еще 32 % — в возрасте 35—49 лет. Так что у них есть шанс вступить в следующий брак. Действительно, статистика показывает, что из числа вступающих в брак доля мужчин и женщин, которые состояли в браке ранее, повышается: если в 2005 г. доля вступающих в первый брак составляла 71,0 %, то в 2022 г. 67,9 %³. Если взять данные по России, то доля первобрачных составляет 69 %. Точно такая же доля первых браков и у мужчин, и у женщин в Германии в 2018—2022 гг. [Statistisches Bundesamt, 2024]. В США примерно 2 из 5 браков заканчиваются разводами; 1 из 5 браков является повторным для обоих супругов [Eickmeyer et al., 2020: 12]. Шансы вступить в повторный брак для российских женщин и мужчин неравные, 1 : 3, так что примерно 11 % разведенных или овдовевших женщин и 35 % мужчин из тех же категорий смогут создать новую семью. По данным российских социологов, частота разводов возрастает в пределах 5-го года брака, затем около 10-го года, 20-го года [Хачатрян, Гордеева, 2018: 113]. Примерно такие же пики разводов отмечают зарубежные специалисты [Eickmeyer et al., 2020: 16]. По данным Федеральной статистической службы Германии на 14 июля 2022 г., средняя продолжительность брака разводящихся составляла 15,1 года [Statistisches Bundesamt, 2024]. В целом в развитых странах отмечается рост продолжительности брака как следствие снижения разводимости и роста продолжительности жизни. Сдерживающее влияние на разрушение брака также оказывает заключение брачного контракта, получившего распространение в богатых странах. Все эти выводы не принимают во внимание рост количества сожительства, т. е. незарегистрированных браков.

Если показатель разводимости — прямой индикатор нестабильности брака, то интерпретация показателя «доля детей, рожденных вне брака, в общей численности родившихся» не столь однозначна. Во-первых, в современной России значение этого показателя повышалось от 14,6 % в 1990 г. до 30 % в 2005 г. Снижение внебрачных рождений началось с 2007 г., с введением программы «материнский капитал», но в последние годы этот показатель немного вырос и составил в 2022 г. 22,8 %⁴. Во-вторых, казалось бы, в крупном городе доля таких

² Там же. С. 51.

³ Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2015 г.: стат. бюл. СПб.: Петростат, 2016. С. 42; Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге в 2020 году: стат. сб. СПб.: Петростат, 2021. С. 51—52; Естественное движение населения Санкт-Петербурга в 2022 г.: стат. бюл. СПб.: Петростат, 2023. С. 51—52.

⁴ Демографический ежегодник России, 2023. С. 68.

детей должна быть выше, чем в целом по стране, но статистика показывает нам иную динамику: пик внебрачных рождений в Санкт-Петербурге пришелся на 1999 г. — 28,4 %, затем доля внебрачных рождений снижалась до 2016 г. — 17,1 %, после чего этот показатель несколько вырос и составил в 2022 г. 19,1 %⁵. Так что во все годы Санкт-Петербург не опережал Россию, а показывал более взвешенное отношение к браку и деторождению [Кон, 2011: 53]. В-третьих, свидетельства о рождении внебрачных детей все чаще оформляются обоими родителями по совместному заявлению⁶. Это дает надежду на воссоединение молодых родителей и появление новых семей.

Развод — это прежде всего травма психики детей. Однако интенсивность разводов практически не зависит от наличия общих детей. В Санкт-Петербурге доля расторгнутых браков, в которых имеются общие несовершеннолетние дети, составляет 48,5 % и мало колеблется по годам. Статистика Австралии свидетельствует о снижении доли разводов при наличии несовершеннолетних детей: если в начале 1970-х гг. доля разводов с общими детьми до 18 лет составляла 68 %, то в 1990 г. — 56 %, в 2012 г. — 48 %. Но такая динамика скорее объясняется изменением в рождаемости, нежели влиянием наличия несовершеннолетних детей у разводящихся. Надо признать, что современные цифры России и Австралии весьма близки. Нередко дети оказываются без родителей и воспитываются в семьях пра-родителей и других родственников. Об этом свидетельствует рост прочих семей в России: с 9,6 % — по данным переписи 2010 г. до 13,6 % — по данным переписи 2020 г.⁷ В Австралии доля таких семей в последние 15 лет не увеличивается и составляет примерно 8 % в структуре семей [Weston, Qu, 2014].

Важнейшими функциями семьи являются репродуктивная и функция первичной социализации детей. Тем самым семья обеспечивает воспроизводство общества. В семье усваиваются общепринятые нормы и возникают новые правила поведения. Родители передают детям свои навыки и оказывают эмоциональную поддержку. Семья определяет социальную идентичность детей и закладывает в них желание «совершить побег» (выражение нобелевского лауреата 2015 г. А. Дитона [Дитон, 2016: 15]), вырваться из данного социального класса, если семья не имеет достойного уровня жизни. Биографии многих неординарных людей показывают, насколько важно желание человека продвинуться по социальной лестнице. Без поддержки родителей, хотя бы одного из них, процесс взросления и становления личности в большей степени подвержен рискам неблагоприятных поворотов в жизни ребенка. Как правило, оба родителя работают, и при ограничении времени общения членов семьи важно наполнять его положительными эмоциями, передавая неиссякаемое чувство любви, личной значимости мужа, жены, ребенка [Melim et al., 2019: 1119—1121].

Сопоставление данных переписей населения в России показывает, что число семей с одним родителем растет и причина этого не только разводы, но и овдовение.

⁵ Санкт-Петербург, 2023: крат. стат. сб. СПб.: Петростат, 2024. С. 31.

⁶ Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге в 2022 г.: стат. сб. СПб.: Петростат, 2023. С. 28.

⁷ Всероссийская перепись населения — 2020. Т. 8: Число и состав домохозяйств. URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom8_Metodolog_VPN-2020.docx (дата обращения: 20.05.2024).

А. Г. Волков отмечал, что, ввиду значительного разрыва в ожидаемой продолжительности предстоящей жизни при рождении мужчин и женщин (примерно 10 лет), шанс для женщины остаться без мужа в результате овдовения гораздо выше, чем в результате развода. К 75 годам в России распадаются почти все браки. При этом в конечном счете 23 % браков прекращаются из-за смерти жены, 53 % — из-за смерти мужа, остальные 24 % — из-за развода [Волков, 1985]. Дети чаще всего остаются жить с матерью: семьи отцов с детьми составляют около 8 %, тогда как матерей с детьми — свыше 20 %⁸. Даже если женщине удастся вновь выйти замуж, то нет гарантии хорошего отношения нового мужа к детям от предыдущего брака, нет гарантии, что мужчина не приведет в новую семью своих детей от предыдущих браков. Многое зависит и от того, будет ли повторный брак зарегистрирован со всеми вытекающими последствиями для детей (усыновление, смена фамилии, приобретение родительских прав новым членом семьи), или же это будет партнерский союз (гражданский брак). Существует мнение, что повторный брак одного из родителей приносит ребенку новых родственников, расширяя семейную сеть, что повышает вероятность получения поддержки в трудный период жизни. Многие люди, выросшие с мачехой или воспитанные отчимом, не упускали случая сказать им слова благодарности [Хоменко, 1987: 149]. Но нам неизвестно, во скольких случаях ребенок страдал от неприятия нового родителя/родительницы.

Причины неустойчивости семьи

Разводы, а также рост числа индивидов, не желающих обременять себя браком, детьми, могут быть вызваны неготовностью молодых людей к браку, семье. Это весьма распространенная причина, влияние которой усугубляется вследствие распространения неполных семей: как ни старайся один из родителей, но дисбаланс в воспитании, так или иначе, проявится и именно тогда, когда взрослый сын или дочь попытается создать собственную семью. Современная семья может сохранять характеристики патриархальной семьи при лидерстве мужчины в решении всех вопросов семейной жизни. Как показывают опросы, образ патриархальной семьи довольно устойчив в сознании современных молодых людей [Нечаева, 2018; Клецина, Иоффе, 2023: 108]. Но все более привлекательной становится эгалитарная, партнерская семья, в которой семейные обязанности распределяются между мужем и женой, оба вовлечены в родительство, супругов объединяет стремление как можно лучше обустроить свой быт, разнообразить досуг. Такие семьи отличает общность интересов супругов, их внимание к интересам детей.

Бывает так, что совместная жизнь не удалась, но и после развода оба родителя участвуют во всех событиях жизни ребенка. В развитых странах родительские обязанности детально оговариваются при бракоразводном процессе. Получила распространение такая форма родительства, как долевая забота (shared care). При этом ребенок должен еженедельно или ежемесячно менять свое место жительства, свои привычки, что не каждому под силу, близко общаться

⁸ Там же.

с возможными партнерами отца/матери, прародителями и др. То есть даже такой, казалось бы, максимально комфортный вариант сохранения контактов с обоими родителями таит в себе множество амбивалентных моментов, главным из которых нам представляется потеря габитуса, характерных особенностей домашнего очага, атмосферы семьи. В детстве закладываются привычки к размещению своей одежды, обуви, игрушек, книг, гигиенические навыки. Наличие отдельной комнаты или хотя бы постоянного спального места, игрового пространства, места для приготовления уроков, чтения книг и компьютерных игр также формирует характер ребенка, ритм жизни. Для него важно постоянство как жилой среды, так и круга близких людей. Недаром опросы детей, оставшихся без родителей и без попечительства родственников, проведенные в середине 2000-х гг. под руководством М. М. Русаковой, показали, что наиболее травмирующими факторами являются перемещения детей из одного детского учреждения в другое, а также смена воспитателя [Одинокова и др., 2016: 121; Одинокова и др., 2017: 132; Русакова, Одинокова, 2019: 135].

По мнению социологов, причинами распада семьи могут быть разные представления супругов о браке и семье, неготовность к восприятию мужа/жены как постоянного собеседника и соучастника. В повседневной жизни супруги предстают друг перед другом «в своей наготе»: со своими привычками в быту, еде, внешнем виде, капризами, болезнями, реакцией на внешние воздействия и др. [Голод, 1984: 77]. Замечена большая нестабильность ранних браков (до 20 лет), а также браков тех, кому за 30 лет, особенно в случае повторного брака, который вольно/невольно сравнивается с предыдущим [Хачатрян, Гордеева, 2018].

Благополучная семья

Брак, семья повышают социальный статус как мужчины, так и женщины. Прочный брак приносит и взрослым, и детям множество выгод. Прежде всего это рост уровня жизни семьи: как правило, муж и жена работают и потому семья с полной брачной парой и детьми имеет все основания для более высокого уровня благосостояния. Это подтверждается статистикой, и потому развод часто называют воротами в бедность. Однако если родитель злоупотребляет алкоголем, то на память приходит известный диалог отца-алкоголика с сыном: «Папа, если тебе прибавят зарплату, мы будем лучше есть?» — «Нет, сынок, я буду больше пить».

Может быть, еще более важным аргументом в пользу устойчивости семьи является положительное воздействие брака и семьи на состояние здоровья и продолжительность жизни. В первую очередь это относится к вдовцам. У разведенных мужчин продолжительность жизни тоже ниже, чем у состоящих в браке, но разница меньше. Замечено, что продолжительность жизни женщин в меньшей степени подвержена влиянию брачного состояния [там же: 95—100]. В благополучных семьях родители и дети вместе занимаются спортом, участвуют в подвижных играх, путешествуют.

В современном обществе все большее значение имеет обмен информацией между супругами, между родителями и детьми: тем самым расширяется кругозор каждого члена семьи, происходит знакомство с новыми источниками информации, обсуждение их достоверности, доступности и регулярности.

При росте благосостояния населения значимость зарегистрированного брака повышается предусмотренными законодательством правами наследования. Доверительные отношения между членами семьи усиливаются в семейном бизнесе, в котором подрастающие дети приобретают трудовые навыки и опыт ответственного общения как с родителями, так и с другими работниками.

Благополучная семья создает условия для развития индивидуальности: в супружеских отношениях главной тенденцией становится непротиворечивость сочетания супружеской близости и взаимопонимания с определенной автономией каждого супруга, возможностями реализации индивидуальных интересов. Устойчивость семьи объединяет поколения и создает основу устойчивости общества.

Список источников

- Атемасов А. В. Значение сексуальной культуры и причины ее недооценки // Педагогика и психология. 2011. № 2. С. 93—99.
- Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи: от крестьянской семьи к городской // Экология и жизнь. 2008. № 8. URL: <http://elementry/lab/430651> (дата обращения: 17.05.2024).
- Вишневский А. Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 368 с.
- Волков А. Г. Судьба брака в зеркале демографии // Поиск ведут демографы: (сборник статей). М.: Мысль, 1985. С. 74—88.
- Волков А. Г. Избранные демографические труды. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 567 с.
- Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 136 с.
- Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
- Голод С. И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. 233 с.
- Голофаст В. Б. Социология семьи: статьи разных лет. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.
- Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99—110.
- Дитон А. Великий побег: здоровье, богатство и истоки неравенства. М.: Изд-во Ин-та Гайдара: Фонд «Либеральная Миссия», 2016. 368 с.
- Каре Л. Акулька! 2009. URL: <https://stihi.ru/2009/12/21/1351> (дата обращения: 17.05.2024).
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М.: Проспект, 2023. 144 с.
- Клунт М. А. Демография на политической арене XX и XXI столетий. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 303 с.
- Клунт М. А. Проблемы семьи и рождаемости в ценностных конфликтах 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 36—46.

- Кон И. С.* Сексуальное образование — глобальная задача XXI века // Социология: теория, методы, маркетинг. 2009. № 1. С. 94—114.
- Кон И. С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 51—65.
- Нечаева Н. А.* Общие жизненные установки студенческой молодежи: их роль в семейных и гендерных представлениях // Петербургская социология сегодня. 2018. Вып. 9. С. 6—26.
- Одинокова В. А., Захарова Ю. П., Русакова М. М.* Опыт социологического опроса детей, живущих в детских домах // Петербургская социология сегодня. 2016. Вып. 7. С. 116—142.
- Одинокова В. А., Русакова М. М., Усачева Н. М.* Опыт оценки благополучия детей в учреждениях для детей-сирот // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 129—144.
- Прокофьева Л. М., Корчагина И. И.* Демографическая структура семей и домохозяйств в России, ее динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 4—17.
- Российская семья и благополучие детей / отв. ред. И. И. Елисеева; ФНИСЦ РАН. М.: СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021. 304 с.
- Ростовская Т. К., Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Кучмаева О. В., Семенова В. Г.* Семья и демографические процессы в современной России: монография / под ред. Т. К. Ростовской; ФНИСЦ РАН. М.: Экон-Информ, 2021. 257 с.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Демографическая структура семьи: генезис методологического подхода // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 56—74.
- Ростовская Т. К., Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н.* Одинокие матери в российском обществе: штрихи к социальному портрету // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 32—42.
- Русакова М. М., Одинокова В. А.* Участие детей, находящихся в организациях для детей-сирот, в принятии решений // Петербургская социология сегодня. 2019. Вып. 11. С. 128—143.
- Социально-демографический портрет России. М.: Статистика России, 2012. 183 с.
- Хачатрян Л. А., Гордеева С. С.* Социология семьи: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2018. 200 с.
- Хоменко А. П.* Дети после расторжения брака // Советская демография за 70 лет. М.: Наука, 1987. С. 149—155.
- Eickmeyer K., Hemez P., Manning W. D., Brown S. L., Guzzo K. B.* Trends in relationship formation and stability in the United States: dating, cohabitation, marriage, and divorce // Marriage Strengthening Research & Dissemination Center (MAST). 2020. P. 1—17. URL: <https://mastresearchcenter.org/mast-center-research/trends-in-relationship-formation-and-stability-in-the-united-states-dating-cohabitation-marriage-and-divorce/> (дата обращения: 17.05.2024).
- Melim B., Matias M., Ferreira T., Matos P. M.* Parent's and children's emotion regulation and the work — family interface // Journal of Marriage and Family. 2019. Vol. 81, iss. 5. P. 1110—1125.
- Statistisches Bundesamt, 2024. URL: https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (дата обращения: 20.05.2024).
- Weston R., Qu L.* Trends in family transitions, forms and functioning: essential issues for policy development and legislation // Family Matters. 2014. № 95. P. 76—84. URL: <https://aifs.gov.au/research/family-matters/no-95/trends-family-transitions-forms-and-functioning> (дата обращения: 17.05.2024).

References

- Atemasov, A. V. (2011) Znachenie seksual'noĭ kul'tury i prichiny ee nedootsenki [The importance of sexual culture and the reasons for its underestimation], *Pedagogika i psikhologiya*, no. 2, pp. 93—99.
- Diton, A. (2016) *Velikiĭ pobeg: zdorov'e, bogatstvo i istoki neravenstva* [The great escape: health, wealth, and the origins of inequality], Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaĭdara, Fond "Liberal'naia Missiia".
- Eickmeyer, K., Hemez, P., Manning, W. D., Brown, S. L., Guzzo, K. B. (2020) Trends in relationship formation and stability in the United States: dating, cohabitation, marriage, and divorce, *Marriage Strengthening Research & Dissemination Center (MAST)*, pp. 1—17, available from <https://mastresearchcenter.org/mast-center-research/trends-in-relationship-formation-and-stability-in-the-united-states-dating-cohabitation-marriage-and-divorce/> (accessed 17.05.2024).
- Eliseeva, I. I. (ed.) (2021) *Rossiiskaia sem'ia i blagopoluchie detei* [Russian family and children's well-being], Moscow, St. Petersburg: Federal'nyĭ nauchno-issledovatel'skiĭ sotsiologicheskii tsentr Rossiĭskoi akademii nauk.
- Golod, S. I. (1984) *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty* [Family stability: sociological and demographic aspects], Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение.
- Golod, S. I. (1998) *Sem'ia i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: a historical and sociological analysis], St. Petersburg: Petropolis.
- Golod, S. I. (2005) *Chto bylo porokami, stalo nravami: Lektsii po sotsiologii seksual'nosti* [What were vices became morals: Lectures on the sociology of sexuality], Moscow: Ladomir.
- Golofast, V. B. (2006) *Sotsiologiya sem'i: Stat'i raznykh let* [Sociology of the family: Articles from different years], St. Petersburg: Aleteĭia.
- Gurko, T. A. (2017) Nove semeĭnye formy: tendentsii rasprostraneniia i poniatia [New family forms: tendencies of spreading and concepts], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 11, pp. 99—110.
- Khachatryan, L. A., Gordeeva, S. S. (2018) *Sotsiologiya sem'i: Uchebnoe posobie* [Sociology of the family: A training manual], Perm: Permskiĭ gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skiĭ universitet.
- Khomenko, A. P. (1987) Deti posle rastorzheniia braka [Children after divorce], in: *Sovetskaia demografiia za 70 let*, Moscow: Nauka, pp. 149—155.
- Klupt, M. A. (2020) *Demografiia na politicheskoi arene XX i XXI stoletii* [Demography in the political arena of the 20th and 21st centuries], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta.
- Klupt, M. A. (2021) Problemy sem'i i rozhdaemosti v tsennostnykh konfliktakh 2010-kh gg. [Problems of family and fertility in value conflicts of the 2010s], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 36—46.
- Klyotsina, I. S., Ioffe, E. V. (2023) *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a socio-psychological phenomenon], Moscow: Prospekt.
- Kon, I. S. (2009) Seksual'noe obrazovanie — global'naia zadacha XXI veka [Sexual education is a global task of the 21st century], *Sotsiologiya: teoriia, metody, marketing*, no. 1, pp. 94—114.
- Kon, I. S. (2011) Tri v odnom: seksual'naia, gendernaia i semeĭnaia revoliutsii [Three in one: sexual, gender and family revolutions], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 14, no. 1, pp. 51—65.

- Melim, B., Matias, M., Ferreira, T., Matos, P. M. (2019) Parent's and children's emotion regulation and the work — family interface, *Journal of Marriage and Family*, vol. 81, iss. 5, pp. 1110—1125.
- Nechaeva, N. A. (2018) Obshchie zhiznennye ustanovki studencheskoï molodëzhi: ikh rol' v semeïnykh i gendernykh predstavleniïakh [General life attitudes of student youth: their role in family and gender perceptions], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, iss. 9, pp. 6—26.
- Odinokova, V. A., Rusakova, M. M., Usacheva, N. M. (2017) Opyt otsenki blagopoluchiia detei v uchrezhdeniïakh dlia detei-sirot [The experience in assessing the well-being of children in institutions for orphans], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 2, pp. 129—144.
- Odinokova, V. A., Zakharova, Yu. P., Rusakova, M. M. (2016) Opyt sotsiologicheskogo oprosa detei, zhivushchikh v detskikh domakh [The experience of a sociological survey of children living in orphanages], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, iss. 7, pp. 116—142.
- Prokofieva, L. M., Korchagina, I. I. (2023) Demograficheskaiia struktura semeï i domokhoziaïstv v Rossii, eë dinamika po dannym perepiseï naseleniia [Demographic structure of families and households in Russia, its dynamics according to population census data], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 10, no. 2, pp. 4—17.
- Rostovskaya, T. K., Arkhangelsky, V. N., Ivanova, A. E., Kuchmaeva, O. V., Semenova, V. G. (2021) *Sem'ia i demograficheskie protsessy v sovremennoï Rossii: Monografiia* [Family and demographic processes in modern Russia: A monograph], Moscow: Èkon-Inform.
- Rostovskaya, T. K., Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023) Odinochie materi v rossiïskom obshchestve: shtrikhi k sotsial'nomu portretu [Single mothers in Russian society: strokes to a social portrait], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 32—42.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2024) Demograficheskaiia struktura sem'i: genezis metodologicheskogo podkhoda [Demographic structure of families: genesis of the methodological approach], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 1, pp. 56—74.
- Rusakova, M. M., Odinokova, V. A. (2019) Uchastie detei, nakhodiashchikhsia v organizatsiïakh dlia detei-sirot, v priniatii resheniï [Participation of children in organizations for orphans in decision-making], *Peterburgskaia sotsiologiia segodnia*, iss. 11, pp. 128—143.
- Statistisches Bundesamt, 2024, available from https://www.destatis.de/DE/Home/_inhalt.html (accessed 20.05.2024).
- Vishnevsky, A. G. (2008) Èvoliutsiia rossiïskoï sem'i: ot krest'ianskoï sem'i k gorodskoï [The evolution of the Russian family: from a peasant family to an urban one], *Èkologiia i zhizn'*, no. 8, available from <http://elementry/lab/430651> (accessed 17.05.2024).
- Vishnevsky, A. G. (2019) *Demograficheskaiia istoriia i demograficheskaiia teoriia* [Demographic history and demographic theory], Moscow: Izdatel'skiï dom Vyssheï shkoly èkonomiki.
- Volkov, A. G. (1985) Sud'ba braka v zerkale demografii [The fate of marriage in the mirror of demography], in: *Poisk vedut demografy: (Sbornik stateï)*, Moscow: Mysl', pp. 74—88.
- Volkov, A. G. (2014) *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected works on demography], Moscow: Izdatel'skiï dom Vyssheï shkoly èkonomiki.
- Weston, R., Qu, L. (2014) Trends in family transitions, forms and functioning: essential issues for policy development and legislation, *Family Matters*, no. 95, pp. 76—84, available from <https://aifs.gov.au/research/family-matters/no-95/trends-family-transitions-forms-and-functioning> (accessed 17.05.2024).

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 04.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 20.09.2024; approved after reviewing 04.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Елисеева Ирина Ильинична — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, Санкт-Петербургское отделение РАН; главный научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; профессор кафедры статистики и эконометрики, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия, dept.ksteco@unecon.ru, irinaeliseeva@socinst.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Department of Statistics and Econometrics, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 18—34.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 18—34.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.2

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ОБ ИДЕАЛЬНОЙ СЕМЬЕ: ЧИСЛО ДЕТЕЙ И ТИП ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ЕЕ ЧЛЕНАМИ

Александр Борисович Синельников

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru

Аннотация. По данным опросов ВЦИОМ за 2012 и 2024 гг., большинство респондентов считают, что в идеальной семье муж и жена должны совместно принимать решения по важным проблемам и самостоятельно справляться с ними, не ожидая помощи от родителей. Женщины высказывают это мнение чаще, чем мужчины. Люди, которые полагают, что в идеальной семье должно быть много детей, чаще, чем прочие респонденты, ориентируются на более традиционное распределение ролей между мужьями и женами, а также на помощь родителей. По данным опроса 2024 г., 24 % респондентов считают, что любой член идеальной семьи может делать то, что хочет, даже если это противоречит интересам других членов семьи. Людям, родившимся в 1988—1994 гг., в 2012 г. исполнилось от 18 до 24 лет, а в 2024 г. — от 30 до 36 лет. Большинство из них вступили в брак и должны были понять, что реализация этого эгоистического «идеала» может привести только к разрушению семьи. Но доля его сторонников среди них увеличилась с 21 до 27 %, а среди родившихся в 2000—2006 гг., которым в 2024 г. исполнилось от 18 до 24 лет, составила уже 50 %. Школы и средства массовой информации должны сформировать в российском обществе мнение о том, что лучше быть членами большой семьи, в которой родственники помогают друг другу, чем одинокими эгоистами, о которых никто не позаботится, когда им это потребуется.

Ключевые слова: идеальная семья, многодетная семья, равноправие мужа и жены, глава семьи, независимость, помощь от родителей, эгоизм, одиночество

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00518 «Социальное конструирование жизненных стратегий семей с разным числом детей: социолого-демографические исследования», <https://rscf.ru/project/23-28-00518/>.

Для цитирования: Синельников А. Б. Общественное мнение об идеальной семье: число детей и тип отношений между ее членами // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 18—34.

Original article

PUBLIC OPINION ABOUT THE IDEAL FAMILY: THE NUMBER OF CHILDREN AND THE TYPE OF RELATIONSHIP BETWEEN ITS MEMBERS

Alexander B. Sinelnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, sinalexander@yandex.ru

Abstract. According to surveys by the Russian Public Opinion Research Center for 2012 and 2024, the majority of respondents believe that in an ideal family, a husband and wife should jointly make decisions on important problems and solve them independently, without expecting help from their parents. Women express this opinion more often than men. People who believe that an ideal family should have many children are more likely than other respondents to focus on a more traditional distribution of roles between husbands and wives, as well as help from parents. According to a survey by the Russian Public Opinion Research Center for 2024, 24 % of respondents believe that any member of an ideal family can do what they want, even if it conflicts with the interests of other family members. People born between 1988 and 1994 were between 18 and 24 years old in 2012, and between 30 and 36 years old in 2024. Most of them got married and had to understand that the pursuit of this “selfish ideal” can only lead to the destruction of families. But the share of supporters of this “ideal” among them increased from 21 % to 27 %, and among those born in 2000—2006, who turned 18 to 24 years old in 2024, it was already 50 %. Schools and the media should form the opinion in Russian society that it is better to be members of a large family who help each other than lonely people who no one will take care of when they need it.

Key words: ideal family, large family, equality of husbands and wives, heads of families, independence, help from parents, egoism, loneliness

Acknowledgments: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-28-00518 “Social construction of life strategies for families with different numbers of children: a socio-demographic studies”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00518/>.

For citation: Sinelnikov, A. B. (2024) Obshchestvennoe mnenie ob ideal'noĭ sem'e: chislo deteĭ i tip otnosheniĭ mezhdu ee chlenami [Public opinion about the ideal family: the number of children and the type of relationship between its members], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 18—34.

Введение. Постановка проблемы

Не все мужчины и женщины довольны своими правами и обязанностями в отношении членов семьи. Не все имеют столько детей, сколько, по их мнению, должно быть в семье. Семейная жизнь далека от представлений людей об идеальной семье. Но стремление к этому идеалу влияет на реальность. Среднее идеальное число детей, которое рассчитывается по данным социологических исследований на основании ответов на вопрос «Сколько детей, по Вашему мнению, лучше всего иметь в семье?», характеризует максимум, до которого может повыситься рождаемость, если система ценностей, признаваемая основной массой населения, не станет более просемейной. Это зависит от ориентации большинства

не только на определенное число детей, но и на тот или иной тип семейных отношений. Мнения об этом, весьма различные у разных людей, характеризуют значение для них тех ли иных семейных ценностей.

Цель статьи состоит в изучении связи между мнениями о том, сколько детей должно быть в идеальной семье, и о том, какими должны быть отношения между членами семьи, а также между супругами и их родителями.

Гипотезой исследования выступает следующее предположение: люди, считающие, что идеальная семья должна быть многодетной, чаще, чем имеющие другие мнения по этому вопросу, ориентируются на более традиционный тип отношений внутри семьи, а также на помощь от родителей и родственников супругов.

Эмпирической базой исследования являются материалы опросов ВЦИОМ «Идеальная семья», проведенных в 2012 и 2024 гг. Аналогичный опрос проводился и в 2016 г., но его результаты были опубликованы не столь подробно и поэтому здесь не анализируются.

В качестве *методов* исследования применялся пересчет и перегруппировка данных из таблиц, опубликованных на сайте ВЦИОМ или построенных путем обработки в программе SPSS размещенного на том же сайте массива (базы) данных указанного исследования¹. Анализировалась динамика и дифференциация показателей, характеризующих отношение к тем или иным сторонам семейной жизни (включая число детей) у разных групп респондентов, выделенных по таким параметрам, как пол, возраст, уровень образования, материальная обеспеченность, тип населенного пункта.

На сайте ВЦИОМ указано: «Всероссийский поквартирный опрос “Экспресс” проведен в период с 24.06.2012 по 01.07.2012. Метод опроса — поквартирные face-to-face интервью. Выборка, стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию; не требует дополнительных выравниваний структуры с помощью весов. Исследование охватывает все федеральные округа, 45 регионов, 146 населенных пунктов. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Погрешность с вероятностью 95 % не превышает 3.5 %»; «Всероссийский телефонный опрос “Спутник” проведен в период с 12.05.2024 по 19.05.2024. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке, извлеченной из полного списка сотовых телефонных номеров, задействованных на территории РФ. В опросе приняли участие 1600 россиян в возрасте от 18 лет. Данные взвешены по социально-демографическим параметрам. Предельная погрешность с вероятностью 95 % не превышает 2.5 %»².

¹ Данные парных распределений // ВЦИОМ-Навигатор. 2012. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/arhivarius/questions/d81ff9de-d9fa-494e-a865-629b11667925/cross/24248471-4588-4365-af6b-e75b149754ba>; То же // Там же. 2024. URL: <https://bd.wciom.ru/survey/sputnik/questions/95051c58-1eb2-40ab-8ad7-be3e8667930c/cross/71b38a55-dee2-4e9c-a628-17367cab9c52>; Идеальная семья — 2024. Разд.: Массив // ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2024> (дата обращения: 30.07.2024).

² Данные парных распределений. 2012, 2024.

Результаты исследования

В каждом из четырех парных сравнений респонденты выбирали одно из двух альтернативных суждений об идеальной семье (табл.).

Выборы из двух альтернативных суждений об идеальной семье³

Скажите, идеальная семья для Вас — это...	% от всех опрошенных		% от ответивших	
	2012	2024	2012	2024
1-А. Та, в которой никто (прежде всего дети) ни в чем не нуждается, пусть даже отношения между членами семьи не всегда складываются гладко	17	7	17	7
1-В. Та, в которой царит взаимопонимание, поддержка и уважение друг к другу, пусть даже иногда возникают финансовые трудности	81	90	83	93
Затрудняюсь ответить	2	3	0	0
2-А. Та, в которой отношения строятся по принципу равноправия. Все права и обязанности муж и жена делят поровну	45	62	46	65
2-В. Та, в которой есть глава семьи, принимающий на себя всю ответственность за близких, человек, на которого могут опереться другие члены семьи	53	34	54	35
Затрудняюсь ответить	2	4	0	0
3-А. Та, в которой родственники супругов помогают им морально и материально, дают советы по хозяйству, воспитанию детей и т. д.	32	35	33	38
3-В. Та, в которой муж и жена живут своим умом, сами преодолевают все трудности, не позволяя другим вмешиваться в их дела	65	57	67	62
Затрудняюсь ответить	3	8	0	0
4-А. Та, в которой каждый имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других членов семьи	17	22	18	24
4-В. Та, в которой интересы семьи в целом важнее частных интересов отдельных ее членов	78	68	82	76
Затрудняюсь ответить	4	10	0	0

Богатая, но недружная семья или дружная, но небогатая. Людей, для которых богатство важнее, чем мир в доме, уже в 2012 г. было немного (17 %), а в 2024 г. их доля уменьшилась в 2,5 раза и составила лишь 7 % (рис. 1).

³ Рассчитано по: Идеальная семья — 2024. Разд.: Таблицы.

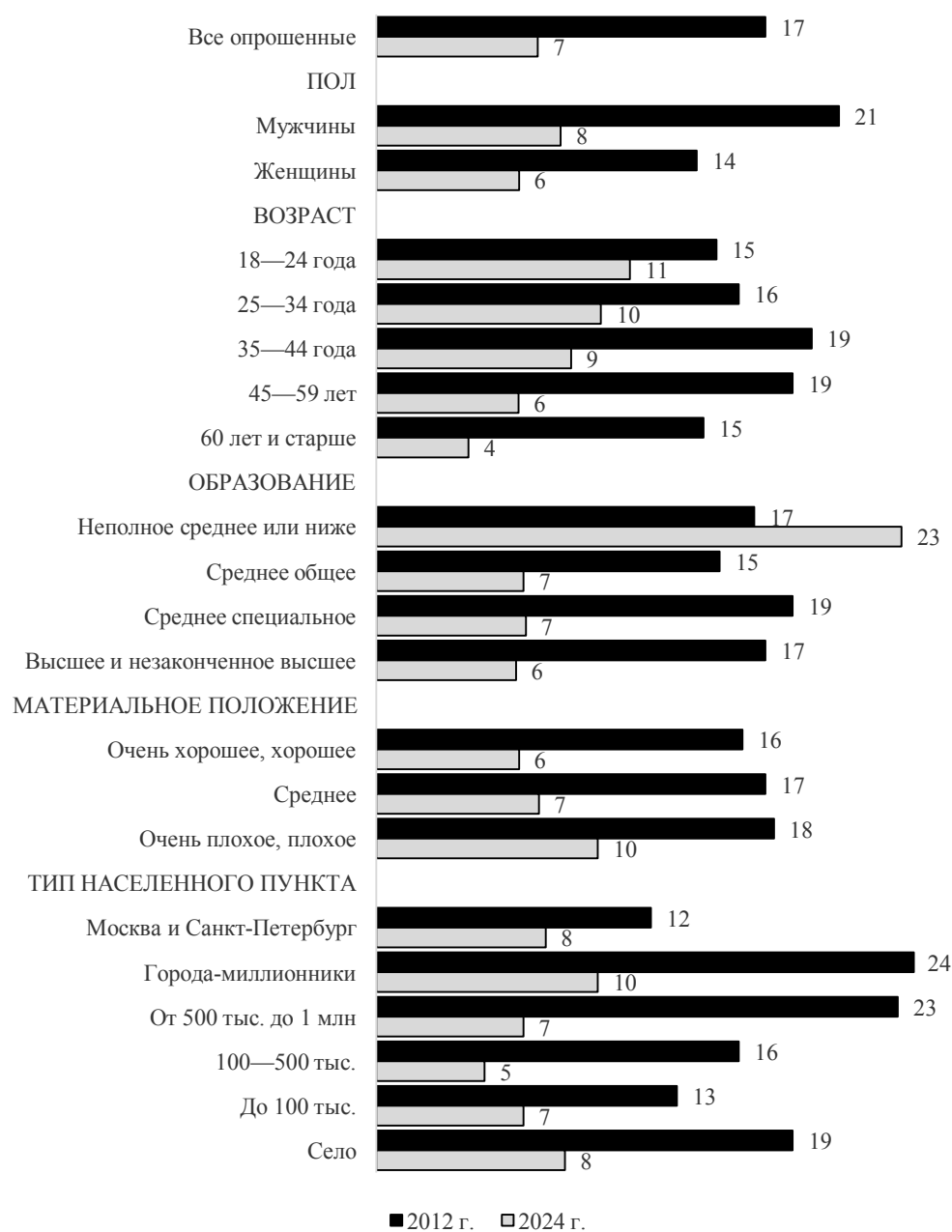

Рис. 1. Доля считающих, что идеальная семья — это семья, в которой никто, прежде всего дети, ни в чем не нуждается, пусть даже отношения между членами семьи не всегда складываются гладко, % к числу респондентов из данной группы, ответивших на этот вопрос⁴

⁴ Рассчитано по: Данные парных распределений. 2012, 2024.

Почти во всех группах респондентов доля предпочитающих богатую, но недружную семью дружной, но небогатой уже в 2012 г. была весьма невелика и при этом заметно уменьшилась к 2024 г. У респондентов всех возрастных групп старше 25 лет показатели понизились не менее чем на 6 %. В 2012 г. не было четкой зависимости этих показателей от возраста, а в 2024 г. стала различимой обратная связь: чем старше респонденты, тем реже они выбирают богатство — от 11 % среди самых молодых до 4 % среди самых пожилых.

Уже в 2012 г. не было существенной дифференциации показателей в зависимости от уровня образования. В 2024 г. показатели снизились и стали практически одинаковыми во всех группах за исключением лиц с неполным средним образованием или без него. У них показатель даже вырос с 17 до 23 %, но это изменение статистически незначимо из-за малой численности группы. Не заканчивают среднюю школу те, у кого для этого есть причины, включая и проблемы со здоровьем. То же часто мешает вступлению в брак и рождению детей. Среди этих людей много бедных, пожилых, больных и одиноких, для которых обеспеченность важнее добрых отношений в семье.

В 2012 г. выбор между богатством и добрыми отношениями почти не зависел от материального положения. К 2024 г. доля предпочитающих богатство резко уменьшилась и составила всего 6 % среди тех, кто оценивает свое материальное положение как хорошее или очень хорошее, 7 % — как среднее и 10 % — как плохое или очень плохое.

В 2012 г. представление об идеальной семье чаще всего (в 23—24 % случаев) увязывали с высокой материальной обеспеченностью жители городов с населением более 500 тыс. человек, кроме Москвы и Санкт-Петербурга, где жизненный уровень выше, чем в других крупных городах и мегаполисах, а это мнение высказывалось в два раза реже (12 % респондентов). В 2024 г. ориентация на обеспеченность почти не зависела от типа населенного пункта.

Некоторые люди чрезмерно зациклены на обеспечении семьи. Из-за этого они проводят слишком много времени вне дома и так устают, что не могут полноценно общаться с супругами и детьми. Жены, требующие, чтобы мужа побольше зарабатывали, нередко упрекают уставших от работы супругов в недостатке внимания к себе и детям. Но если их мужа, чтобы избежать таких попреков, станут меньше работать и меньше зарабатывать, жены обвинят их в недостаточной заботе об обеспечении семьи. Нередко и мужа бывают недовольны тем, что жены слишком много работают, поздно приходят домой и плохо заботятся о них и детях. Такие мужчины обычно не берут семейные заботы на себя, считая, что этим должны заниматься жены.

Трудно найти золотую середину между данными крайностями. К тому же чрезмерная зацикленность на работе не так часто приносит достаточно денег для того, чтобы ни в чем не нуждаться. 93 % из ответивших на данный вопрос выбирают второй вариант, суть которого выражают слова из песни: «Важней всего погода в доме, а остальное — суета».

Равноправие супругов или главенство одного из них. Второй парный выбор делался между равенством и главенством в семье (рис. 2).

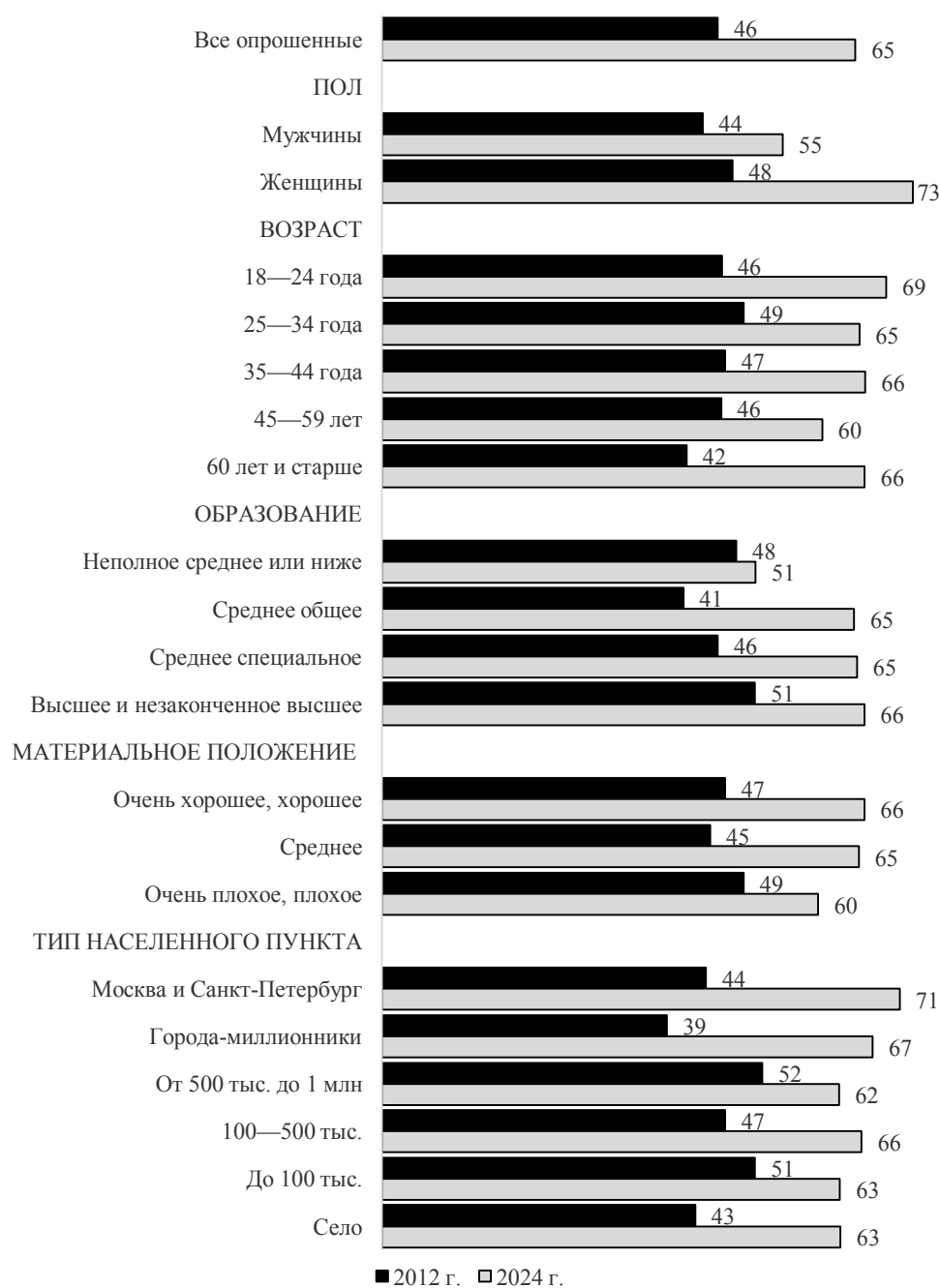

Рис. 2. Доля считающих, что идеальная семья — это семья, в которой отношения строятся по принципу равноправия, все права и обязанности муж и жена делят поровну, % к числу респондентов из данной группы, ответивших на этот вопрос⁵

⁵ Рассчитано по: Там же.

В 2012 г. менее половины респондентов (46 %) считали, что в идеальной семье отношения между мужем и женой должны быть основаны на принципе равноправия. За последующие 12 лет этот показатель достиг 65 %, т. е. увеличился на 19 %. Среди мужчин доля сторонников данной точки зрения повысилась с 44 до 55 %, т. е. на 11 %, а среди женщин — с 48 до 73 %, т. е. на 25 %, и стала на 18 % больше, чем среди мужчин, тогда как в 2012 г. это различие составляло лишь 4 %. Серьезные разногласия между мужчинами и женщинами по данному вопросу вызывают во многих семьях супружеские конфликты, которые нередко заканчиваются разводами.

Доля сторонников равноправия супругов за 2012—2024 гг. увеличилась во всех возрастных группах, но почти не зависит от возраста опрошенных. В 2012 г. сторонники равноправия составляли 41 % среди лиц со средним общим образованием, 46 % — со средним специальным и 51 % — с высшим. В 2024 г. во всех этих группах показатели стали почти одинаковыми (63—66 %).

Как в 2012, так и в 2024 г. не наблюдалось значительных различий в доле сторонников равноправия между респондентами, которые по-разному оценивали материальное положение своих семей. Доля сторонников равноправия сильно увеличилась во всех типах населенных пунктов. В 2024 г. эта доля в обеих столицах составляла 71 %, а в населенных пунктах всех прочих типов — от 63 до 67 %.

Помощь от родственников или независимость от них. Некоторые специалисты по демографии и социологии семьи считают, что супружеские пары стремятся не только жить отдельно от родителей, но и не принимать помощь от них [Шарин, Кулькова, 2019; Синельников, 2022: 233—239]. Однако данные ВЦИОМ не вполне подтверждают эту точку зрения (рис. 3).

В 2012 г. лишь 33 % респондентов считали, что в идеальной семье родственники супругов помогают им морально и материально, дают советы по хозяйству, воспитанию детей и т. д. В 2024 г. их доля повысилась до 38 %. Это изменение статистически значимо ($p < 0,05$). У мужчин данный показатель увеличился с 33 до 41 %, т. е. на 8 %, у женщин с 33 до 36 %, т. е. только на 3 %. В 2024 г. разница между показателями мужчин и женщин стала статистически достоверной и составила 5 %. Мужчины чаще, чем женщины, ориентируются на помощь от родных. Женщины же больше стремятся к самостоятельности своих семей.

В 2012 г. респонденты разных возрастов практически одинаково относились к этой стороне жизни идеальной семьи. В 2024 г. опрошенные в возрастах до 24 лет и старше 45 лет стали чаще ориентироваться на помощь родственников, чем в возрастах от 25 до 44 лет. Молодые люди заинтересованы в этой помощи, так как большинство из них еще не достигли экономической независимости и не создали свои семьи. В отличие от них большинство мужчин и женщин от 25 до 44 лет состоят или состояли ранее в законном браке или в незарегистрированном супружеском союзе. Они лучше, чем молодежь до 24 лет, понимают, что помощь от родителей часто сопровождается вмешательством последних в жизнь супружеской пары. У многих людей старше 45 лет есть взрослые, в том числе и женатые дети, получающие от них помощь. Пожилые и больные люди сами нуждаются в помощи от своих детей, но не всегда ее получают [Ростовская и др., 2021: 66].

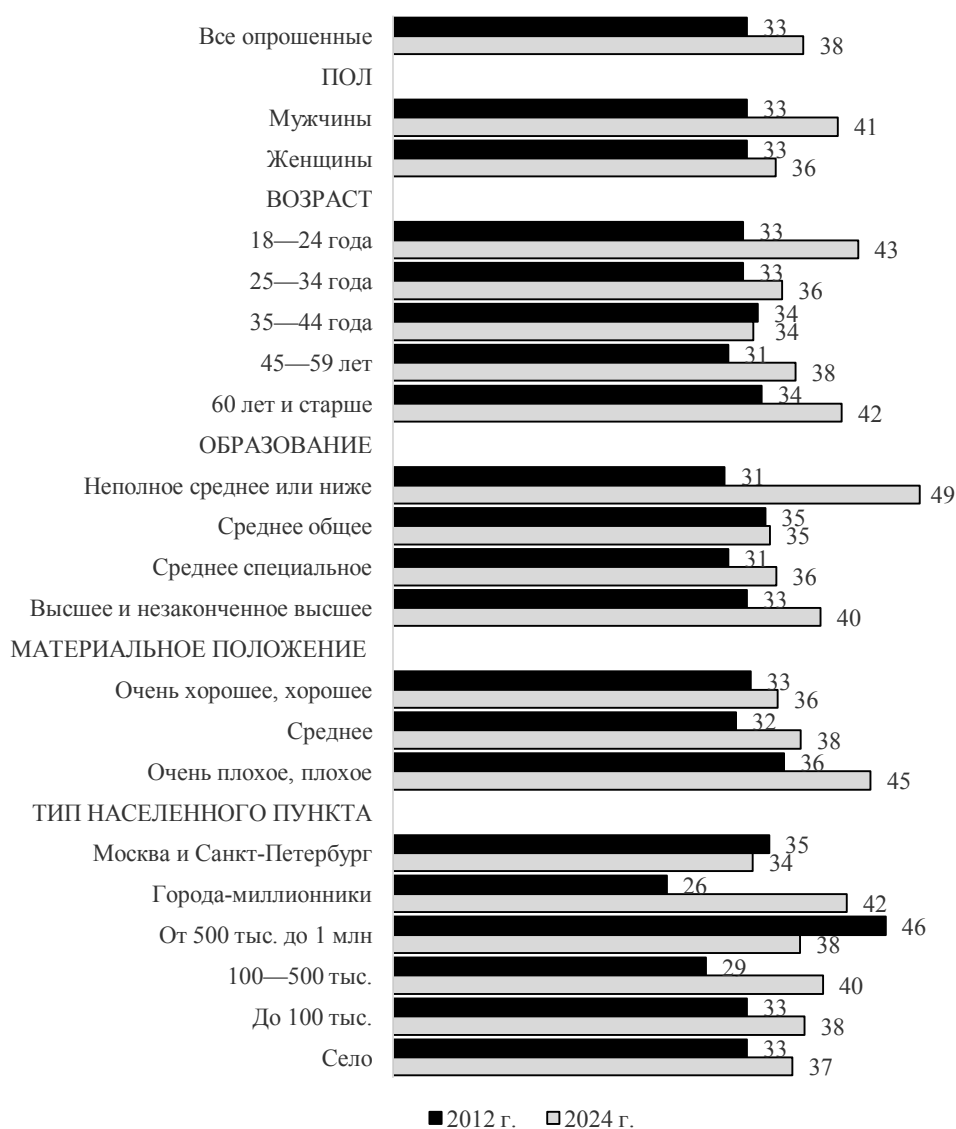

Рис. 3. Доля считающих, что идеальная семья — это семья, в которой родственники супругов помогают им морально и материально, дают советы по хозяйству, воспитанию детей и т. д., % к числу респондентов из данной группы, ответивших на этот вопрос⁶

Различия в отношении к этой стороне семейной жизни между респондентами со средним общим, средним специальным и высшим образованием сравнительно невелики. Респонденты, которые считают плохим или очень плохим материальное положение своих семей, придают большее значение помощи от родственников, чем более обеспеченные люди.

⁶ Рассчитано по: Там же.

В 2012 г. дифференциация мнений по этому вопросу явно зависела от типа населенных пунктов, но в 2024 г. различия стали весьма небольшими.

Эгоизм или семейная солидарность. В отличие от предыдущих парных выборов между суждениями 1-А и 1-В, 2-А и 2-В, 3-А и 3-В, выбор между суждениями 4-А и 4-В (табл.) делается не между разными семейными ценностями, а между *антисемейными*, т. е. эгоистическими, и семейными, т. е. фамилистическими. Согласно суждению 4-А, идеальной является та семья, где каждый имеет право поступать так, как он хочет, даже если это противоречит интересам других членов семьи. Многие люди ведут себя подобным образом, но не признают права других членов семьи на такое же поведение. Неверные мужья и жены возмущаются, когда их супруги тоже изменяют им. Мужья, которые ничего не делают для своих жен, очень недовольны, если жены не заботятся о них. Это разрушает многие семьи. Тем не менее 18 % респондентов в 2012 г. и 24 % в 2024 г. выбрали суждение 4-А (рис. 4).

Увеличение данного показателя статистически значимо. Но у мужчин он стабилизировался на уровне 19—20 %, а у женщин увеличился в 1,7 раза (с 17 до 29 %) и стал на 10 % больше, чем у мужчин. Значимость этого гендерного различия бесспорна. Стремление женщин к профессиональной самореализации зачастую не одобряется мужьями, которые считают, что это мешает женам заниматься домом и детьми, но сами семейными делами почти не занимаются. Как правило, их возражения не останавливают женщин.

Среди респондентов в возрастах от 18 до 24 лет доля сторонников индивидуалистической модели повысилась с 21 до 50 %, т. е. на 29 %, или в 2,4 раза, а в возрастах от 25 до 34 лет — с 19 до 32 %, т. е. на 13 %, или в 1,7 раза. Среди респондентов старше 35 лет, подавляющее большинство из которых имеют или имели в прошлом свои семьи, эти показатели значительно ниже.

По мнению советника генерального директора ВЦИОМ Елены Михайловой, «индивидуалистическая модель семьи, которая представляется значительной части молодежи привлекательной, в более зрелом возрасте гораздо реже воспринимается как идеальная»: «Само содержание семьи предполагает готовность к принятию ответственности за других, совместных решений, взаимной поддержки. Если модель поведения одного из супругов допускает постоянное совершение действий, противоречащих интересам других членов семьи, то между супругами увеличивается социальная дистанция, а сам смысл семьи (“вместе в горе и радости”) постепенно нивелируется»⁷.

При сравнении долей сторонников индивидуалистической модели среди молодежи и лиц более старших возрастов надо учитывать не только то, что на момент опроса эти люди находятся на разных этапах жизненного цикла, но и то, что они принадлежат к разным поколениям. Поскольку ВЦИОМ опубликовал базу данных исследования «Идеальная семья — 2024», стало возможным изменение возрастной группировки таким образом, чтобы выявить тенденции внутри каждого поколения, которое в 2024 г. стало на 12 лет старше по сравнению с 2012 г. (рис. 5).

⁷ Идеальная семья — 2024. Разд.: Комментарии.

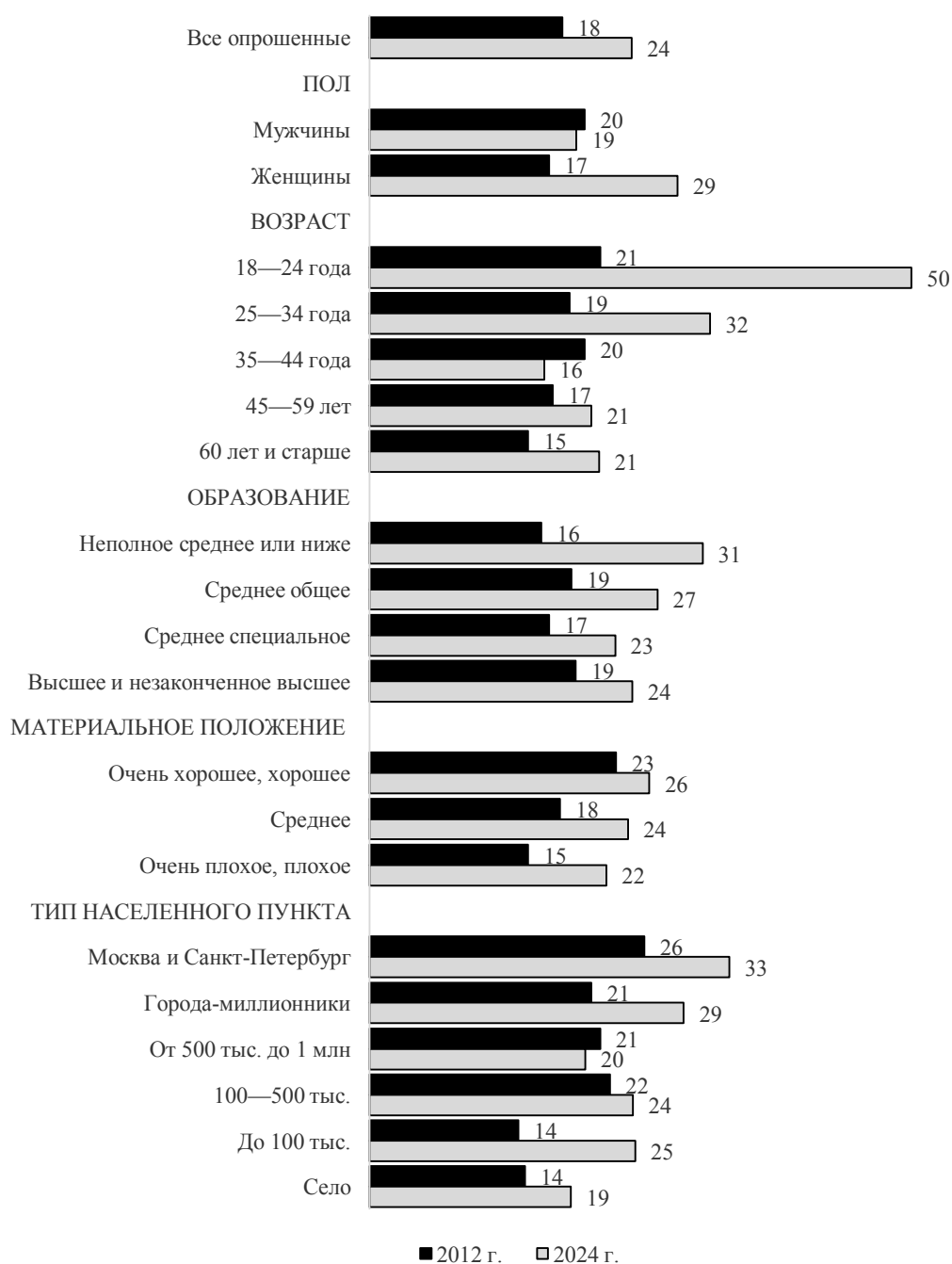

Рис. 4. Доля считающих, что идеальная семья — это семья, в которой каждый имеет право поступать так, как он хочет, даже если его интересы идут вразрез с интересами других членов семьи, % к числу ответивших на этот вопрос в каждой группе⁸

⁸ Рассчитано по: Данные парных распределений. 2012, 2024.

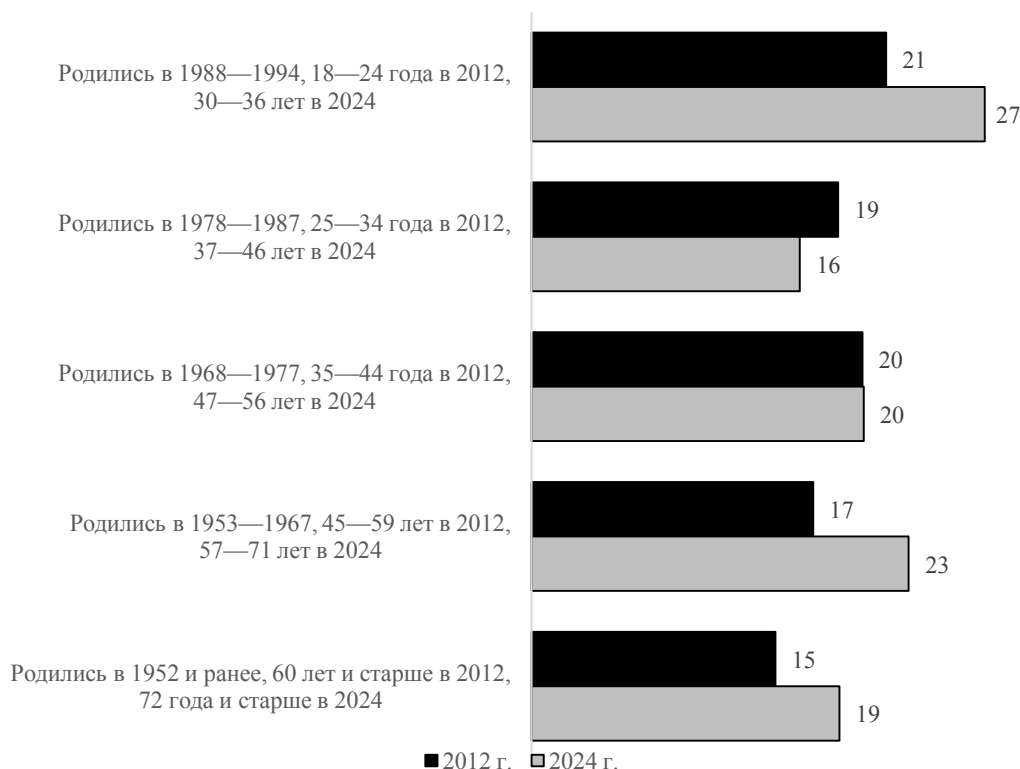

Рис. 5. Доля предпочитающих индивидуалистическую модель семьи, % к числу респондентов, родившихся в том или ином периоде и достигших соответствующих возрастов в 2012 и 2024 гг.⁹

Родившимся в 1988—1994 гг. в 2012 г. исполнилось от 18 до 24 лет. Сравнительно немногие из них (особенно среди мужчин) успели вступить в брак. В 2024 г. представители этого поколения достигли возрастов от 30 до 36 лет. Их большая часть приобрела опыт семейной жизни. Теоретически это должно было способствовать снижению среди них доли сторонников индивидуалистической семьи. Но она повысилась с 21 до 27 %, а в поколении 1953—1967 годов рождения, представители которого родились им в родители, — с 17 до 23 %.

Небольшое увеличение этих показателей у респондентов данных поколений и еще меньшие изменения у людей других поколений не являются статистически значимыми. С учетом числа респондентов в каждом поколении можно сделать вывод о том, что при переходе в более старшие возрасты доля сторонников индивидуалистической семьи существенно не меняется.

В 2024 г. уже 50 % респондентов от 18 до 24 лет (2000—2006 годы рождения) идеализировали модель индивидуалистической семьи. Судя по опыту поколения 1988—1994 годов рождения (рис. 5), можно предположить, что эта доля среди них после перехода в более старшие возрасты не уменьшится.

⁹ Рассчитано по: Идеальная семья — 2024. Разд.: Массив; Данные парных распределений. 2012.

Доля сторонников индивидуалистической модели увеличилась среди респондентов с любым уровнем образования. Но в 2024 г. дифференциация этих показателей в зависимости от уровня образования (кроме неполного среднего и ниже), а также от материального положения была очень слабой.

Реже всего предпочитают индивидуалистическую модель сельские жители (14 % в 2012 г. и 19 % в 2024 г.), чаще всего — более продвинутые москвичи и питерцы (соответственно 26 и 33 %; рис. 4). В обеих столицах, которые являются моделью демографического будущего для всей страны, уже более ста лет уровень рождаемости не обеспечивает простого замещения поколений. Их население до сих пор растет, но лишь за счет миграции.

В 1916 г. известный российский социолог П. А. Сорокин писал: «Интересы и благосостояние семьи побуждают нас, с одной стороны, к социально полезному поведению, но с другой — они ставят ему весьма узкие границы. Заинтересованность в судьбах своей семьи вызывает своего рода семейный эгоизм, равнодушие к другим людям — не членам семьи, замыкание личности в узкую скорлупу семейного благосостояния и подчас принесения в жертву ему иных, более широких, общественных интересов» [Сорокин, 1997: 77]. Это мнение о семье разделяли многие лидеры большевиков. Поэтому советская власть долгое время пыталась заменить семейное воспитание детей общественным [Хасбулатова, Смирнова, 2024: 46].

Однако обычные люди не могут относиться ко всем окружающим так же, как к членам своей семьи. Крайние формы семейного эгоизма создают некоторые проблемы. В частности, в странах с сильными родственными связями семейные фирмы очень редко становятся крупными, поскольку их главы доверяют лишь родственникам и не берут на работу менеджеров и других профессионалов, не состоящих с ними в родстве. Это тормозит развитие экономики [Fukuyama, 1995]. Но единственной реальной альтернативой семейному эгоизму является намного более опасный для общества индивидуалистический эгоизм. Его распространение приводит к исчезновению социального института семьи и вымиранию населения.

Те, кому не нравится, что родители учат детей заботиться в первую очередь о самих себе и членах своей семьи, не понимают, что почти все люди, которые не заботятся о своих родных, руководствуются не общественными, а эгоистическими интересами. Многие из них не помогают старым и больным родителям, чтобы не усложнять себе жизнь, не вступают в брак или разводятся, чтобы сохранить либо вернуть личную независимость. На склоне лет они остаются в одиночестве. Никто о них не заботится [Klinenberg, 2012].

Связь между отношением к многодетности и суждениями об отношениях в идеальной семье. В ходе исследования ВЦИОМ в 2024 г. респондентам трижды задавался вопрос: «Поговорим о семье. Как Вы представляете себе идеальную семью? Опишите ее». Респонденты в свободной форме отвечали на этот вопрос, не содержащий никаких подсказок, т. е. вариантов ответа. 90 % из них сформулировали хотя бы одно описание идеальной семьи.

В опубликованной ВЦИОМ базе данных указанного исследования такие описания сведены к 50 тематическим группам. Самой большой оказалась группа респондентов, предоставивших описания типа «Муж + жена + дети / полноценная

семья» (33 %). Но они не уточняли, о каком числе детей идет речь. Описания же типа «Много детей / (3+) / большая семья» дали только 9 % опрошенных. Связь представлений о многодетности с другими суждениями об идеальной семье показана на рисунке 6.

Рис. 6. Доля сторонников разных моделей идеальной семьи, % к числу лиц, по мнению которых она должна быть большой/многодетной, и % к числу всех остальных респондентов в 2024 г.¹⁰

Почти все респонденты (92—93 %) как среди считающих, что идеальная семья должна быть многодетной, так и среди остальных полагают, что небогатая, но дружная семья ближе к идеальной, чем богатая, но недружная.

Большинство сторонников многодетности выступают также и за равноправие супругов, но доля таких людей среди них меньше, чем среди остальных респондентов (55 против 66 %). Большая часть многодетных матерей не работают либо работают неполный рабочий день или неделю [Смолева, 2017: 18; Синельников и др., 2023: 81—83]. Обеспечением их семей занимаются мужья, которые часто, но далеко не всегда становятся главами семей. Люди, идеализирующие многодетную семью, чаще, чем прочие респонденты, считают, что в идеальной семье должен быть глава, на которого могут опереться другие ее члены. Но это не означает, что он игнорирует их интересы.

¹⁰ Рассчитано по: Идеальная семья — 2024. Разд.: Массив.

Многодетные семьи в большей степени, чем супружеские пары без детей или с одним-двумя детьми, нуждаются в помощи со стороны родителей и других родственников (49 против 37 %). Повышение возраста выхода на пенсию увеличивает возможности получения материальной помощи от старшего поколения, но мешает бабушкам присматривать за внуками, особенно если они являются вторыми или третьими детьми у своих родителей. От числа рождений этих очередностей сильно зависит уровень рождаемости и степень замещения поколений [Шарин, Кулькова, 2019]. На число первенцев пенсионная реформа влияет в меньшей степени, поскольку они чаще, чем вторые и третьи дети, рождаются до достижения их бабушками прежнего пенсионного возраста (55 лет). Следует разрешить досрочный выход на пенсию без уменьшения ее размера бабушкам, занятым уходом и присмотром за несколькими внуками от одного сына или одной дочери.

Сторонники многодетности гораздо реже, чем прочие респонденты (15 против 25 %), идеализируют индивидуалистическую модель семьи.

Заключение

Анализ данных опросов ВЦИОМ подтвердил гипотезу исследования: люди, считающие, что в идеальной семье должно быть много детей, ориентируются на более традиционный тип отношений внутри семьи, а также на получение помощи от родственников чаще, чем те, кто не идеализирует многодетность.

В сознании респондентов ВЦИОМ, которые репрезентативно представляют все взрослое население России, образ идеальной семьи несравненно больше ассоциируется с дружной, хотя и небогатой семьей, чем с богатой, но недружной, чаще увязывается с равноправием мужа и жены, совместно принимающих решения по важным вопросам, чем с наличием главы семьи, который один принимает эти решения и отвечает за благополучие всех ее членов, заставляет задуматься скорее о том, что супружеская пара должна быть независимой и сама решать все свои проблемы, чем о том, что ей должны помогать родственники.

Вызывает тревогу рост доли респондентов, считающих, что каждый член идеальной семьи имеет право делать все, что хочет, даже если это противоречит интересам других ее членов. В 2012 г. столь эгоистичной позиции, несовместимой с семейной жизнью, придерживался каждый пятый среди респондентов, родившихся в 1988—1994 гг. и достигших на момент опроса возрастов от 18 до 24 лет. Но 12 лет спустя, когда респондентам этого поколения исполнилось от 30 до 36 лет и большая их часть имели свои семьи, данное мнение стала разделять уже четверть его представителей, а среди респондентов более молодого поколения 2000—2006 годов рождения, которым в 2024 г. исполнилось от 18 до 24 лет, — даже половина. К сожалению, опыт семейной жизни далеко не всегда избавляет людей от этих антисемейных иллюзий. Попытки их реализации разрушают семьи прежде, чем они успевают стать многодетными. Но среди респондентов, для которых идеалом является многодетная семья, мало кто считает, что каждый ее член может игнорировать интересы других ее членов.

Широкое распространение эгоизма в обществе препятствует созданию семей и способствует их распаду. С 2024/25 учебного года в школах вводится курс семействедения. На уроках по этому предмету надо объяснять учащимся, что эгоисты не смогут создать семью или не сумеют ее сохранить, что они обречены на одиночество до конца своих дней и никто о них не позаботится, когда им потребуется помощь. Следует приводить множество таких примеров из жизни как на занятиях в учебных заведениях, так и в СМИ.

Конечно, льготы и пособия для семей с детьми необходимо увеличить. Но это может повысить рождаемость до уровня простого или расширенного замещения поколений лишь тогда, когда основная масса населения станет считать идеальной семьей основанную на прочном законном браке дружную семью с тремя и более детьми и будет стремиться к реализации этого идеала.

Список источников

- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Ценность семьи глазами россиян: социологический анализ // Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 4. С. 59—71.
- Синельников А. Б. Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ: учебное пособие. М.: Перо, 2022. 392 с. URL: <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/> (дата обращения: 30.07.2024).
- Синельников А. Б., Карпова В. М., Ляликова С. В., Антонов А. И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71—85.
- Смолева Е. О. Многодетные и одинокие матери: стереотипы и социальная уязвимость // Женщина в российском обществе. 2017. № 4. С. 14—25.
- Сорокин П. А. Кризис современной семьи // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 1997. № 3. С. 65—79. Впервые опубликовано: Ежемесячный журнал. 1916. № 2, 3.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Семейная политика в СССР (1936—1955): историко-социологический анализ // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 43—54.
- Шарин В. И., Кулькова И. А. Влияние помощи старшего поколения на рождаемость в России // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 2. С. 40—50.
- Fukuyama F. Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity. New York: The Free Press, 1995. 457 p.
- Klinenberg E. Going Solo: the Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. New York: Penguin Books, 2012. 273 p.

References

- Fukuyama, F. (1995) *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, New York: The Free Press.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2024) Semeĭnaia politika v SSSR (1936—1955): istoriko-sotsiologicheskiĭ analiz [Family policy in the USSR (1936—1955): historical and sociological analysis], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—54.
- Klinenberg, E. (2012) *Going Solo: The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone*, New York: Penguin Books.

- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Zolotareva, O. A. (2021) Tsennost' sem'i glazami rossiian: sotsiologicheskiĭ analiz [The value of the family in the eyes of Russians: a sociological analysis], *Demograficheskie issledovaniia*, vol. 1, no. 4, pp. 59—71.
- Sharin, V. I., Kulkova, I. A. (2019) Vliianie pomoshchi starshego pokoleniia na rozhdaiemost' v Rossii [Impact of the older generation's support on fertility in Russia], *Narodonaselenie*, vol. 22, no. 2, pp. 40—50.
- Sinel'nikov, A. B. (2022) *Braki i razvody v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskiĭ analiz: Uchebnoe posobie* [Marriages and divorces in modern society: a sociological analysis: Study guide], Moscow: Pero, available from <https://istina.msu.ru/publications/book/510459430/> (accessed 30.07.2024).
- Sinel'nikov, A. B., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Antonov, A. I. (2023) Vliianie reproduktivnogo opyta roditel'skikh semeĭ na veroiatnost' vybora mnogodetnoi strategii roditel'stva [The influence of reproductive experience of parental families on the probability of choosing a parenting strategy for large families], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 71—85.
- Smoleva, E. O. (2017) Mnogodetnye i odinokie materi: stereotipy i sotsial'naia uiazvimost' [Mothers with many children and single mothers: stereotypes and social vulnerability], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 14—25.
- Sorokin, P. A. (1997) Krizis sovremennoi sem'i [The crisis of the modern family], *Vestnik Moskovskogo universiteta*, seriia 18, Sotsiologiya i politologiya, no. 3, pp. 65—79. Vpervye opublikovano: *Ezhemesiachnyi zhurnal* (1916), no. 2, 3.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 19.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 19.08.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Синельников Александр Борисович — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии семьи и демографии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, sinalexander@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Sociology of Family and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 35—50.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 35—50.

Научная статья

УДК 314:316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3

РЕПРОДУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДОЙ СЕМЬИ:
АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Тамара Керимовна Ростовская^{1,2}, Оксана Викторовна Кучмаева^{1,3},
Наталья Алексеевна Соловьева⁴, Екатерина Сергеевна Азарова⁴

¹ Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru

² Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

³ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

⁴ Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. На основе авторского социологического исследования «Студенческая семья России», проведенного в 2022 г. в 12 регионах России, рассматриваются особенности репродуктивных установок студенческой молодежи. Дано понятие репродуктивного потенциала студенческой семьи как разницы между имеющимися репродуктивными намерениями и степенью их реализации в сложившихся экономических и социальных условиях. Исследование показало наличие различных стратегий репродуктивного поведения студенческой молодежи, роль социокультурных факторов, в частности родительской семьи, в его формировании. В целом доля состоящих в браке и имеющих детей студентов весьма незначительна, что определяется ценностными ориентациями и сложившейся стратегией формирования профессиональной и семейной карьеры. Определены возможные меры семейной и демографической политики, которые позволят реализовать репродуктивный потенциал студенческой семьи.

Ключевые слова: молодая семья, студенческая семья, студенческая молодежь, репродуктивное поведение, рождаемость, репродуктивный потенциал, демографическая политика, семейная политика, поддержка студенческой семьи

Для цитирования: Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Соловьева Н. А., Азарова Е. С. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования // *Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 35—50.*

Original article

REPRODUCTIVE POTENTIAL OF YOUNG FAMILIES: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Tamara K. Rostovskaya^{1,2}, *Oksana V. Kuchmaeva*^{1,3},
*Natalya A. Solovyeva*⁴, *Ekaterina S. Azarova*⁴

¹ Institute for Demographic Research — Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

³ M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

⁴ Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Based on data from a sociological study by the authors “Student Family of Russia”, conducted in 2022 in 12 regions of Russia, the article examines the attitude of student youth to having children. The authors define the reproductive potential of student families as the difference between existing reproductive intentions and the birth rate in the current economic and social conditions. The study showed the presence of different strategies of student youth in having children. In general, the proportion of married students with children is very small, which is determined by the value orientations and attitudes of young people towards professional and family careers. The article identifies possible family and demographic policy measures that will increase the birth rate among student families.

Key words: young family, student family, student youth, reproductive behavior, fertility, reproductive potential, demographic policy, family policy, student family support

For citation: Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Solovyeva, N. A., Azarova, E. S. (2024) Reproductivnyĭ potentsial molodoĭ sem'i: analiz sotsiologicheskogo issledovaniia [Reproductive potential of young families: results of a sociological study], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 35—50.

Введение

Одной из значимых проблем современной России, влияющей не только на демографическое, но и на социально-экономическое развитие, выступает снижение рождаемости. Исследования показывают, что старение рождаемости, сдвиг начала репродуктивной карьеры к старшим возрастам, приводит к снижению уровня рождаемости.

Молодой возраст — это возраст выбора профессионального пути и создания семьи. Общепризнанного определения возрастной группы, которое фиксирует границы молодежного возраста, не существует. Для статистических целей Организация Объединенных Наций определяет «молодежь» как совокупность лиц в возрасте от 15 до 24 лет [Международный год молодежи... , 1981].

В Российской Федерации до декабря 2020 г. возраст молодежи охватывал период от 14 до 30 лет, с принятием Федерального закона «О молодежной политике

в Российской Федерации» он был повышен с 30 до 35 лет¹. В рамках установленного правового статуса российской молодежи авторы выделяют студенческую молодежь, особую группу в возрасте от 18 до 25 лет, в которой сосредоточены брачный и репродуктивный потенциалы.

Разработка и реализация демографической политики, с учетом особенностей демографического поведения студенческой молодежи, специфики жизнедеятельности студенческой семьи, представляется весьма актуальной. Студенческая семья — особый тип молодой семьи, условия жизнедеятельности которой связаны с необходимостью сочетания супругами семейных обязанностей и получения образования, а также трудовой занятости для обеспечения материального благополучия.

Символично, что в Год семьи в Российской Федерации особое внимание уделяется поддержке молодых студенческих семей, которых сегодня, по данным мониторинга Минобрнауки России, насчитывается 17 тысяч [Ростовская, 2024]. В ежегодном Послании к Федеральному собранию Российской Федерации Президент России В. В. Путин определил среди важных вопросов, «решение которых считается принципиально важным для уверенного, долгосрочного развития страны»², создание условий, позволяющих студентам, аспирантам, имеющим молодые семьи, учиться, работать и воспитывать детей.

В рамках данной статьи под студенческой семьей понимается семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для студенческой семьи с детьми возраст супругов может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования) [Ростовская и др., 2023]. При определении студенческой семьи во внимание принимался подход к выделению студенческого возраста — от 18 до 25 лет, предложенный отечественными психологами Б. Г. Ананьевым [Ананьев, 1974], Л. С. Выготским [Выготский, 2000].

Интересы семейной и профессиональной карьеры у молодежи вступают в противоречие, разрешение которого определяется системой ценностей молодежи и результативностью стратегии семейной и демографической политики, реализуемой с участием различных субъектов (государство, общественные и религиозные организации, бизнес-сообщества, вузы). Создание семьи в молодом возрасте, с одной стороны, может повлечь за собой рост рождаемости, что значимо в условиях сложной демографической ситуации в России, с другой — способствует социальному и психологическому благополучию молодых людей, препятствует распространению одиночества.

Целью работы выступает выявление репродуктивных намерений студенческой молодежи, оценка репродуктивного потенциала студенческой семьи и роли мер государственной поддержки в его реализации.

¹ О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ: (ред. от 22.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Послание Президента Федеральному собранию // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации. 2024. 29 февраля. URL: <http://duma.gov.ru/news/58905/> (дата обращения: 30.06.2024).

Данное исследование поможет ответить на вопросы, насколько отличаются репродуктивные намерения студенческой молодежи и их реализация от установок, свойственных другим группам молодого населения; возможно ли мерами демографической и семейной политики обеспечить реализацию репродуктивного потенциала студенчества.

Источники и методы исследования

Многозадачность исследования требует комплексного подхода к выбору данных и исследовательских методик.

В статье использованы результаты авторского Всероссийского социологического исследования «Студенческая семья России», проведенного в 2022 г. методом анкетного опроса в 15 высших учебных заведениях 12 регионов России³. Объем выборочной совокупности составил 1388 студентов очной формы обучения в возрасте 17—28 лет.

Среди студентов, участвовавших в опросе, 73,4 % — студенты бакалавриата (25,5 % студенты 1 курса, 24,5 % — 2 курса, 29,4 % — 3 курса, 20,6 % — 4 курса), 18,5 % — магистратуры (54,3 % — 1 курса, 45,7 % — 2 курса), 8,1 % — специалитета.

Авторы опирались в оценке репродуктивного потенциала студенческой семьи на теорию репродуктивного поведения, определяющую зависимость уровня рождаемости от распространенности различных типов репродуктивного поведения, отличающихся потребностью в детях, уровнем репродуктивных установок и степенью их реализации. При этом на формирование и реализацию репродуктивных намерений влияет совокупность факторов [Coale, Watkins, 1986; Борисов, 2007], включая социокультурные детерминанты [Антонов, 1980]. Изменение репродуктивного поведения является одной из характеристик второго демографического перехода [Каа, 1987; Lesthaeghe, 2010], в ходе которого значительную роль в репродуктивных установках играют индивидуально ориентированная система ценностей, многообразие норм поведения в сфере семьи и брака.

Обработка данных выборочного опроса осуществлялась в программе IBMSPSSStatistics 25, проверка значимости различий в распределениях признаков проводилась на основе использования t-критерия и непараметрического критерия Хи-квадрат (для номинальных и порядковых переменных).

³ Московский государственный медико-стоматологический университет им. А. И. Евдокимова (с 2024 г. — Российский университет медицины), Московский городской педагогический университет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, РАНХиГС (г. Москва), Волгоградский государственный университет (г. Волгоград), Ивановский государственный университет (г. Иваново), Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета (г. Муром), Национальный исследовательский Мордовский университет им. Н. П. Огарёва (г. Саранск), Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (г. Омск), Севастопольский государственный университет (г. Севастополь), Тверской государственный университет (г. Тверь), Тувинский государственный университет (г. Кызыл), Удмуртский государственный университет (г. Ижевск), Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова (г. Новочеркасск).

Репродуктивное поведение студенческой молодежи

Репродуктивное поведение представляет собой систему «действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения в браке или вне брака» [Борисов, 1970: 8]. Таким образом, модели репродуктивного поведения могут выступать ресурсом повышения или снижения рождаемости.

«Потенциал» в широком смысле слова — это «совокупность всех средств, запасов, источников, которые могут быть использованы в случае необходимости с какой-либо целью» [Словарь... , 1999]. Соответственно под репродуктивным потенциалом студенческой семьи в рамках данного исследования понимается разница между имеющимися репродуктивными намерениями и степенью их реализации в сложившихся экономических и социальных условиях.

Внимание к репродуктивному потенциалу студенческой семьи обусловлено рядом обстоятельств. Для репродуктивного поведения россиян характерно откладывание первых рождений [Данные Выборочного наблюдения...], проявляется тенденция старения рождаемости: по расчетам ФСГС, средний возраст матери составил в 2022 г. 28,9 лет [Демографический ежегодник... , 2023]. Растет возраст вступления в брак: по данным Росстата, только за 2021—2022 гг. он вырос на 1 год и составил в 2022 г. 23,2 года у женщин и 25,4 года у мужчин. В ближайшее время, в соответствии с тенденциями изменения возрастной структуры, будет происходить сокращение численности населения молодых репродуктивных возрастов, что не может не сказаться на уровне рождаемости [Ростовская и др., 2023]. К 2030 г. доля населения в возрастах моложе трудоспособного составит 16,2 %, к 2035 г. — 14,3 % [Предположительная численность... , 2023].

Наблюдаемые тенденции обуславливают внимание к ценности семьи и брака в молодых возрастах. В большинстве исследований проблемы студентов и выпускников рассматриваются прежде всего во взаимосвязи с трудоустройством и профессиональным становлением. Однако многим молодым людям приходится в этот момент принимать целый ряд сложных решений в своей жизни, таких как выбор места жительства, создание семьи, вступление в брак, становление карьеры [Амбарова, Зборовский, 2022].

Среди детерминантов, определяющих специфику процесса взросления современной молодежи, исследователи выделяют длительный процесс обучения и более позднее обретение финансовой независимости и экономической самостоятельности, разнообразие жизненных стратегий [Радаев, 2018; Ядова, 2022].

Молодые люди, занятые получением профессионального образования и карьерным становлением, откладывают создание семьи и рождение детей на потом, что впоследствии выступает одним из значимых факторов снижения рождаемости и демографического спада. На основе анализа данных опросов ФОМ, данных РМЭЗ НИУ ВШЭ и государственной демографической статистики А. Б. Синельников делает вывод, что люди с высшим образованием в любом возрасте имеют меньше детей, чем их ровесники без высшего образования [Синельников, 2023]. Этот факт актуализирует исследования репродуктивного потенциала студенческой молодежи, занятой одновременно построением своей профессиональной и семейной карьеры.

Исследование особенностей репродуктивного поведения студенческой молодежи и студенческих семей позволит выявить реальный и потенциальный вклад студенческой семьи в демографическое развитие России, а также обосновать стратегию адресной семейной политики в интересах студенческой семьи.

Репродуктивные установки. Взаимосвязь брачных и репродуктивных установок

Репродуктивные установки характеризуют поведение людей, отдельных социально-демографических групп населения в области рождаемости: их намерение родить определенное количество детей или не рожать вовсе. На формирование репродуктивных установок молодежи влияет совокупность субъектов: родительская семья, сфера образования, различные средства массовой информации, религиозные институты и прочие референтные группы [Ростовская и др., 2024].

Опрос студентов российских вузов 2022 г. показал, что только 14,7 % российских студентов состоят в браке, из них 8,1 % — в зарегистрированном. Уровень брачности студенток выше (18,2 %), чем мужчин (7,7 %), студентки чаще заключают брак с молодыми людьми, уже завершившими образование.

Большая часть студентов полагают, что оптимальный возраст вступления в брак — после 25 лет для женщин (49,8 %) и еще выше — для мужчин (67,4 %). Около 17 % (17,1 % женщин и 16,7 % мужчин) пока вообще не задумывались о возрасте вступления в брак. 14,4 % респондентов считают, что мужчине стоит вступить в брак до достижения возраста 24 лет, 31,8 % придерживаются такого мнения в отношении женщин.

Мнения тех студентов, кто уже состоит в браке, относительно оптимального возраста вступления в брак отличаются. Среди них больше тех, кто приветствует ранние браки. 27,7 % уже вступивших в брак в студенчестве считают, что мужчине стоит вступить в брак до 24 лет, относительно женщин такого мнения придерживаются 44,8 % состоящих в браке студентов. Вступление в брак в молодом возрасте для указанной группы студентов — это реализация своей жизненной стратегии, ценность брака в системе жизненных ценностей для них значительна.

Студенты, пока не состоящие в браке, большей частью не имеют четких планов относительно выстраивания своей брачной карьеры. 66,4 % мужчин и 66,5 % женщин, отвечая на вопрос о том, хотели ли бы они начать жить в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) вскоре после окончания вуза или еще подождать, дали ответ «подождать еще несколько лет» или «трудно сказать, как сложится жизнь».

Кроме того, существуют значительные различия в ценности зарегистрированного брака и желательного времени вступления в брак (ответы на вопрос «Хотите ли вы начать жить в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) вскоре после окончания вуза или еще подождать?»). Большая значимость зарегистрированного брака сопряжена с желательностью вступить в брак, если не в ходе получения образования, то вскоре после его завершения. Для тех студентов, кто предполагает вступить в брак вскоре после окончания вуза, ценность состоять в зарегистрированном браке по 5-балльной шкале составляет 4,36 балла, для тех, кто намерен подождать еще несколько лет, — 3,65 балла, для тех, кто вообще не задумывался об этом, — 2,89 балла.

С учетом незначительного уровня брачности число студентов, имеющих детей, весьма невелико. Из 1388 опрошенных студентов только 67 имеют детей (4,8 %). Средний возраст студентов, имеющих детей, выше, чем бездетных, — 26,2 и 20,2 года соответственно. Студенты с детьми — это студенты старших курсов,

а также магистранты: 62,7 % студентов с детьми в возрасте 23 лет и старше, 33,9 % из них — учащиеся старших курсов (4-й курс бакалавриата, 5-й курс специалитета), среди студентов с детьми 34,3 % обучаются в магистратуре (без детей — 17,7 %).

Среди тех студентов, у кого пока нет детей, лишь 3,1 % респондентов (3,2 % среди мужчин и 6,8 % среди женщин) хотели бы, чтобы у них появился ребенок во время продолжения образования. Остальные высказались против или затруднились с ответом. Существуют значительные различия во мнениях респондентов в зависимости от нахождения их в браке. Среди состоящих в браке студентов 17,9 % хотели бы, чтобы у них родился ребенок, пока они учатся в вузе. Среди тех, кто в браке пока не состоит, соответствующий показатель составил 0,6 %.

Респонденты отвечали на блок вопросов, позволяющих выстроить рейтинг их жизненных ценностей (на вопрос «Насколько эти цели важны для Вас?» ответ предлагалось дать по 5-балльной шкале, где 1 означает «совсем не важно», а 5 — «очень важно»). Среди 35 вариантов ответов жизненная цель «воспитать ребенка» заняла 23-е место (рейтинг 3,67 балла), «жить в зарегистрированном браке с супругом(ой), своей семьей» — 25-е место (3,52 балла), «вырастить двоих детей» — 30-е место (3,05 балла), «иметь троих детей» — последнее, 35-е место (1,97 балла). Авторы отмечают, что первые места в рейтинге принадлежат таким ценностям, как «материальное благополучие моей семьи» (4,75 балла), «хорошее здоровье» (4,72 балла), «собственное хорошее жилье» (4,71 балла). «Чувство безопасности», «возможность уделять себе достаточное время», «иметь рядом близкого человека (не обязательно супруга)», «путешествия», «хорошая работа» опережают ценность детей и зарегистрированного брака.

Репродуктивные установки российского студенчества характеризуются в среднем ориентиром на двухдетную семью (рис. 1—3). Показатели среднего желаемого числа детей составляют 1,94 ребенка для мужчин и 1,91 — для женщин. При этом 19,7 % мужчин и 16,6 % женщин хотели бы иметь троих и более детей.

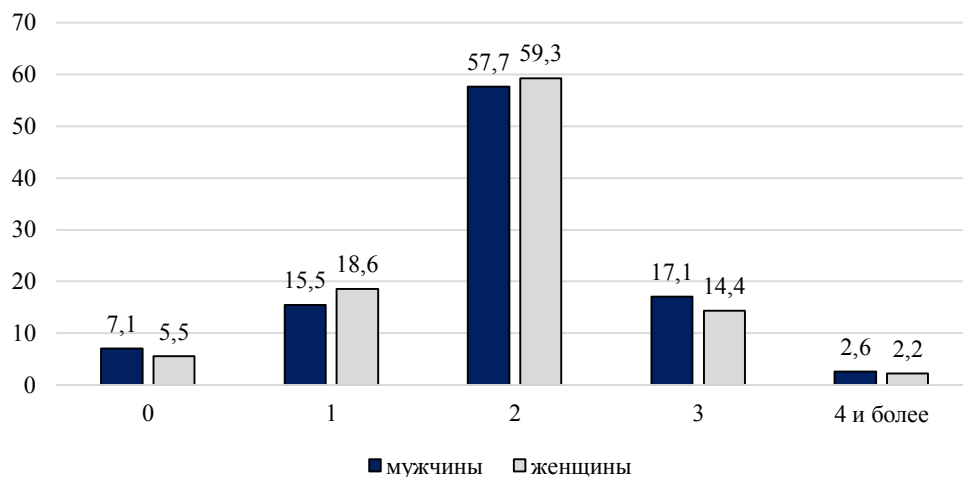

Рис. 1. Ожидаемое число детей (распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько всего детей вы собираетесь иметь?», %)

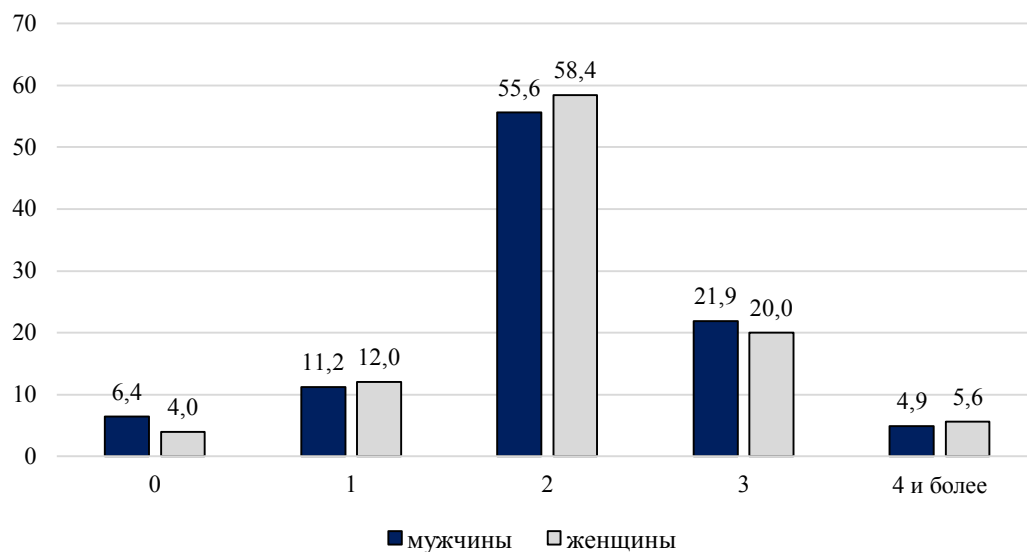

Рис. 2. Желаемое число детей (распределение ответов респондентов на вопрос «Сколько всего детей вы хотели бы иметь, если у вас будут для этого все необходимые условия?», %)

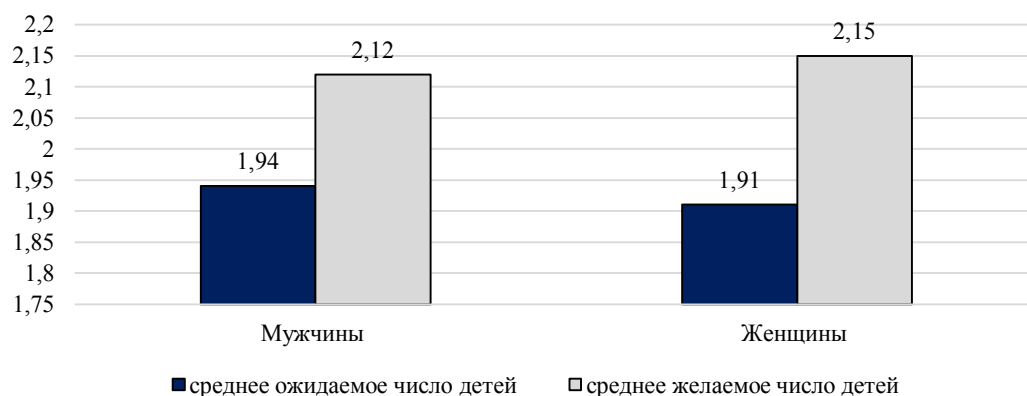

Рис. 3. Показатели среднего желаемого и среднего ожидаемого числа детей

Однако при сопоставлении репродуктивных намерений с необходимыми условиями для их реализации показатели увеличиваются до 2,12 ребенка для мужчин и 2,15 ребенка для женщин. Увеличивается и доля респондентов, ориентированных на многодетность: до 26,8 % среди мужчин и 25,6 % — среди женщин.

Показатели среднего ожидаемого и среднего желаемого числа детей отличаются для состоящих и не состоящих в браке студентов: среднее желаемое число составляет для состоящих в браке 2,31 ребенка, для не состоящих в браке — 2,11 ребенка, показатель среднего ожидаемого числа составляет 2,05 ребенка и 1,89 ребенка соответственно.

Опыт родительской семьи и семейная стратегия студентов

Опрос показал, что у 48,5 % студентов есть идеал взаимоотношений в семье (36,3 % мужчин и 54,3 % женщин). При этом у 35,6 % из них идеал взаимоотношений сформировался на основе опыта их родителей. Для 16,4 % сыграл роль пример семей родственников или близких знакомых, 17,2 % — сюжеты кино или художественной литературы.

Признание родительской семьи в качестве идеала не влияет на раннее вступление в брак. Величины частоты браков среди студентов, для которых родительская семья или выступает идеалом семейных взаимоотношений, или нет, не имеют статистически значимых различий. Нет различий и в распределениях их ответов на вопрос о том, на какой срок стоит отложить вступление в брак после окончания вуза. Видимо, раннее вступление в брак отнюдь не является, по мнению студентов, характеристикой идеальных семейных взаимоотношений.

Однако отношение к родительской семье как идеалу взаимоотношений в семье в определенной степени оказывает влияние на значимость такой ценности в жизни, как «жить в зарегистрированном браке с супругом(ой), своей семьей»: средний балл по 5-балльной шкале этой ценности для студентов, позитивно воспринимающих опыт родительской семьи, составляет 3,98 балла, у имеющих противоположное мнение — 3,60 балла.

Важно отметить, что те студенты, которые предполагают ориентироваться на модель родительской семьи при создании своей, чаще считают, что условием заключения брака должно быть одобрение родителей.

Анализ данных социологического опроса показал, что репродуктивные установки респондентов зависят от числа детей в родительской семье (табл. 1).

Таблица 1

Показатели желаемого и ожидаемого числа детей студентов в зависимости от числа детей в родительской семье

Сколько всего детей (включая вас) было в семье ваших родителей?	Сколько всего детей вы хотели бы иметь, если у вас будут для этого все необходимые условия?	Сколько всего детей вы собираетесь иметь?
1	1,99	1,79
2	2,02	1,83
3	2,46	2,19
4	2,80	2,31
5 и более	2,80	2,59
<i>Всего</i>	2,13	1,91

Как видно из представленных данных, с увеличением числа детей в родительской семье увеличиваются и показатели среднего желаемого и среднего ожидаемого числа детей: от 1,99 до 2,80 ребенка и от 1,79 до 2,59 ребенка соответственно.

Респонденты, выросшие в однодетной семье, чаще имеют репродуктивные установки, ограниченные 1—2 детьми, не склонны к многодетности и в большей степени намерены отложить рождение ребенка.

Условия реализации репродуктивных установок

Отвечая на вопрос «Хотели бы вы, чтобы у вас родился ребенок, пока вы учитесь в вузе?», лишь 3,1 % респондентов выбрали ответ «да» (2,5 % мужчин и 3,5 % женщин). 2,5 % конкретизируют условия рождения ребенка: в случае, если «выйду замуж (женюсь)» (0,7 % мужчин и 3,3 % женщин). Подавляющая часть опрошенных дали категоричный ответ «нет» — 72,6 % (69,6 % мужчин и 74,1 % женщин). Остальные затруднились с ответом. Доля тех, кто хотел бы, чтобы у них появился ребенок во время учебы, увеличивается с возрастом: от 1,4 % в 17—18 лет до 14,8 % в возрасте 25 лет и старше (это учащиеся старших курсов, прежде всего специалитета и магистратуры).

На реализацию рождений в студенческих семьях в период получения родителями профессионального образования влияют следующие причины (вариант ответа «влияет очень существенно» на вопрос «В какой мере рождение ребенка во время обучения в вузе связано со следующими причинами...»): «лучше родить в более молодом возрасте, это во многом определит дальнейшую жизнь» — 59,5 %, «очень люблю детей» — 55,4 %, «чем дальше откладывать рождение ребенка, тем менее вероятно его появление» — 41,9 %, «дети — это главное в жизни» — 39,7 %. Рождение детей лишь менее чем третью студенческой молодежи воспринимается как критерий взросления — 30,1 %, не является стимулом для получения льгот (только 19,2 % студентов считают эту причину очень существенной).

Более чем 2/3 студентов не хотели бы рождения ребенка во время получения образования. Причины этого в первую очередь — сомнения, что наличие ребенка позволит получить хорошее образование. На втором месте убеждение, что «вообще слишком рано начинать семейную жизнь в студенческие годы». Последние места в рейтинге у таких причин, как наличие партнера и следование общественному мнению («не принято рожать ребенка в молодом возрасте»).

Современные студенты большей частью настроены на рождение детей после завершения образования. Материальные причины занимают значительное место среди причин откладывания рождения ребенка: «сначала будет нужно прочно встать на ноги» — 81,7 %, на втором месте в рейтинге жилищные проблемы — 66,6 %, также супруги считают, что надо сначала «пожить для себя» — 57,8 %.

Отношение к влиянию государственной социально-демографической политики на реализацию репродуктивных планов

Данные опроса студентов свидетельствуют, что в большей степени значимыми в контексте влияния на повышение вероятности рождения ребенка они считают такие меры, как материальная поддержка (увеличение стипендии, пособий), помощь в решении жилищных проблем, предоставление льготных кредитов и расширение масштабов занятости на гибких условиях труда (табл. 2). Различия в ответах в зависимости от пола незначительны.

Таблица 2

Влияние тех или иных мер на вероятность рождения ребенка в студенческой семье (вариант ответа «имеет очень большое значение»), % ответивших

Вариант ответа	Респонденты			
	Пол		Наличие детей	
	Мужчины	Женщины	Есть	Нет
Повышение стипендии (надбавка) при рождении ребенка для одного из супругов	53,7	54,1	72,5	52,9
Дополнительное повышение государственных пособий на ребенка в возрасте до 1,5 лет для одного из супругов	51,6	55,9	74,0	53,5
Содействие в получении жилья	49,4	52,2	66,7	50,6
Предоставление дополнительных льгот по кредитам, в том числе ипотечным	49,1	49,9	64,0	48,9
Помощь вуза в трудоустройстве студентов-супругов с возможностью дистанционной работы	48,1	50,5	68,0	48,8
Возможность обучения по индивидуальному графику для студентов-родителей	44,9	52,1	68,0	49,1
Расширение возможностей дистанционного образования для студентов-родителей	44,2	49,7	62,7	47,2
Расширение возможностей дистанционной занятости для студентов-родителей (развитие законодательства)	43,3	48,2	62,0	45,8
Помощь в организации присмотра за ребенком	34,0	35,2	53,1	33,7
Помощь в организации семейного отдыха	28,6	28,0	54,2	26,8

Важно увеличение гибкости в обеспечении сочетания работы, учебы и воспитания ребенка (индивидуальный график обучения, дистанционные форматы обучения и занятости). На последних местах в рейтинге — помощь в организации присмотра за ребенком и помощь в организации семейного отдыха, хотя и они имеют очень большое значение для трети респондентов.

Оценка значимости мер зависит от состояния в браке и наличия детей. Студенты, состоящие в браке, придают большое значение реализации мер социальной политики, направленных на увеличение рождаемости. Так, помощь в организации присмотра за ребенком оценивают как имеющую очень большое значение 43,4 % состоящих в браке студентов и 33,0 % — не состоящих; помощь

вуза в трудоустройстве супругов в студенческой семье с возможностью дистанционной работы — 64,6 и 46,9 % соответственно.

Рождение детей еще в большей степени обращает внимание молодых родителей на необходимость формирования среды, позволяющей сочетать родительские обязанности, профессиональное обучение и материальное обеспечение семьи. В лидерах — повышение пособий и стипендий для родителей с детьми (более 70 % считают, что эти меры имеют очень большое значение в контексте увеличения вероятности рождения ребенка). Кроме того, авторы обращают внимание на значимость помощи в организации семейного отдыха для студентов с детьми.

Заключение

Результаты авторского исследования показали, что лишь 4,8 % студентов имеют детей. По данным Всероссийской переписи населения 2020 г., 16,9 % женщин в возрасте до 24 лет имеют детей⁴. Маловероятно, что меры политики позволят уравнивать показатели детности студенческой и работающей молодежи. Однако поддержка студенческих семей позволит реализовать студентам свои репродуктивные установки.

Представление о брачной и семейной жизни формируется у молодежи достаточно рано, определенную роль играет родительская семья. Признание родительской семьи в качестве идеала семейных отношений связано с традиционным подходом к планированию семейной карьеры, желательности и допустимости создания семьи в студенческие годы.

Важной задачей выступает формирование институциональных основ становления студенческой семьи как ресурса демографического развития России.

В части законодательного регулирования целесообразно установить на федеральном уровне правовой статус студенческой семьи. Предлагается внести дополнение в статью 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», включив следующее определение студенческой семьи: «Студенческая семья — это семья, в которой оба супруга находятся в возрасте до 25 лет (включительно), состоят в зарегистрированном браке и являются студентами очной формы обучения образовательных организаций высшего образования. Для детной (многодетной) студенческой семьи возраст может быть увеличен до 30 лет (при условии, что один из супругов является студентом очной формы обучения образовательной организации высшего образования)».

К материальным мерам следует отнести разработку дополнительных выплат и пособий молодым студенческим семьям, имеющим детей; увеличение единовременной компенсационной выплаты женщинам — студенткам дневной формы обучения, родившим первого ребенка в возрасте от 19 до 25 лет. Актуальной задачей выступает создание в кампусах вузов семейных общежитий,

⁴ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 9: Рождаемость. Табл. 1: Женщины, проживающие в частных домохозяйствах, по возрастным группам и числу рожденных детей по субъектам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 30.06.2024).

детских комнат для малолетних детей, комнат дневного пребывания на время учебы, работы молодых родителей и др.

Для решения проблем, возникающих у студенческой семьи, целесообразно формировать и развивать доступную инфраструктуру организации семейного отдыха и туризма, оздоровления членов студенческих семей; поддержать льготную жилищную ипотеку для членов студенческих семей, строительство социального жилья и его предоставление в льготную аренду.

Список источников

- Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67—91.
- Ананьев Б. Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. С. 3—15.
- Антонов А. И. Социология рождаемости: (теоретические и методологические проблемы). М.: Статистика, 1980. 271 с.
- Борисов В. А. Демография и социальная психология. М.: Мысль, 1970. 118 с.
- Борисов В. А. Демографическая дезорганизация России: 1897—2007: избранные демографические труды. М.: NOTA BENE, 2007. 752 с.
- Выготский Л. С. Психология. М.: Апрель пресс: ЭКСМО-Пресс, 2000. 1006 с.
- Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 20.05.2024).
- Демографический ежегодник России, 2023: статистический сборник / Росстат. М., 2023. 258 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 20.05.2024).
- Международный год молодежи: участие, развитие, мир: доклад Генерального секретаря. A/36/215. 19.06.1981. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n81/165/85/pdf/n8116585.pdf?token=07yохуiCN8iBDm17cN&fe=true> (дата обращения: 20.05.2024).
- Предположительная численность населения Российской Федерации. Демографический прогноз. Росстат, 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.05.2024).
- Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33.
- Ростовская Т. К. Студенческая семья как ключевое направление национального проекта «Семья» // Ректор вуза. 2024. № 6. С. 12—17.
- Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., Князькова Е. А., Калачикова О. Н., Смирнова И. Н., Кучмаева О. В., Малыгин А. А., Рычихина Н. С., Шабунова А. А. Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Ин-т демограф. исслед. ФНИСЦ РАН. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. 448 с.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 40—60.
- Синельников А. Б. Социально-демографическая дифференциация рождаемости в России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 95—107.

- Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Полиграфресурсы, 1999.
URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma333007.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 20.05.2024).
- Ядова М. А. Траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 83—93.
- Coale A. J., Watkins S. C. *The Decline of Fertility in Europe*. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1986. 498 p.
- Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36, № 2. P. 211—251.
- Van de Kaa D. Europe's second demographic transition // *Population Bulletin*. 1987. Vol. 42, № 1. P. 1—59.

References

- Ambarova, P. A., Zborovsky, G. E. (2022) Chto zhdët studentov posle... [What awaits students after...], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 67—91.
- Ananyev, B. G. (1974) K psikhofiziologii studencheskogo vozrasta [On the psychophysiology of student age], in: *Sovremennye psikhologicheskie problemy vyssheĭ shkoly*, vol. 2, Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 3—15.
- Antonov, A. I. (1980) *Sotsiologiia rozhdæemosti: (Teoreticheskie i metodologicheskie problemy)* [Sociology of fertility: (Theoretical and methodological problems)], Moscow: Statistika.
- Borisov, V. A. (1970) *Demografiia i sotsial'naiia psikhologiia* [Demography and social psychology], Moscow: Mysl'.
- Borisov, V. A. (2007) *Demograficheskaia dezorganizatsiia Rossii: 1897—2007: Izbrannye demograficheskie trudy* [Demographic disorganization of Russia: 1897—2007: Selected demographic works], Moscow: NOTA BENE.
- Coale, A. J., Watkin, S. C. (1986) *The Decline of Fertility in Europe*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Dannye Vyborochnogo nabludeniia reproduktivnykh planov naseleniia v 2022 godu (2022) [Data from sample observation of population reproductive plans in 2022], *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki (Rosstat)*, available from https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (accessed 20.05.2024).
- Demograficheskii ezhegodnik Rossii, 2023: Statisticheskii sbornik* (2023) [Demographic yearbook of Russia, 2023: A statistical compendium], Moscow: Rosstat, available from https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (accessed 20.05.2024).
- Evgen'eva, A. P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo iazyka: in 4 vols* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols], Moscow: Poligrafresursy, available from <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16/ma333007.htm?cmd=0&istext=1> (accessed 20.05.2024).
- Lesthaeghe, R. (2010) The unfolding story of the second demographic transition, *Population and Development Review*, vol. 36, no. 2, pp. 211—251.
- Mezhdunarodnyi god molodëzhi: uchastie, razvitie, mir: Doklad General'nogo sekretaria. A/36/215* (1981) [International year of youth: participation, development, peace: Report of the Secretary-General. A/36/215], 19.06.1981, available from <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n81/165/85/pdf/n8116585.pdf?token=07yoxyiCN8iBDm17cH&fe=true> (accessed 20.05.2024).
- Predpolozhitel'naiia chislennost' naseleniia Rossiiskoi Federatsii. Demograficheskii prognoz* (2023), available from <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (accessed 20.05.2024).

- Radaev, V. V. (2018) Millenialy na fone predshestvuiushchikh pokolenii: èmpiricheskiï analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 15—33.
- Rostovskaya, T. K. (2024) Studencheskaia sem'ia kak kliuchevoe napravlenie natsional'nogo proekta "Sem'ia" [Student family as a key direction of the national project "Family"], *Rektor vuza*, no. 6, pp. 12—17.
- Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Knyazkova, E. A., Kalachikova, O. N., Smirnova, I. N., Kuchmaeva, O. V., Malygin, A. A., Rychikhina, N. S., Shabunova, A. A. (2024) *Studencheskaia sem'ia v Rossii: bar'ery i vozmozhnosti blagopoluchii* [Student family in Russia: barriers and opportunities for well-being], Institut demograficheskikh issledovaniï Federal'nogo nauchno-issledovatel'skogo sotsiologicheskogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Zolotareva, O. A. (2023) Studencheskaia sem'ia v Rossii: determinanty vstupleniia v brak [Student family in Russia: determinants of marriage], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov*, seriia Sotsiologiya, vol. 23, no. 1, pp. 40—60.
- Sinel'nikov, A. B. (2023) Sotsial'no-demograficheskaia differentsiatsiia rozhdaiemosti v Rossii [Socio-demographic differentiation of fertility in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 95—107.
- Van de Kaa, D. (1987) Europe's second demographic transition, *Population Bulletin*, vol. 42, no. 1, pp. 1—59.
- Vygotsky, L. S. (2000) *Psikhologiia* [Psychology], Moscow: Aprel' press, ÈKSМО-Press.
- Yadova, M. A. (2022) Traektorii molodëzhi v XXI veke: riski i vozmozhnosti [Youth trajectories in the 21st century: risks and opportunities], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 83—93.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted 30.07.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of State and Municipal Administration, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры народонаселения, Московский государственный университет

им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, kuchmaeva@yandex.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Population, M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Соловьева Наталья Алексеевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, solovieva na@volsu.ru (Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor, Head of the Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation).

Азарова Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, aes2404@yandex.ru (Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor at the Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 51—65.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 51—65.

Научная статья

УДК 314.15:316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.4

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ**

Татьяна Александровна Гурко

Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, tgurko@yandex.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена незавершенностью реализации Концепции семейной политики и необходимостью задуматься о нереализованных возможностях. Принятые меры и законодательные инициативы анализируются в контексте тенденций развития семьи и декларируемых целей семейной политики. Подчеркивается важность уточнения понятий, статистических показателей для обсуждения предложений в области семейной политики. Динамика отдельных индикаторов благополучия российских родителей представлена на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004, 2013, 2022 гг. Показано, что с 2004 г. по 2022 г. увеличилась доля городских отцов и матерей, удовлетворенных жизнью, работой, оплатой своего труда, возможностями профессионального роста. Больше удовлетворенных жизнью среди отцов и матерей, состоящих в браке, меньше — среди не состоящих в браке разведенных отцов и матерей-вдов. Представлены перспективные направления семейной политики, в их числе разработка механизмов для реализации права на бесплатное медицинское обследование вступающих в брак, продвижение семейной медиации, законодательное закрепление совместной физической опеки над детьми, создание семейных судов. Актуально урегулирование и материальное поощрение участия бабушек/дедушек в уходе за внуками и их воспитании.

Ключевые слова: семейная политика, семейные ценности, законодательство, родители, дети, благополучие, бабушки/дедушки, развод, медиация, семейный суд

Для цитирования: Гурко Т. А. Перспективные направления российской семейной политики // *Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 51—65.*

Original article

PROMISING DIRECTIONS OF RUSSIAN FAMILY POLICY

Tatiana A. Gurko

Institute of Sociology — Branch, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, tgurko@yandex.ru

Abstract. The relevance of the topic is due to the incomplete implementation of the Family Policy Concept and the need to think about unrealized opportunities. The author analyzes the measures taken and legislative initiatives in the context of family development trends and the declared goals of family policy. The importance of clarifying concepts and statistical indicators both in departmental statistics and in Rosstat is emphasized to discuss proposals that are related to family policy and to substantiate legislative initiatives. The dynamics of individual indicators of the well-being of Russian parents are presented based on data from the Russian Monitoring of the Economic Situation and Health of the Population of the National Research University Higher School of Economics for 2004, 2013 and 2022. It is shown that from 2004 to 2022 in cities, the proportion of both fathers and mothers who are satisfied with their work in general, wages and opportunities for professional growth has increased. The proportion of fathers who smoke has decreased. For smoking mothers, this indicator remains unchanged. The proportion of fathers and mothers who drink alcohol has not changed. At the same time, the proportion of both fathers and mothers satisfied with their lives has increased significantly. Married parents were more likely to report their satisfaction with life. According to the data, unmarried divorced fathers and widows with children are less likely to be satisfied with their lives. Promising directions of family policy are presented. These include the development of mechanisms for the implementation of the right to free medical examination of those entering into marriage, the promotion of family mediation, the legislative establishment of joint physical custody of children, and the creation of family courts. It is important to regulate and provide financial incentives for the participation of grandparents in the care and upbringing of their grandchildren. A systematic approach to family policy involves feedback, that is, understanding the opinions of various social and demographic groups of citizens about upcoming innovations. Legislative activity in the family sphere needs to be justified, including on the basis of special sociological research. Such projects could be regulated by a federal structure for coordinating initiatives and practical measures related to family policy.

Key words: family policy, family values, legislation, parents, children, well-being, grandparents, divorce, mediation, family court

For citation: Gurko, T. A. (2024) Perspektivnye napravleniia rossiiskoi semeinoi politiki [Promising directions of Russian family policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 51—65.

В 2014 г. была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [Концепция... , 2014]. Разработан План мероприятий 2015—2018 гг. В 2018 г. Координационный совет при Правительстве РФ по реализации Концепции был упразднен. В последующие годы меры по поддержке семей с детьми предпринимаются в рамках Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г. [План мероприятий...]. Основные мероприятия, проводимые в рамках Десятилетия детства, на период

до 2027 г. также включают блок «Благополучие семей с детьми» [План основных мероприятий... , 2021]. Безусловно, эти меры являются составляющей семейной политики, но план мероприятий по реализации второго этапа Концепции специально не разрабатывался. Актуальным остается вопрос, нужна ли доработка Концепции семейной политики и новый план ее реализации.

Концепция предполагает объект (целевые группы) и субъект, т. е. исполнительный и координирующий органы. Объектом семейной политики являются в первую очередь семьи с несовершеннолетними детьми, учащимися в возрасте до 23 лет и совершеннолетними недееспособными [Гурко, 2013: 35]. Целевые группы могут также включать потенциальных супругов и родителей, бабушек/дедушек.

В последние годы реализация семейной политики периодически делегировалась различным министерствам. На федеральном уровне субъектом семейной политики могла бы быть специальная структура для экспертизы и координации законодательных инициатив и практических мероприятий. В любом случае экспертному сообществу стоит задуматься о еще нереализованных возможностях в этой сфере.

Некоторые дискуссионные вопросы

Семейная политика предпочтительно согласуется с социальным режимом как устоявшейся социокультурной моделью социальной политики в отличие от социальной политики как процесса. На базе международного проекта было выделено 5 социальных режимов: либеральный, консервативный, социал-демократический, просемейный и постсоциалистический [Blossfeld, Hofmeister, 2006: 7]. В России в процессе перехода к рыночным отношениям происходил переход от социалистического к социал-демократическому режиму, в большей мере соответствующему историческим и культурным условиям страны. Стоит ли от него отклоняться? Поддержка консервативного режима социальной политики (Япония, Республика Корея) либо просемейного (Испания, Италия) не способствует повышению рождаемости. Суммарный коэффициент рождаемости в этих странах самый низкий [Демографический ежегодник... , 2023: 253].

Популяризация и продвижение традиционных семейных ценностей, очевидно, ориентированы на укрепление семьи и повышение рождаемости [План мероприятий...]. Однако семейные ценности модернизируются по мере развития обществ от аграрных к постиндустриальным. Семейные ценности дореволюционной России в различных социальных, этнокультурных и этноконфессиональных группах отличаются от декларированных в советский период.

Традиционные семейные ценности — это брак на всю жизнь, рождение нескольких детей в браке («как бог даст»), главенство старших членов семьи и мужчин, распределение супружеских и родительских ролей по полу, помощь взрослых детей пожилым родителям.

Новое поколение российской молодежи, по крайней мере студенческой, будущих представителей образованного среднего класса, предпочитает профессионально ориентированную либо семейно-ориентированную модель супружества без разделения семейных ролей по полу. Согласно исследованию под руководством автора, студенты московских и ставропольских вузов

ориентированы на регистрацию брака, однако более трети считают, что в брак можно вступать несколько раз. При этом около половины намерены иметь 2 детей и четверть — 3 и более. То есть ориентация на партнерские, равноправные отношения не исключает наличия высоких репродуктивных установок.

С декларируемой государством задачей популяризации и продвижения традиционных семейных ценностей не согласуется отмена обязательной отметки в паспорте о браке и детях. Штамп в паспорте, конечно, не основа стабильности брака, но все-таки символ его долговечности. Психологически такие события, как брак и рождение детей, могут утрачивать значимость для новых поколений. Кроме того, используемые Росстатом понятия «незарегистрированный брак», «незарегистрированный супружеский союз» снижают ценность юридического брака.

Необходима и пропаганда современных семейных ценностей. Среди них — справедливое и равноправное распределение супружеских обязанностей и родительской заботы о детях, в том числе после развода, взаимопомощь и взаимная забота поколений в семьях, баланс сплоченности и личностной автономии членов семьи, демократический стиль воспитания детей, конструктивное общение членов семьи, исключение практик насилия (физическое, экономическое, сексуальное и психологическое), недопустимость физических наказаний детей.

Периодический пересмотр принципа выплаты пособий создает ситуацию неопределенности и не способствует планированию рождения очередных детей. Например, нецелесообразно было вводить критерий нуждаемости для получения неработающими родителями и неработающими бабушками/дедушками пусть и минимального пособия по уходу за детьми и внуками до 1,5 лет, которые родились в 2023 г. В современных социально-экономических условиях, когда доход домохозяйств с детьми может периодически меняться (родители или один из них нашел высокооплачиваемую работу или дополнительные заработки, получил наследство и др.), учитывать критерий нуждаемости при назначении небольшого пособия вряд ли имеет смысл. Женщины, которые совершенствовались в профессиональной сфере и впоследствии на время оставили работу для того, чтобы забеременеть и выносить здорового ребенка, и вовсе остались безо всякого пособия по уходу.

Семейная политика может быть эффективной, если она соответствует тенденциям развития семьи, брака и родительства. Происходят эволюция и трансформация института брака, дальнейшее распространение ненормативных типов семей с несовершеннолетними детьми. В целом по РФ, по данным переписей, доля семейных ячеек, включающих супружескую пару с детьми младше 18 лет, уменьшилась с 70 % в 2002 г. до 62 % в 2021 г., доля материнских ячеек увеличилась с 27 до 31 %, а отцовских — с 3 до 7 %¹. По данным выборочных исследований девятиклассников в Москве с 1994 г. по 2022 г., значительно увеличилась доля подростков, проживающих в сводных семьях, в семьях с одним

¹ Рассчитано по: Семья в России, 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 31; Всероссийская перепись населения — 2010. Т. 6. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 30.11.2023); Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 8. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 30.11.2023).

родителем подростки все чаще проживают с отцами. Отцы становятся более эмоциональными и заботливыми в сравнении с предыдущими поколениями отцов. Вдвое больше и юношей и девушек после развода родителей стали часто общаться с отцами, проживающими в другом домохозяйстве.

Для понимания процессов, происходящих с институтом семьи, нужна более подробная информация о семейных структурах. Не фиксируются сводные семейные ячейки, при том что репродуктивные установки женщин в сводных семьях выше и среднее число детей больше, нежели в нормативных. Нет данных по разводящимся парам с несовершеннолетними детьми, по международным бракам. В исследованиях Росстата не определена длительность сожительства, которые называются незарегистрированными браками или незарегистрированными супружескими союзами². Всякое ли краткосрочное сожительство можно считать супружеством?

Упорядочивание понятий необходимо для общественного обсуждения законодательных инициатив. Так, в одном из текущих законопроектов профильного Комитета Государственной думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства предлагается выдавать молодой семье после рождения ребенка сертификат на отечественный автомобиль в 1 млн рублей³. Причем только находящимся в официально зарегистрированном браке родителям в возрасте не более 35 лет. Возникает вопрос: зачем вводится ограничение по возрасту? Претендовать на субсидию в рамках жилищной программы «Молодая семья» также могут супруги в определенном возрасте, однако в процессе ожидания по крайней мере один из них становится старше установленного возраста.

В условиях распространения сожительства, увеличения возраста заключения брака⁴ и рождения детей выделение молодой семьи как объекта семейной политики не актуально. Процесс формирования семьи в XXI в. изменился в сравнении с советским периодом реализации мер по повышению рождаемости и укреплению молодых семей в середине 1980-х гг. Надо признать, что такие меры и в тот период были не особенно эффективны. Стоит ли повторять этот советский опыт? Высокий процент разводов в молодых семьях был связан с ранними браками, совместным проживанием с родителями в условиях дефицита жилья и ограниченными возможностями аренды, желанием молодых отделиться от родителей, по крайней мере психологически. Заключение брака способствовало приобретению социального статуса (вступить в партию, выехать за границу, продвинуться в карьере), постановке на учет для получения жилья, также можно было закрепиться в городе после окончания вуза. Имеет ли смысл создавать специальные программы для молодых семей и стимулы для скороспелых браков в современный период?

² Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам. URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 29.04.2024).

³ О семейном сертификате на покупку автомобиля: законопроект № 479240-8. Доступ из СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/479240-8> (дата обращения: 10.04.2024).

⁴ Рассчитано по: Браки по возрастам жениха и невесты, 1960—2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.03.2024).

Достаточно нелогично предложение о введении нового единовременного пособия для женщин, родивших ребенка до 25 лет⁵. Выделение данного возрастного периода ничем не обосновано. Рожать ребенка ради такой единовременной выплаты, вероятнее всего, станут не вполне социально благополучные и ответственные матери. И вряд ли за счет подобной меры увеличится рождаемость, как полагают авторы такой инициативы.

В другом законопроекте, находящемся на рассмотрении, предлагается продлить выплаты «пособия по уходу за ребенком до трех лет в случае осуществления ухода за ребенком одиноким родителем или ухода за ребенком-инвалидом»⁶. В пояснительной записке к законопроекту не уточняется, кого считать одиноким родителем. Подразумеваются ли только матери-одиночки, в свидетельстве о рождении ребенка (детей) которых стоит прочерк в разделе об отце или запись о том, что сведения вносятся со слов матери, или все единственные родители, перечень которых был упорядочен в 2014 г. Верховным судом РФ [О применении... , 2014]? Для всех ли категорий одиноких родителей отсутствие второго родителя является страховым случаем? Как показывают выборочные исследования, и матери-одиночки, и внебрачные матери, отец детей которых установлен, часто сожительствуют с биологическими отцами своих детей. Браки часто не регистрируются ради дополнительных льгот и пособий. В 2022 г. менее половины сожительствующих женщин со средним образованием ответили, что регистрируют брак в связи с беременностью или рождением ребенка. Не будет ли такой законопроект способствовать распространению сожительств при наличии несовершеннолетних детей? В любом случае требует уточнения понятие одинокого родителя.

Динамика благополучия российских родителей

Цели семейной политики различаются в разных странах. Семейная политика в европейских странах ориентирована в большей мере на повышение рождаемости, в то время как в США — на семью, основанную на браке, вначале с одним кормильцем, впоследствии с двумя работающими супругами для увеличения числа детей, воспитываемых в семьях с двумя родителями [Cherlin, 2019: 48]. В числе основных целей семейной политики в России имеет смысл считать положительную динамику благополучия членов семей и развитие человеческого потенциала страны.

В российских официальных документах преимущественно речь идет о «благополучии семей с детьми», которое, в свою очередь, эмпирически определяется через занятость, доходы, расходы и потребление, т. е. показатели материального уровня домохозяйств [Семья... , 2022: 79—110]. Используется и понятие семейного неблагополучия для выделения семей как объектов социальной

⁵ О внесении изменений в Федеральный закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»: (о единовременном пособии женщинам, родившим ребенка до 25 лет): законопроект № 631481-8. Доступ из СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/631481-8> (дата обращения: 09.07.2024).

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 506307-8. Доступ из СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506307-8> (дата обращения: 10.04.2024).

работы для социального обслуживания и патроната (см., напр.: [Государственный доклад... , 2023: 181—207]).

Судить о том, насколько эффективны меры поддержки семей с детьми, можно не только с точки зрения рождаемости. Одним из показателей, который можно эмпирически верифицировать, является динамика благополучия родителей с несовершеннолетними детьми. Использовались базы данных по индивидам Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) 2004, 2013, 2022 гг.⁷ Были сформированы подвыборки городских родителей по критерию наличия несовершеннолетних детей. Подвыборки за эти годы анализировались, исходя из возможности сравнения данных по идентичным индикаторам благополучия родителей.

На рисунках 1, 2 можно видеть, что увеличилась доля отцов и матерей, которые полностью или скорее удовлетворены (на рисунках — удовлетворены) работой в целом, оплатой труда, возможностями профессионального роста. Доля родителей, удовлетворенных материальным положением, невелика и практически не менялась в анализируемый период. В обществе потребления материальные потребности родителей высоки, планируемые расходы превышают доходы.

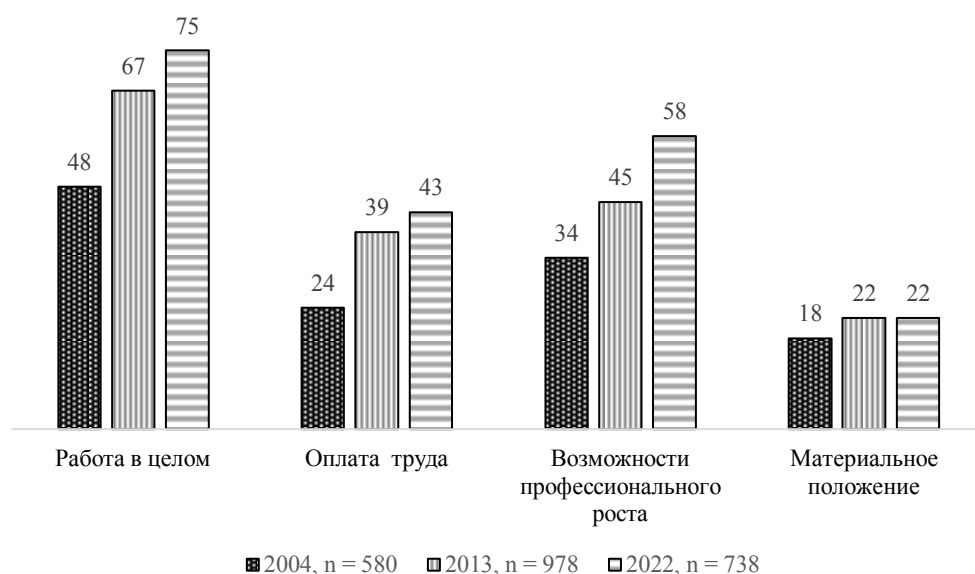

Рис. 1. Динамика удовлетворенности работой и материальным положением отцов, РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004, 2013, 2022 гг., %

⁷ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu/>; <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (дата обращения: 20.03.2024).

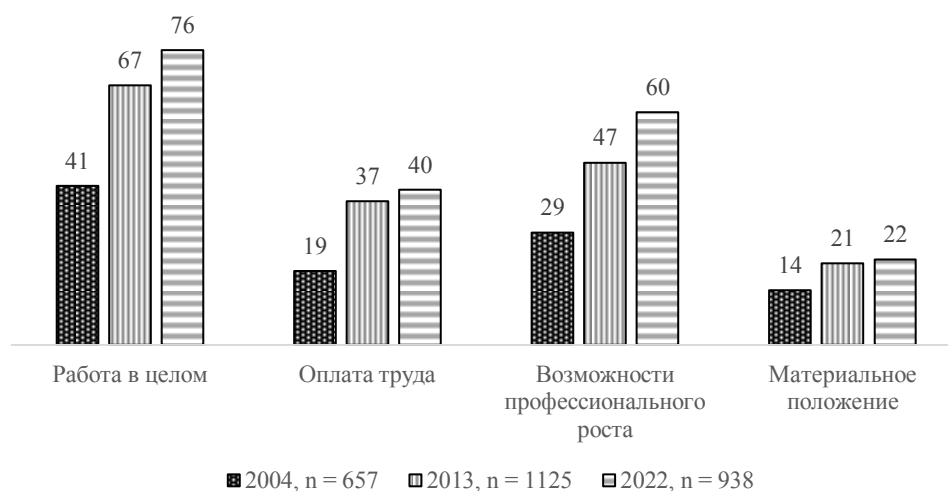

Рис. 2. Динамика удовлетворенности работой и материальным положением матерей, РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004, 2008, 2022 гг., %

Можно видеть, что на протяжении восемнадцатилетнего анализируемого периода несколько уменьшилась доля курящих отцов — с 69 до 45 %, но не матерей (рис. 3, 4). Не изменилась доля отцов и матерей, которые употребляли алкоголь в последние 30 дней. В то же время увеличилась доля матерей, которые оценивают здоровье как очень хорошее и хорошее (на рисунках — хорошее). Повысилось субъективное благополучие родителей за этот период. Уменьшилась доля отцов и матерей, которые испытывали нервные расстройства, депрессии. Увеличилась доля отцов с 43 до 60 % и матерей с 32 до 58 %, которые полностью или скорее удовлетворены (на рисунках — удовлетворены) своей жизнью.

Рис. 3. Динамика индикаторов благополучия городских отцов, РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004, 2013, 2022 гг., %

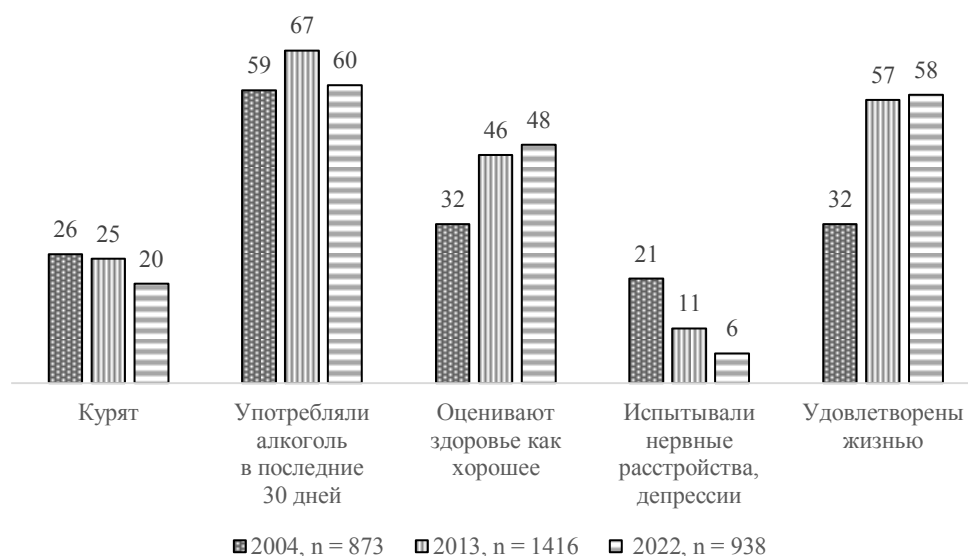

Рис. 4. Динамика индикаторов благополучия городских матерей, РМЭЗ НИУ ВШЭ 2004, 2013, 2022 гг., %

Анализ индикаторов благополучия родителей, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ 2022 г., в зависимости от брачно-партнерского статуса свидетельствует, что среди состоящих в браке меньше курящих отцов и матерей и больше удовлетворенных жизнью матерей. Отцы-сожители удовлетворены жизнью так же, как и состоящие в браке, матери-сожительницы — в меньшей мере. Отцов-сожителей, вероятно, чаще устраивает ситуация без супружеских обязательств. Употребляют алкогольные напитки хотя бы иногда и оценивают здоровье как хорошее и отцы и матери вне зависимости от брачно-партнерского статуса. Чаще других не удовлетворены жизнью и испытывают нервные расстройства, депрессии разведенные отцы, а также матери-вдовы. Такие категории родителей нуждаются в бесплатной психологической поддержке.

Перспективные направления семейной политики

Удачный выбор супруги/супруга является залогом успешного супружества и родительства. Согласно исследованию под руководством автора, около трети московских и ставропольских студентов используют Интернет с целью поиска партнера/партнерши, только 17 % не одобряют и не используют такую возможность. Более трети готовы посещать специальные мероприятия с целью знакомства девушек и юношей из разных вузов, более половины считают такие мероприятия нужными, но не для них самих. Организация встреч студентов разных вузов и сотрудников крупных предприятий с преимущественно мужским или женским составом могла бы стать одной из составляющих семейной политики.

В связи с интенсификацией участия бабушек/дедушек в уходе за внуками зарубежными специалистами обсуждается вопрос о необходимости включения пожилых людей в особый объект семейной политики [Daly, 2020: 26]. Бабушки/дедушки могут испытывать трудности с признанием их в качестве лиц, принимающих решения, в таких организациях, как школы или медицинские учреждения [Berger, Carlson, 2020: 493]. Эта проблема актуальна и в России, бабушки/дедушки всегда играли важную роль в воспитании внуков и уходе за ними в условиях большой занятости женщин. Тем не менее их участие в заботе о внуках на законодательном уровне пока не урегулировано⁸.

В то же время предложения ученых вознаграждать прародительский труд со стороны государства [Багирова, Бледнова, 2022: 72] или разрешить дедушкам и бабушкам, ухаживающим за двумя и более внуками от одного сына или одной дочери, выходить на пенсию соответственно в 60 или 55 лет либо еще раньше [Синельников, 2022: 46] не соответствуют принципу социальной справедливости. Не у всех родителей есть бабушки/дедушки, проживающие в том же населенном пункте. Согласно анализу данных КОУЖ-2022, 63 % городских взрослых детей проживали в том же населенном пункте, что и их родители, 35 % — в другом городе и 2 % — в другой стране. Кроме того, не совсем понятно, как фиксировать степень и длительность участия бабушек/дедушек в уходе за внуками для того, чтобы предоставить им государственные выплаты или льготы. Или как оплачивать труд бабушек/дедушек, которые проживают вместе с внуками и их родителями в расширенных домохозяйствах.

Одним из целевых индикаторов реализации Концепции семейной политики было уменьшение числа разводов. Однако Россия начиная с советских времен занимает первое место по показателю разводов (в 1980 г. — 4.2 на 1000 чел. населения, в 2000 г. — 4.3, в 2019 г. — 4.2, в 2022 г. — 4.7)⁹ в сравнении со странами Европейского союза (по данным Евростата, средний показатель в 2022 г. 1.6¹⁰) и Организации экономического сотрудничества и развития (по данным ОЭСР, наиболее высокий показатель в Латвии — 2.7¹¹). При этом в России высокий уровень брачности в отличие от многих западных стран, где распространены сожительства, прекращение которых не попадает в статистику.

Удивительно, что в России, в которой самый высокий показатель разводов в мире, до сих пор не развиваются законодательство и практики, способствующие цивилизованному разводам с минимальными травмирующими последствиями для детей. Надо признать эффективность принятых мер

⁸ О внесении изменений в статью 55 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 13 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»: (в части временного пребывания детей у дедушек, бабушек, совершеннолетних братьев, сестер и других близких родственников): законопроект № 1030390-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/\bill/1030390-7> (дата обращения: 15.04.2024).

⁹ Разводы, 1950—2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 30.03.2024).

¹⁰ Crude divorce rate, 2011—2022 // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00216/default/table?lang=en&category=t_demo.t_demo_nup (дата обращения: 30.03.24).

¹¹ Marriage and divorce rates, 2022 // OECD Family Database. URL: <http://www.oecd.org/els/family/database.htm> (дата обращения: 30.03.2024).

кампании по совершенствованию правовых, финансово-экономических механизмов полной и своевременной выплаты алиментов на детей и работы судебных приставов. Доля детей в возрасте до 16 лет, в отношении которых имеется задолженность с выплатой алиментов, назначенных по решению суда, снизилась с 20 % в 2011 г. до 9 % в 2022 г.¹² Однако алименты не самое главное для благополучия детей. Уже обосновывалась необходимость законодательного закрепления совместной физической опеки над ребенком (детьми) после развода наряду с совместной юридической опекой (фактически существует сейчас) как одной из альтернатив опеки единоличной и разделенной (дети «делятся» между разведенными родителями). Совместная физическая опека распространена во многих странах и предполагает нахождение ребенка в доме второго родителя часть времени, например в выходные дни или во время школьных каникул. Мать и отец совместно принимают решения об образовании, отдыхе, лечении детей. Пропорционально снижается сумма алиментов, которую выплачивает не основной опекун ребенка. Подобная форма помогает решить проблему «воскресного родителя», финансовые конфликты, так как родитель, обязанный выплачивать алименты, видит реальные расходы на ребенка, а главное — дети не теряют второго родителя после развода, что положительно сказывается на их психологическом благополучии. Такая практика — неизбежная модернизация семейных отношений, когда оба родителя присутствуют в жизни ребенка, пусть и не в одном домохозяйстве [Гурко, 2013: 49].

Разводы это не только раздел собственности и определение места жительства детей. В первую очередь это психологические травмы для детей и их родителей, бабушек и дедушек. Однако в России нет специализированных семейных судов и специализации судей по семейным проблемам. Лишь в 2019 г. в Верховном суде РФ был создан специальный судебный состав по семейным делам и делам о защите прав детей¹³. Семейные суды необходимы для решения проблем разводящихся супругов, включая определение места жительства детей и порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем, бабушками/дедушками, урегулирование алиментных обязательств и установление совместной физической опеки, лишение (ограничение) родительских прав. Семейные суды могли бы включить в свой состав и судей по делам подростков-правонарушителей (ювенальные судьи), ибо проблемы подростков неизбежно связаны с социально-психологическим неблагополучием их семей [там же: 48]. Во многих странах семейные суды имеют в штате социальных работников, детских психологов, медиаторов. При семейных судах в России могли бы работать и службы досудебного урегулирования. Необходимость создания таких судов обосновывают и специалисты по семейному праву [Анисов, Тверитинова, 2023].

Примирительные процедуры, и в частности в сфере семейных споров, доказали свою эффективность. Однако в России отношение судей и адвокатов

¹² Семья, материнство и детство. Табл. 1.10. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 20.03.2024).

¹³ Организационная структура // Верховный суд России. URL: <https://www.vsrfr.ru/about/structure/369/> (дата обращения: 15.04.2024).

к медиации в семейной сфере скорее скептическое, на рынке услуг семейной медиации мал и спрос, и количество доступных предложений [Гурко, 2016: 61]. Анализ практики применения судами закона о процедуре медиации не обновляется [Справка...]. Продвижению досудебного урегулирования семейных конфликтов могло бы способствовать предоставление недорогих государственных услуг по семейной медиации и информирование граждан о возможности такой процедуры.

Уже приходилось писать о необходимости создания механизмов для реализации на практике п. 1 ст. 15 СК РФ, согласно которому «медицинское обследование лиц, вступающих в брак, а также консультирование по медико-генетическим вопросам и вопросам планирования семьи проводятся медицинскими организациями государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения по месту их жительства бесплатно и только с согласия лиц, вступающих в брак» [Семейный кодекс...]. Об этой статье не информирована ни молодежь, ни вступающие в брак [Гурко, 2013: 47]. Проблема активно обсуждается и юристами в области семейного права. Вследствие отсутствия нормативно-правовой базы, регулирующей порядок проведения медицинского обследования лиц, вступающих в брак, а также неопределенности в источниках его финансирования медицинские учреждения, относящиеся к государственной и муниципальной системе здравоохранения, не проводят бесплатно подобные медицинские обследования [Ветров, Красников, 2021: 460]. Между тем в Республике Таджикистан такая обязательная практика, по данным медиков, показала свою эффективность с точки зрения формирования здоровой семьи [Ортикова и др., 2020].

Важный вклад в повышение рождаемости и благополучия семей с детьми вносит корпоративная семейная политика. Государство может стимулировать работодателей, принимающих специальные меры поддержки работающих родителей, с помощью экономических механизмов. Правда, как выявило специальное исследование, корпоративная политика, особенно на предприятиях среднего бизнеса, во многом определяется личностными установками работодателей. Компании, в которых владельцы состоят в браке и имеют нескольких детей, создают условия сотрудникам для успешного сочетания работы и семейных обязанностей [Шкиперова, 2006: 172]. При выборе и смене места работы для сочетания своих профессиональных и родительских обязанностей современные отцы считают более важными гибкий график и возможность работать удаленно в сравнении с размером заработной платы. В свою очередь, семейная корпоративная политика является составляющей конкурентных преимуществ компаний и служит способом привлечения востребованных сотрудников [Chung, 2020: 535].

Системный подход в семейной политике предполагает обратную связь, т. е. знание мнений различных социально-демографических групп граждан о предстоящих нововведениях. Законотворческая деятельность нуждается в обосновании, в том числе и на основе специальных социологических исследований. Заказчиком таких проектов могла бы стать федеральная структура по координации инициатив и практических мероприятий в области семейной политики.

Список источников

- Анисов В. В., Тверитинова О. Г. Семейные суды как элемент судебной системы Российской Федерации: проблемы и перспективы // Экономика. Социология. Право. 2023. № 2. С. 60—65.
- Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Содержание и результаты прародительского труда в оценках уральских родителей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2022. № 1. С. 66—73.
- Ветров П. В., Красников В. В. Основные аспекты правового регулирования медицинского обследования лиц, вступающих в брак // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5, № 19. С. 454—464.
- Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2022 год. М.: М-во труда и соц. защиты Рос. Федерации, 2023. 357 с. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2564> (дата обращения: 15.04.2024).
- Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 33—52.
- Гурко Т. А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4, № 2. С. 40—69.
- Демографический ежегодник России, 2023: статистический сборник. М.: Росстат, 2023. 170 с.
- Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 г. 2014. URL: <http://government.ru/docs/all/92699/> (дата обращения: 15.04.2024).
- О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации, 28 января 2014 г. П. 28. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8375> (дата обращения: 10.04.2024).
- Ортикова М. М., Ахмедов А., Мирзоева З. А., Назаров Г. Х., Амирова Г. Х. Результаты внедрения Постановления Правительства Республики Таджикистан «О правилах проведения обязательного медицинского обследования лиц, вступающих в брак» // Медицинский вестник Национальной академии наук Таджикистана. 2020. № 2. С. 147—153.
- План мероприятий по реализации в 2021—2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, 2021: (в ред. распоряжений Правительства Российской Федерации от 14.03.2023 № 574-р, от 23.01.2024 № 124-р). URL: <http://government.ru/docs/all/136605/> (дата обращения: 15.04.2024).
- План основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 г. 2021. URL: <http://static.government.ru/media/files/3WkqE4GAwQXaIGxpAipFLmqCYZ361Kj0.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).
- Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: (ред. от 31.07.2023): (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.10.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Семья и дети в России, 2021. М.: Перо, 2022. 120 с.
- Синельников А. Б. Обособление поколений в семьях как фактор снижения рождаемости // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 36—48.
- Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника

- (процедуре медиации)» за 2015 год // Верховный суд России. URL: <https://vsrf.ru/documents/all/15173/> (дата обращения: 30.04.2024).
- Шкунерова И. С. Социальная политика российских компаний в сфере поддержки семьи и родительства // Актуальные проблемы семей в России / ред. Т. А. Гурко. М.: Ин-т социол. РАН, 2006. С. 163—172.
- Berger L. M., Carlson M. J. Family policy and complex contemporary families: a decade in review and implications for the next decade of research and policy practice // *Journal of Marriage and Family*. 2020. Vol. 82, № 1. P. 478—507.
- Blossfeld P., Hofmeister H. Globalization, uncertainty and women's mid-careers life courses: a theoretical framework // *Globalization, Uncertainty and Women's Careers: an International Comparison*. Edward Elgar Publishing Limited, 2006. P. 3—31.
- Cherlin A. J. Family policy today // *Journal of Family Theory and Review*. 2019. Vol. 11, № 1. P. 47—51.
- Chung H. Company-level family policies: who has access to it and what are some of its outcomes? // *The Palgrave Handbook of Family Policy*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 535—574.
- Daly M. Conceptualizing and analyzing family policy and how it is changing // *The Palgrave Handbook of Family Policy*. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 25—41.

References

- Anisov, V. V., Tveritinova, O. G. (2023) Semeinye sudy kak element sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii: problemy i perspektivy [Family courts as an element of the judicial system of the Russian Federation: problems and prospects], *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*, no. 2, pp. 60—65.
- Bagirova, A. P., Blednova, N. D. (2022) Soderzhanie i rezul'taty praroditel'skogo truda v otsenkakh ural'skikh roditelei [Contents and results of grandparental labour in the assessments of Ural parents], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo, seriia Sotsial'nye nauki*, no. 1, pp. 66—73.
- Berger, L. M., Carlson, M. J. (2020) Family policy and complex contemporary families: A decade in review and implications for the next decade of research and policy practice, *Journal of Marriage and Family*, vol. 82, no. 1, pp. 478—507.
- Blossfeld, P., Hofmeister, H. (2006) Globalization, uncertainty and women's mid-careers life courses: a theoretical framework, in: *Globalization, Uncertainty and Women's Careers: An International Comparison*, Edward Elgar Publishing Limited, pp. 3—31.
- Cherlin, A. J. (2019) Family policy today, *Journal of Family Theory and Review*, vol. 11, no. 1, pp. 47—51.
- Chung, H. (2020) Company-level family policies: Who has access to it and what are some of its outcomes?, in: *The Palgrave Handbook of Family Policy*, Cham: Palgrave Macmillan, pp. 535—574.
- Daly, M. (2020) Conceptualizing and analyzing family policy and how it is changing, in: *The Palgrave Handbook of Family Policy*, Cham: Palgrave Macmillan, pp. 25—41.
- Demograficheskiy ezhegodnik Rossii, 2023: Statisticheskiy sbornik (2023)* [Demographic Yearbook of Russia, 2023: A statistical compendium], Moscow: Rosstat.
- Gosudarstvennyi doklad o polozhenii detei i semei, imeiushchikh detei, v Rossiyskoy Federatsii za 2022 god (2023)* [State report on the situation of children and families with children in the Russian Federation for 2022], Moscow: Ministerstvo truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii, available from <https://mintrud.gov.ru/docs/2564> (accessed 15.04.2024).

- Gurko, T. A. (2013) O Kontseptsii gosudarstvennoĭ semeĭnoĭ politiki Rossiĭskoĭ Federatsii na period do 2025 goda: ěkspertnaia otsenka [On the Concept of the state family policy of the Russian Federation for the period until 2025: an expert assessment], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, no. 3, pp. 33—52.
- Gurko, T. A. (2016) Stanovlenie instituta mediatsii v sfere semeĭnykh sporov v Rossii: zakony, teorii i praktiki [Formation of the institution of mediation in family disputes in Russia: laws, theory and practice], *Sotsiologicheskaiia nauka i sotsial'naia praktika*, vol. 4, no. 2, pp. 40—69.
- Ortikova, M. M., Akhmedov, A., Mirzoeva, Z. A., Nazarov, G. Kh., Amirova, G. Kh. (2020) Rezul'taty vnedreniia Postanovleniia Pravitel'stva Respubliki Tadzhikistan "O pravilakh provedeniia obiazatel'nogo meditsinskogo obsledovaniia lits, vstupaiushchikh v brak" [The results of implementing of the Resolution of the Government of the Republic of Tajikistan "On the rules of conducting the mandatory medical examination of persons entering into marriage"], *Meditsinskiĭ vestnik Natsional'noĭ akademii nauk Tadzhikistana*, no. 2, pp. 147—153.
- Semeĭnyĭ kodeks Rossiĭskoĭ Federatsii ot 29.12.1995 № 223-FZ: (Redaktsiia ot 31.07.2023 s izmeneniami i dopolneniami, vstupivshimi v silu s 26.10.2023)* [Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 no. 223-FZ: (As amended on July 31, 2023, as amended and supplemented, entered into force on October 26, 2023)], available from https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/22aaae75cedae3983eaea614966b169f6a2962b3/ (accessed 05.05.2024).
- Sem'ia i deti v Rossii, 2021* (2022) [Family and children in Russia, 2021], Moscow: Pero.
- Shkiperova, I. S. (2006) Sotsial'naia politika rossiĭskikh kompanii v sfere podderzhki sem'i i roditel'stva [Social policy of Russian companies to support families and parenthood], in: Gurko, T. A. (ed.), *Aktual'nye problemy semeĭ v Rossii*, Moscow: Institut sotsiologii Rossiĭskoĭ akademii nauk, pp. 163—172.
- Sinel'nikov, A. B. (2022) Obosoblenie pokolenii v sem'iakh kak faktor snizheniia rozhdaemosti [Separation of generations in families as a factor for reducing birth rate], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 36—48.
- Vetrov, P. V., Krasnikov, V. V. (2021) Osnovnye aspekty pravovogo regulirovaniia meditsinskogo obsledovaniia lits, vstupaiushchikh v brak [The main aspects of legal regulation of medical examination of persons entering into marriage], *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, vol. 5, no. 19, pp. 454—464.

Статья поступила в редакцию 10.07.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 31.07.2024.

The article was submitted 10.07.2024; approved after reviewing 24.07.2024; accepted for publication 31.07.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Гурко Татьяна Александровна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, tgurko@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Chief Researcher, Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 66—83.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 66—83.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.5

**МНОГОПОКОЛЕННАЯ СЕМЬЯ СЕГОДНЯ:
ОПЫТ СОВМЕСТНОГО ПРОЖИВАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ**

*Надежда Юрьевна Егорова, Алина Леонидовна Янак,
Татьяна Николаевна Захаркина, Татьяна Юрьевна Петрова*

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, nadegorova@yandex.ru

Аннотация. Многопоколенная семья и многопоколенность — важная функциональная социальная структура и традиционная ценность как для населения в целом, так и в контексте задач и приоритетов государственной семейной политики. В статье на основе данных переписей населения, а также результатов авторского исследования (интервью) рассматривается распространенность многопоколенной семьи, обобщается опыт совместного проживания нескольких поколений, определяются смыслы многопоколенности в современных условиях. Делается вывод о сложности сохранения многопоколенной семьи как модального типа домохозяйства в современном российском обществе. В то же время подчеркивается востребованность такой семьи на определенных этапах жизненного пути, несмотря на временность и вынужденность ее существования, значимость как социальной (функциональной) структуры, которая сохраняется в условиях территориального разделения поколений.

Ключевые слова: многопоколенная семья, нуклеаризация семьи, родственная структура, социальная семейная структура

Для цитирования: Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Захаркина Т. Н., Петрова Т. Ю. Многопоколенная семья сегодня: опыт совместного проживания поколений // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 66—83.

Original article

MULTIGENERATIONAL HOUSEHOLDS TODAY: THE EXPERIENCE OF GENERATIONS LIVING TOGETHER

*Nadezhda Yu. Yegorova, Alina L. Yanak,
Tatyana N. Zakharkina, Tatyana Yu. Petrova*

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation, nadegorova@yandex.ru

Abstract. A multigenerational household is an important functional social structure and a traditional value both for the population as a whole and in the context of the tasks and priorities of state family policy. In the context of transformation of society and family, the analysis of multigenerational households from the point of view of their capabilities and meanings, preservation as demographic, social and family structures becomes relevant. Based on population census data in the context of federal districts, urban and rural populations, as well as the results of the author's study "The experience of living in a multigenerational household", the article uses a semi-standardized interview method (the objects of the study are people who have experience living in a multigenerational household, N = 28). The authors examine the prevalence of extended and nuclear families, as well as multigenerational households, generalize the experience of living in multigenerational households, and define the meaning of multigenerational households in modern conditions. The article concludes that it is difficult to maintain multigenerational households as a standard type of household in modern Russian society, which is confirmed by statistical data and interview materials. The authors emphasize the variety of experiences of living in multigenerational households, which can be roughly defined as "early (childhood) experience", "creating a family", and "family unification". The meanings, objectives, functions and reasons for creating large families are as varied as the perception and analysis of such experience. The importance of a multigenerational household, which is preserved despite the territorial separation of generations, is emphasized. The willingness to maintain connections between generations in new conditions is a significant value, the presence of which can be considered as a sign of family well-being.

Key words: multigenerational households, declining family size, family relationships, family and social structures

For citation: Yegorova, N. Yu., Yanak, A. L., Zakharkina, T. N., Petrova, T. Yu. (2024) *Mnogopokolennaia sem'ia segodnia: opyt sovместnogo prozhivaniia pokolenii* [Multigenerational households today: the experience of generations living together], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 66—83.

Введение

«Большая многопоколенная семья в традиционной российской семейной культуре всегда была основным типом семьи, в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников», — зафиксировано в документе, определяющем концептуальные основы отношения государства к семье и целям семейной политики [Об утверждении Концепции... , 2014]. Тем не менее глобальные общественные процессы XX—XXI столетий превратили некогда большую территориально и функционально единую

семейно-родственную группу в несколько маленьких отдельных семей. В результате урбанизации в первой половине XX века небольшая семья становится доминирующей социальной семейной структурой в России, причем не только в условиях города, но и на селе [Миронов, 2003: 236]. Во второй половине прошлого столетия территориальное разделение поколений идет все более быстрыми темпами, обуславливая распространение нуклеарных семей, для которых характерен неолокальный тип проживания. Согласно данным переписей, в 1970 г. каждое четвертое частное домохозяйство из двух и более человек было «простым», не включающим прочих родственников, в 1989 г. доля таких домохозяйств возросла до 81,1 %, несколько снизившись в новом столетии: до 70,2 % в 2002 г., до 67,5 % в 2010 г. [Елисеева, Васильева, 2014]. Таким образом, многопоколенность как совместное проживание нескольких поколений взрослых и детей перестает быть базовой демографической семейной структурой. С другой стороны, функциональная связь поколений не теряет своего значения. Результаты опроса ВЦИОМ 2022 г. показывают, что большинство мужчин (62 %) и женщин (70 %) старше 18 лет включают родителей в состав своей семьи, демонстрируя сохраняющуюся ценность «большой» семьи, межпоколенных отношений [Дела семейные... , 2022]. Важность сохранения, укрепления и продвижения традиционных семейных ценностей, обеспечения преемственности поколений, заботы о достойной жизни старшего поколения подчеркивается в последних документах, касающихся внутренней политики государства [Об утверждении Основ... , 2022]. В этом контексте исследование многопоколенности как демографической и социальной структуры, возможность и условия ее сохранения в современных реалиях приобретают особую значимость и актуальность.

Тема многопоколенности как исторического типа семьи фигурирует в фундаментальных трудах отечественных ученых [Харчев, Мацковский, 1982; Голод, 1998], в частности, в фамилистическом блоке научной дискуссии о состоянии института семьи как единственной формы моногамной семьи, способной удовлетворить базовые общественные потребности в воспроизводстве и социализации поколений [Антонов, Медков, 1996]. Многопоколенные семьи становятся самостоятельным специфичным объектом исследований, в которых анализируются территориальное распределение/размещение таких семей в России в контексте демографического развития [Пациорковский, 2008]; роль, функции, задачи больших семей в современных условиях [Ростовская и др., 2023]. Проблематика многопоколенности раскрывается через анализ взаимодействия поколений в семье [Саралиева, Судьин, 2023]. В фокусе внимания — динамика и конфликты таких отношений [Вдовина, 2005; Синявская, Гладникова, 2007], межпоколенные трансферты [Судьин и др., 2018; Бурмыкина, 2021; Гурко, 2023], прародительский потенциал [Шубат, Багирова, 2020; Янак, 2021]. Безусловно, многопоколенная семья и межпоколенное взаимодействие оказываются в фокусе зарубежных современных исследований, большинство из которых посвящены прародительству, вопросам прародительской вовлеченности и влияющих на нее факторов [Fry, Passel, 2014; Buchanan, Rotkirch, 2018; Popescu, Pronzato, 2022]. Тем не менее многопоколенная семья нуждается в дальнейшем тщательном и скрупулезном анализе с точки зрения оценки ее потенциала не только как демографической, но и социальной структуры, а значит, с точки

зрения возможности достижения целей социальной семейной политики по сохранению традиционных ценностей и решения важных социальных проблем и задач (уход за пожилыми, поддержка молодых детных семей), которые во многом являются следствием трансформационных процессов в сфере семьи и брака. В рамках данной статьи попытаемся частично ответить на поставленные исследовательские вопросы.

Методы исследования и методика анализа

В основу описания многопоколенной семьи легли, во-первых, данные последней Всероссийской переписи населения 2020 г. в разрезе городского и сельского населения, населения федеральных округов, во-вторых, результаты авторского пилотажного исследования «Опыт проживания в многопоколенной семье», проведенного в январе — феврале 2024 г. методом полустандартизированного интервью с целью рассмотреть и обобщить опыт совместного проживания представителей разных поколений. Объект исследования — лица в возрасте 18 лет и старше, имеющие опыт проживания в многопоколенной семье на разных этапах жизненного и семейного циклов (будучи ребенком с родителями/родителем и бабушкой/дедушкой; на этапе молодой семьи с родителями/родителем одного из супругов; являясь родителем взрослых детей, живущих совместно). Общее число опрошенных — 28 человек (16 женщин и 12 мужчин) в возрасте от 20 до 69 лет. Данные были обработаны при помощи программного пакета ЛЕКТА, осуществляющего контент-анализ документов. Выделенный из первоначального массива лексем ($n > 23$ тыс.) словарь (набор слов и словосочетаний), отражающий микросюжеты, связанные с описанием различных аспектов расширенного проживания родственников, составил 81 единицу. Для выявления коррелирующих семантических цепочек и фрагментов интервью в этой же программе был произведен факторный анализ, в результате которого получено оптимальное для адекватной систематизации тематического разнообразия число факторов — 20. Объясняющая способность модели составляет 52 %. Получены факторы с положительной и отрицательной нагрузкой, а также поляризованные факторы. Факторы с отрицательной нагрузкой означают либо их негативное влияние на качество и/или уровень межпоколенного взаимодействия в рамках расширенного домохозяйства, либо негативную оценку состояния и перспектив развития многопоколенной семьи. Факторам даны условные названия, далее они проанализированы в их взаимосвязи.

Результаты исследования

Как уже было отмечено, *многопоколенная семья как демографическая структура* становится все более редким явлением. Данные последней Всероссийской переписи населения 2020 г. подтверждают это и позволяют говорить о сформировавшейся относительно стабильной родственной структуре семьи, исключаящей в большинстве случаев совместное проживание нескольких поколений.

Сегодня большая часть семей в России имеют нуклеарную структуру, т. е. состоят из супружеской пары с детьми или без них (табл.). Доля таких семей, согласно данным последней переписи населения 2020 г., сохраняется на уровне

48,6 % и в течение двух последних десятилетий остается более или менее неизменной. Значительное число домохозяйств, состоящих из матери (отца) с детьми, делают простую семейную структуру подавляющей в современном российском обществе, численность домохозяйств, имеющих данную структуру, достигает 66,8 % от их общего числа. Только каждое седьмое домохозяйство в 2020 г. (14,1 %) можно отнести к сложным, составным, доля однозначно многопоколенных семей оказывается еще меньше — 7,6 %. Стоит отметить, что состав домохозяйств весьма разнообразен и не всегда можно четко сказать, во-первых, за счет каких связей они расширены (например, типы 7 и 11 в таблице могут включать и вертикальные, и горизонтальные связи, а могут и исключать какие-либо из них), во-вторых, допустимо ли считать отдельные типы простыми или составными (например, «прочие домохозяйства», которые могут включать домохозяйства с пропущенным поколением). «Прочие домохозяйства из одной супружеской пары», по всей вероятности, будут составными, что немного увеличит долю сложных домохозяйств в общем числе частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, — до 19,6 %. Родственная структура городских и сельских домохозяйств отличается несильно. Уровень нуклеаризации семей на селе и в городе одинаков. Небольшие отличия кроются в распределении типов домохозяйств внутри простых и сложных (составных) семей. Сельские семейные домохозяйства чаще включают полное супружеское ядро — 51,1 против 47,7 %; в городе больше монородительских домохозяйств — 19,1 против 15,7 %; составных домохозяйств на селе чуть больше — 17,7 против 13,2 %. Можно очень условно говорить, что сельская структура семьи более традиционна и благополучна: здесь больше полных и «больших» семей, меньше «прочих» (8,2 против 15,4 %).

Учитывая большую территорию страны, национальное и культурное разнообразие, можно предположить, что уровень нуклеаризации в различных федеральных округах неодинаков и структурные элементы «традиционности» семьи выражены по-разному. Стоит отметить, что данный тезис подтверждается лишь частично. Численность простых и сложных домохозяйств действительно варьируется, разница в доле домохозяйств различного типа может быть существенна [Всероссийская перепись населения... , 2020]. В первом случае она составляет 15,1 п. п. (от 59,1 % в Северо-Кавказском округе до 74,2 % в Уральском), во втором — 12,17 п. п. (от 10,83 % в Сибирском округе до 23 % в Северо-Кавказском). Различны доли и монородительских, и многопоколенных семей. Доля домохозяйств, имеющих неполное родительское ядро, минимальна в Северо-Кавказском федеральном округе — 20 %, максимальна в Северо-Западном — 29,6 %; домохозяйств, включающих представителей нескольких поколений, меньше всего в Уральском округе — 5,5 %, больше — в Северо-Кавказском (13,4 %). В то же время родственная структура современной семьи такова, что остается стабильной даже с учетом территориального фактора. Простая семья во всех без исключения округах является доминирующим типом, даже в отличном от других Северо-Кавказском, где уровень нуклеаризации самый низкий. Характеристикой семейной структуры максимально «традиционного» Северо-Кавказского федерального округа, как и везде, следует считать нестабильность родительского ядра.

**Численность и состав домохозяйств, состоящих из двух и более человек
 (Российская Федерация), %¹**

№ п/п	Тип домохозяйства	Все население	Городское население	Сельское население
1	Одна супружеская пара с детьми и без детей	48,6	47,7	51,1
2	<i>Одна супружеская пара с детьми и без детей и один из родителей супругов</i>	3,0	2,8	3,7
3	Одна супружеская пара с детьми и без детей и мать (отец) с детьми	2,0	1,7	2,7
4	Прочие домохозяйства из одной супружеской пары	5,5	4,8	7,9
5	<i>Супружеская пара с детьми и без детей, с обоими родителями одного из супругов с детьми и без детей, прочими родственниками (или без них) и неродственниками (или без них)</i>	1,7	1,3	2,7
6	Прочие домохозяйства из двух супружеских пар	0,2	0,1	0,3
7	Три и более супружеские пары с родственниками (или без них) и неродственниками (или без них)	0,1	0,1	0,2
8	Мать с детьми	15,4	16,1	13,4
9	Отец с детьми	2,8	3,0	2,3
10	<i>Мать (отец) с детьми и один из родителей матери (отца)</i>	2,9	3,1	2,5
11	Мать (отец) с детьми, один из родителей матери (отца) (или без него), прочие родственники (или без них) и неродственники (или без них)	4,2	4,0	5,0
12	Прочие домохозяйства	13,6	15,4	8,2

Примечание. Курсивом выделены типы домохозяйств, которые можно однозначно считать многопоколенными семьями.

Безусловно, более значимые различия могут раскрываться в региональном разрезе, который не был предметом специального анализа. Тем не менее сложно рассматривать многопоколенную семейную структуру, даже потенциально и в самых «традиционных» регионах, в качестве доминирующей, а ее сохранение в современных условиях в качестве таковой как возможное.

Значение и смыслы многопоколенной семьи не только как *демографической*, но и как *социальной структуры* были проанализированы также в контексте результатов авторского исследования. Сразу стоит отметить, что вследствие небольшой распространенности многопоколенных семей найти информантов, проживающих в такой семье, оказалось непросто. Поэтому объектом исследования стали те, кто не только имеет, но и когда-то имел опыт совместного проживания с несколькими поколениями.

¹ Рассчитано по: [Всероссийская перепись населения... , 2020].

Полученные в ходе анализа текстов факторы показывают, насколько разнообразны могут быть ситуации совместного проживания, их восприятие и оценка, готовность и желание продолжить или повторить такой опыт в будущем. Авторы попытались объединить все факторы в три условных смысловых блока: причины-ситуации формирования «большой» семьи, оценка полученного опыта, причины прекращения совместного проживания или перспективы сохранения/возобновления его в будущем.

«Ранний (детский) опыт проживания в многопоколенной семье» — фактор с отрицательной нагрузкой, он характеризует состав и особенности расширенного домохозяйства в период совместного проживания поколений в рамках раннего, или детского, опыта информантов и включает в себя лексемы *бабушка, мама, папа, дедушка и умер(ла)*. Согласно материалам интервью, конфигурация «прародитель(и) — родитель(и) — ребенок/дети» является наиболее распространенной на ландшафте многопоколенности, хотя представлены случаи проживания с сиблингами (или своими — сестрами/братьями, или родителей — тетями/дядями):

...Помню школьные годы, жил с бабушкой, с дедушкой несколько лет. Ну, тут я был маленький, ничего особого, примечательного не было для меня, это было абсолютно нормально, естественно, то есть <то, что>² папа, мама, бабушка, дедушка, мы все вместе живем (муж., 69 лет, проживает со своими женой и дочерьми);

<Мы с родителями> проживали вместе с бабушкой со стороны папы, она была вдова, дедушка погиб на фронте (жен., 50 лет, не замужем, проживает одна);

...С семьей брата мужа... мы семь лет прожили, абсолютно в хороших взаимоотношениях (жен., 65 лет, замужем, двое детей, проживает вдвоем с мужем).

Одни оценивают этот опыт как положительный, другие — скорее, как отрицательный, но, пожалуй, ключевой характеристикой является его темпоральность. Детский опыт проживания с мамой/папой и бабушками/дедушками, как правило, имеет временный характер, а его прерывание/завершение знаменуется или отделением младших, например, в связи с взрослением, созданием собственной семьи, или смертью представителей старшего поколения. Все это объясняет отрицательную нагрузку данного фактора:

Так и получилось, что мы жили тремя поколениями, по очереди помогая друг другу. Плюс мой папа всегда был очень семейным человеком, и для него важно поддерживать связи с родственниками. <Если уже не проживаете совместно — почему?> Нет, не проживаем в связи со смертью бабушки и дедушки. Но и до этого мыслей отделиться не было, потому что это означало бы бросить их в сложной ситуации — дедушка из-за врачебной ошибки стал инвалидом и бабушка несколько лет за ним ухаживала (жен., 21 год, не замужем, живет отдельно от родных).

² Здесь и далее примечания авторов статьи к текстам интервью приводятся в угловых скобках.

Второй фактор, или причина-ситуация, условно обозначенная как «характеристика “приема” в дом», в качестве центральной сюжетной линии раскрывает причины и обстоятельства объединения с родными после вступления в брак (или отношения). Здесь также обсуждались поведенческие особенности родственников — владельцев жилья, объединивших поколения на одной «территории». В описании многопоколенного семейного уклада определенное значение имеет то, кто является «принимающей» стороной, и, соответственно, локализация проживания. Подавляющее большинство участников нашего исследования выступали в роли нуждающихся в жилье, поэтому им приходилось соглашаться на условия хозяев помещения — старшего поколения. Это обуславливает специфику комментариев и отрицательную направленность данного фактора: рассматриваются трудности адаптации, ощущения дискомфорта, в числе прочего связанного с необходимостью подстраиваться и порой подчиняться воле главы дома:

Неудобно и дискомфортно. У меня есть свои устои, правила и порядки. Тут порядки другие, приходится подстраиваться. Но это временно, поэтому нормально. Конфликты происходят с отцом девушки. Я ему не особо нравлюсь (муж., 29 лет, проживает с партнершей и ее родителями);

...Я однозначно за то, чтобы родители и дети все-таки проживали отдельно. Потому что, когда ты живешь с другой семьей... Изначально... каждая семья, в ней всегда какие-то свои традиции, какие-то свои условия, какая-то своя специфика определенная. ...Свекровь у меня была властная... и она всегда говорила: «Ты должна делать так, ты должна делать эдак». И у нас постоянно были стычки, и муж всегда метался между мной и свекровью. Это было очень сложно, это было напряженно... (жен., 33 года, проживает с мужем и ребенком).

В дополнение стоит рассмотреть факторы, связанные с оценкой качества отношений со свекром/свекровью и/или тестем/тещей: «патрилокальное проживание» и «матрилокальное проживание». Первый фактор, ключевой лексемой которого является «свекровь», имеет отрицательную нагрузку, второй, характеризующий взаимодействие мужа с родителями жены, положительную нагрузку:

Конечно, в таком проживании тоже есть свои плюсы: старшее поколение может взять на себя часть быта и ухода за детьми или, наоборот, дети могут заботиться о пожилых родителях. ...Но минусов чаще всего больше — в таких семьях сложно соблюдать иерархию, могут возникнуть конфликты на бытовой почве, не все могут найти общий язык с родителями супруга (жен., 21 год, не замужем, живет отдельно от родных).

В подтверждение представленным выше тезисам еще один фактор — «родство» показал: члены расширенной семьи, родственные отношения между которыми возникли в результате заключения брака, менее восприимчивы к советам и назиданиям со стороны старшего поколения, что может интенсифицировать спорные, конфликтные ситуации и повысить возможность развития в семье неблагоприятного социально-психологического климата:

...Скажем, молодая жена там, ну я уж, я ж мужчина, да, если там теща указывает, там свекровь указывает жене, как надо готовить, она головой кивает, но ей не очень нравится, ей хочется по-своему, да, ну вот (муж., 69 лет, проживает со своими женой и дочерями);

...Когда родители ко мне приезжали, жили, все равно казалось, что что-то не так. Они старались не вмешиваться, мне хотелось как бы, чтоб в семье моей, с мужем, все было хорошо и их не обидеть как бы, и дети маленькие подрастают, ну, сложно как бы все это урегулировать (жен., 42 года, проживает с мужем и детьми).

Следующий фактор «перспективы и опыт проживания в многопоколенной семье в зрелом возрасте» высвечивает ситуации воссоединения семьи (переезд родителей к детям в зрелом или пожилом возрасте) в результате «принятия соответствующего решения» вследствие возникновения «необходимости», объективных обстоятельств: болезни и/или утраты способности родителей/прародителей к самообслуживанию, их потребности в постоянном уходе и присмотре. Программная обработка текстов интервью присвоила данному фактору положительный регистр, подчеркивая приверженность россиян внутрисемейной солидарности и взаимопомощи, безальтернативность морального долга перед пожилыми и больными родителями (хотя в данном случае совместное проживание поколений приобретает не интенциональный, а вынужденный характер):

Для меня совместное проживание — это, скорее, вынужденная мера (жен., 21 год, не замужем, живет отдельно от родных);

В перспективе я не рассматриваю вариант проживания в многопоколенной семье, так как, живя самостоятельно, я познала цену личного пространства, и сейчас я ставлю его в приоритет. Единственное исключение, которое может быть, — это состояние моих родителей. ...Если будет требоваться непосредственный уход, то, конечно же, мы будем жить вместе (жен., 21 год, не замужем, живет отдельно от родных);

...Бабушка заболела, поэтому было принято решение ее перевезти к нам с родителями для ухода за ней (муж., 33 года, женат, проживает с супругой и ребенком).

Однако, несмотря на основной лейтмотив семейной взаимопомощи, солидарности и заботы, нагрузка отдельно выделившегося фактора прародительской мобильности (воссоединение поколений) является отрицательной. С одной стороны, это может объясняться констатацией неприятных, но высоковероятных проблем одиночества и самообслуживания старшего поколения, решение которых берет на себя среднее поколение. С другой стороны, нежеланием «вырывать» прародителей из контекста их сложившейся жизни, домохозяйства:

Когда моя мама станет пожилой, конечно, я бы пригласила ее жить к себе, чтобы она была рядом, под присмотром и не была одинока, так скажем, и сделала бы то же самое по отношению к маме мужа. То есть я считаю, что человек старость должен так закончить, а не в одиночестве (жен., 20 лет, не замужем, проживает отдельно от родителей);

Бабушка 70 лет жила по своим правилам. Тут она придет в их дом <к своим детям>, и в 70 лет она будет вынуждена переучиться жить по их правилам. Если она не переучится, родители будут беситься, она будет беситься, всем будет плохо от этого. У нее там <в родном регионе> друзья, у нее там вся жизнь. Они ее перевезут в Московскую область, у нее кто из знакомых будет? (жен., 21 год, не замужем, проживает с соседкой отдельно от родителей).

Фактор «причины проживания в расширенной семье» более подробно раскрывает основные обстоятельства, обусловившие совместное проживание представителей разных поколений. Среди них выделяются: отсутствие собственного жилья и альтернативы отдельного проживания; изменение брачного статуса, повлекшее необходимость переезда к родителям; временное совместное проживание как условие для обеспечения комфортной адаптации семьи к новым условиям в контексте изменения семейной структуры (например, при рождении детей); совместное проживание, не ограниченное конкретным периодом, для возможности реализации карьерных траекторий родителей (среднее поколение) и прародительских стратегий (семейная востребованность в контексте реализации воспитательной, хозяйственно-бытовой функций, функции организации досуга, функции первичного социального контроля и др.); совместное проживание многопоколенной семьи как семейная традиция почитания старших и заботы о них:

Мы развелись с мужем (жили <с ним> в Беларуси), и вернулись с дочкой в Нижний Новгород. <...> На тот момент не было <собственного жилья>, мы вернулись к родителям. Второй опыт проживания <в расширенном домохозяйстве> был связан точно так же <с тем>, что не было своего жилья (жен., 60 лет, в разводе, есть дочь и внуки, сейчас проживает одна);

...С 6 лет, помню, было первый раз, когда бабушка — мамина мама — переехала к нам. Она жила с кем-то, потом этот ее бойфренд умер, и она вернулась в свою старую квартиру, где мы жили с папой и с мамой. <...> А еще позже, после смерти уже бабушки (она умерла раньше, чем ее мама, это моя прабабушка), мы взяли прабабушку к себе, потому что ей уже было там за 80, у нее был Альцгеймер, как я сейчас понимаю, там крыша уже уезжала, она не могла уже жить <самостоятельно>. ...Ну, то есть да, до самой смерти вот она с нами жила. <...> Когда родилась у нас вторая дочь, тогда родители жены приехали из Беларуси и пожили у нас годик, помочь немножечко. ...Они там и готовили, и гуляли, ну, в общем, помощь по хозяйству (муж., 46 лет, проживает с женой и двумя детьми);

Родители раньше много работали, и им было удобно, чтобы мной занималась бабушка: отводила в школу, забирала, делала со мной домашку, водила на секции. Родителей часто не было, поэтому это было лучшее решение (муж., 21 год, холост, проживает с родителями, бабушкой и дедушкой);

Это была традиция, что родители, которые в возрасте, проживали вместе с детьми. В данном случае у бабушки была дочь и сын, так было заведено, что сын, короче, должен был заботиться о матери в пожилом возрасте (жен., 50 лет, не замужем, проживает одна).

Как отмечалось ранее, информанты выделяли и плюсы, и минусы расширенного домохозяйства, представленного несколькими поколениями. Эти характеристики оказались объединенными в фактор «оценка многопоколенного проживания». В качестве главного плюса обозначается удобство: наличие крыши над головой, совместный бюджет, помощь в быту и присмотре за нуждающимися в уходе родными (будь то дети или, напротив, пожилые родственники). По мнению респондентов, практика проживания в многопоколенной семье позволяет сформировать ценностно-смысловую сферу человека (прежде всего детей), навыки заботы о старших, основы уважительного отношения к ним, более эффективно организовать процесс социализации, опираясь на опыт поколений, примеры успешных межпоколенных/межличностных/внутрисемейных коммуникаций (фактор с условным названием «опыт и перспектива»). Позитивный взгляд на многопоколенную семью как комплиментарную практику предусматривает набор определенных критериев: самостоятельности старшего поколения (способность к самообслуживанию и необременительность), готовности старшего поколения помочь младшему и наоборот, большой жилплощади, в которой всем хватает места:

Ну, в принципе, дело неплохое, конечно, так вот жить вместе... особенно в наше время, когда есть большие дома, есть большие квартиры. <Но>, на мой взгляд, молодым, наверное, мало приятно жить с родителями. Вот мое такое впечатление. Потому что каждое поколение отличается своими особенностями. У нас одно, мы потому что росли на одних, скажем так, каких-то установках. Наши дети — на других, внуки на — третьих (муж., 67 лет, трое детей, проживает вдвоем с женой).

Таким образом, несмотря на выделение плюсов, ответы на уточняющие и проверочные вопросы, касающиеся различных проблемных нюансов, конфликтов в отношениях с родными и перспектив продолжения или возобновления опыта совместного проживания, показывают, что большинство информантов видят более комфортным раздельное проживание представителей разных поколений, предпочли бы отделиться или не возвращаться к такому формату проживания. В конечном счете именно это обуславливает отрицательную нагрузку данного фактора. В качестве одного из главных минусов информанты называют ограниченность или отсутствие личного пространства:

Минусы, к сожалению, тоже есть, например, в моем случае это была гиперопека, и периодически она заставляла меня чувствовать <себя> дискомфортно. Также в большой семье зачастую не хватает личного пространства (жен., 20 лет, не замужем, проживает отдельно от родителей);

Тут трудно, все равно какие-то там трения возникают между семьями... Другое дело, когда живешь в большой комнате... на другой этаж дома можешь уйти, тогда уже легче. ...На одном этаже одна кухня для одной семьи, другая кухня — для другой, при необходимости в гостиной встречаются там. <Зато> можно родителей <держат> под присмотром, плюс они с внуками общаются, какой-то жизненный опыт им передают, присматривают за ними (муж., 69 лет, проживает со своими женой и дочерьми);

Единственное, что в современных условиях, наверное, ввиду маленькой площади, занимаемой под жилье, могут быть какие-то там, да... все равно у каждого в доме должно быть какое-то, хотя бы маленькое, личное пространство. Если это небольшое пространство есть, то это, я думаю, здесь никаких отрицательных моментов нет (жен., 50 лет, не замужем, проживает одна).

Причем некоторые информанты, акцентируя внимание на описании своих проблем в организации и функционировании многопоколенного домохозяйства, признают трудности, возникающие и у другого(их) поколения(й):

Они <родители>... пожилы <у нас>, и им было тяжело. Во-первых, маленький ребенок, во-вторых, они просто хотели к себе домой, они скучали, начинали там смотреть фотографии родного города... Мы решили, что они поедут домой (жен., 42 года, проживает с мужем и детьми);

Мы купили свекрови квартиру однокомнатную, потому что уже немножко стало тяжело жить вместе... Она все-таки хотела жить своей жизнью, мы — своей. На основании этого возникали часто конфликты, и было принято решение, чтобы окончательно не портить отношения, лучше разъехаться (жен., 33 года, проживает с мужем и ребенком).

В рамках отдельной сюжетной линии (отрицательный фактор «размеры жилой площади для проживания многопоколенной семьи») обсуждается, что стесненные условия могут способствовать увеличению внутрисемейных конфликтов, провоцировать «моральную усталость» от постоянного общения и отсутствия личных границ, что влечет необходимость постоянного личного эмоционального контроля для обхода острых углов:

...Если в трехкомнатной квартире живут папа, мама, там двое-трое детей, стариков, то тут получается: друг у друга на головах сидят. Скажем, мать, родители в одной комнате, куча детей в другой комнате, там старики в третьей комнате, ну, и все на кухне вместе столкнутся. Да, тесно. Тем более что родители, как они ни стараются не вмешиваться в дела молодой семьи, ну, не удержишься где-то, где-то подскажешь, еще что-нибудь. ...Все равно возникают какие-то трения... (муж., 69 лет, проживает со своими женой и дочерьми).

Сложности взаимодействия внутри большой семьи иллюстрирует фактор «перераспределение функциональных ролей». Жизнедеятельность многопоколенной семьи в контексте распределения внутрисемейных обязанностей для обеспечения комфортной жизни может приводить к подмене функциональных ролей членов семьи: иногда прародители функционально встают на позицию родителей для своих внуков, среднее поколение — на позицию сиблингов для своих детей, братья/сестры — на позицию родителя:

Среднее поколение функционально как братья и сестры внуков. Ну, как старшие братья и сестры. Среднее поколение это чувствует, оно бунтует... поэтому происходят стычки... они не чувствуют себя вполне на своей территории. ...Он <дедушка> вел себя <так>, как мужчина, в моем представлении, должен вести. Практически из наблюдений за отношениями моего дедушки с бабушкой, видимо, и сформировалось представление, что вот это естественно

в жизни, когда мужчина вместе с женщиной разделяет бытовые все обязанности. <...> Он приходит за мной, например, в садик. Я, конечно, больше всех, наверное, ребенком маму любила, но я очень любила, когда за мной бабушка и дедушка приходят. Вот мы с дедушкой шли на прогулку, и дедушка что-нибудь рассказывал тоже интересное, но дедушкин рассказ... он больше шутил (жен., 50 лет, замужем, проживает вдвоем с мужем).

Значение опыта старших в многопоколенной семье трактуется неоднозначно, что отражает фактор «трансляция опыта». С одной стороны, транслирование опыта старшим поколением может способствовать передаче знаний, навыков, позволяющих повышать жизнеспособность семьи. С другой стороны, подобная практика со стороны старшего поколения иногда рассматривается их детьми как слишком навязчивая, в то время как дети (среднее поколение) стремятся наращивать свой жизненный опыт, основанный на их личном выборе и действиях:

...Просто бабушка умеет, любит поучать у нас, а я не люблю прислушиваться, я люблю делать так, как мне нравится (жен., 30 лет, проживает с мужем, дочерью и родителями супруга);

...Ну, во-первых, разные поколения. Вам сложно договориться обычно, и одно дело друг у друга гостить, на время приезжать, а другое дело вместе жить, потому что одни строят быт так, другие строят быт по-другому. Плюс это детско-родительские отношения, не происходит сепарация полная, потому что вы находитесь вместе. Как будто бы... ты живешь не свою жизнь (жен., 21 год, не замужем, проживает с соседкой отдельно от родителей).

Успешность отношений в многопоколенной семье (сюжеты, объединенные в фактор «параметры благополучия многопоколенной семьи»), их позитивная коннотация определяются некоторыми условиями: наличием взаимной поддержки, умением обходить острые углы (отсутствие или минимум конфликтных ситуаций), отсутствием разногласий и напряжения на почве ведения быта, разумным и/или удобным распределением обязанностей и зон ответственности:

В основном кухней, готовкой — всем этим занималась мама. Бабушка тоже могла что-то готовить, если мама не дома или мама не готовит. То есть у них не было дележки кухни или каких-то недопониманий по этому поводу. В уборке было то же самое. То есть каждый в семье убирался: и я, и мама, и бабушка, и отец тоже убирался. То есть... никто не обговаривал, где чье место, это как-то само определилось. Бабушка никогда не лезла в отношения родителей (жен., 20 лет, не замужем, проживает с мамой);

Мы <с семьей брата моего мужа> прожили совместно 7 лет. Но я хочу сказать, что все эти годы были спокойными. Вот я сейчас думаю — надо же, мы как в коммуналке жили, но жили достаточно дружно (жен., 65 лет, замужем, двое детей, проживает вдвоем с мужем).

Сюжеты, выделенные в ходе интервью (фактор «семейная мобильность»), говорят о возможности временного/ситуативного совместного проживания

нескольких поколений, определяемого рядом условий как вынужденных, так и желанных переездов:

...<Мои родители> нас пригласили в гости, во-первых, мы давно не виделись, мне хотелось пожить какое-то время вместе. Во-вторых, второй ребенок — они помогли со вторым ребенком, <когда> он родился (жен., 42 года, проживает с мужем и детьми);

Поскольку мы не молодеем, мама у нас уже пожилой человек, и возможно, в какой-то момент времени нам придется взять ее к себе, потому что она, может, одна и не захочет и не будет жить, переедет к нам, будем жить все вместе (жен., 44 года, проживает с мужем и детьми).

Стоит отметить, что прекращение совместного проживания не означает разрыва отношений, а, напротив, усиливает стремление к сохранению межпоколенных связей, но в других условиях:

...У меня сестра с ними <родителями> сейчас живет, помогает. ...Ну, раз в год и я к ним приезжаю в гости... надолго не получается из-за детей маленьких, ну, где-то на неделю приезжаю (жен., 42 года, проживает с мужем и детьми).

Выводы и дискуссия

Многопоколенная семья, являвшаяся основной структурной единицей российского общества вплоть до начала XX столетия, постепенно перестает быть таковой, приобретая новое значение и смыслы в современном обществе. Сохранение ее как модальной демографической семейной структуры сегодня вряд ли возможно. И данные статистики, и результаты качественного авторского исследования четко указывают на это. Статистически многопоколенная семья в течение XX столетия перестает быть доминирующим типом домохозяйства, даже в относительно «традиционных» федеральных округах, отличных от остальных. Наступление XXI столетия не преломило этой тенденции. Качественное исследование показывает, что совместное проживание поколений рассматривается как временная и вынужденная мера, безусловно имеющая не только минусы, но и плюсы, опыт проживания в такой семье может расцениваться как положительно, так и отрицательно. Решение проблемы крыши над головой, помощь взрослым детям в присмотре за детьми и появляющаяся у среднего поколения возможность спокойно работать, совмещение функций ухода за пожилыми нуждающимися родителями и заботы о собственных детях делают многопоколенную семью на определенном этапе жизненного пути востребованной и необходимой. Многообразие опыта совместного проживания обобщается в первую очередь с учетом следующих моментов: раннего (детского) опыта, опыта на момент создания семьи (отношений), воссоединения на этапе старения родителей. Смыслы во многом также определяются ими: взросление в большой семье — скорее, положительный опыт; включение молодой пары в большую семью — максимально сложный и болезненный процесс; принятие в семью пожилых родителей — моральный долг. Создание большой семьи — это во многом объединение ресурсов для решения

жизненных проблем, необходимость в котором пропадает при изменении ситуации. Но желание жить отдельно, характерное для подавляющего большинства информантов, означает не разрыв связей, а, скорее, наоборот — стремление к их сохранению, но в других, новых условиях и форматах, которые еще требуют исследования и анализа. Таким образом, многопоколенность как социальная структура не теряет своей значимости. Элемент «традиционности» — взаимная помощь и поддержка поколений — сохраняется, что подтверждается исследованием. И именно наличие такой поддержки и готовность к ней стоит считать дополнительным и важным критерием семейного благополучия.

Список источников

- Антонов А. И., Медков В. М.* Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. 304 с.
- Бурмыкина О. Н.* Межпоколенные отношения в неполных и полных семьях // Петербургская социология сегодня. 2021. № 15. С. 20—35.
- Вдовина М. В.* Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 102—104.
- Всероссийская перепись населения 2020. Т. 8: Число и состав домохозяйств // Росстат. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv (дата обращения: 15.10.2023).
- Голод С. И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.
- Гурко Т. А.* Взаимопомощь поколений в городских семьях // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 43—58.
- Дела семейные // ВЦИОМ. 2022. 15 декабря. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-seimeinye> (дата обращения: 15.10.2023).
- Елисеева Е. Е., Васильева Э. К.* Основные направления исследования домохозяйств по материалам Всероссийских переписей населения // Вопросы статистики. 2014. № 4. С. 32—40.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
- Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_167897/1ae3172271088ff17d13f732abf826846524ab91/ (дата обращения: 14.10.2023).
- Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.10.2023).
- Пацюрковский В. В.* Многопоколенная семья — основа демографического развития // Россия и современный мир. 2008. № 3. С. 194—209.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Васильева Е. Н.* Институт многопоколенной семьи как резерв демографического развития России // Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 59—77.
- Саралиева З. Х.-М., Судьин С. А.* Многопоколенная семья в фокусе социологических исследований: (опыт нижегородских социологов) // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 86—95.

- Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: Независ. ин-т соц. политики, 2007. Вып. 1. С. 517—544.
- Судьин С. А., Кутявина Е. Е., Курамшиев А. В. Межпоколенные отношения в современной нижегородской семье // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 56—71.
- Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. Ереван: Айастан, 1982. 271 с.
- Шубат О. М., Багирова А. П. Продолжительность прародительства в России: статистические оценки и возможность управления в рамках национального проекта «Демография» // Вопросы управления. 2020. № 6. С. 142—155.
- Янак А. Л. «Нереализованные» бабушки и дедушки: прародительская ресурсность vs прародительская депривация // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 54—69.
- Buchanan A., Rotkirch A. Twenty-first century grandparents: global perspectives on changing roles and consequences // *Contemporary Social Science*. 2018. Vol. 13, iss. 2. P. 131—144.
- Fry R., Passel J. S. In Post-Recession Era, Young Adults Drive Continuing Rise in Multi-generational Living. Washington (DC): Pew Research Center's Social and Demographic Trends project, 2014. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2014/07/17/the-growth-in-multi-generational-family-households/> (дата обращения: 20.02.2024).
- Popescu L., Pronzato C. Grandparents' care and mothers' work in Europe. Taking different points of view // *Mothers in the Labor Market* / ed. by J. A. Molina. Springer, 2022. P. 123—136.

References

- Antonov, A. I., Medkov, V. M. (1996) *Sotsiologiya sem'i* [Sociology of the family], Moscow: Izdatel'svo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Izdatel'svo Mezhdunarodnogo universiteta biznesa i upravleniia ("Brat'ia Karich").
- Buchanan, A., Rotkirch, A. (2018) Twenty-first century grandparents: global perspectives on changing roles and consequences, *Contemporary Social Science*, vol. 13, iss. 2, pp. 131—144.
- Burmykina, O. N. (2021) Mezhpokolennye otnosheniia v nepolnykh i polnykh sem'iakh [Intergenerational relations in single-parent and nuclear families], *Peterburgskaia sotsiologiya segodnia*, no. 15, pp. 20—35.
- Dela semeinye (2022) [Family matters], *Vserossiiskii tsentr izucheniia obshchestvennogo mneniia*, 15 dekabria, available from <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheski-obzor/dela-semeinye> (accessed 15.10.2023).
- Eliseeva, E. E., Vasilyeva, E. K. (2014) Osnovnye napravleniia issledovaniia domokhoziaistv po materialam Vserossiiskikh perepisei naseleniia [Main directions of household research based on materials from the All-Russian population censuses], *Voprosy statistiki*, no. 4, pp. 32—40.
- Fry, R., Passel, J. S. (2014) *In Post-Recession Era, Young Adults Drive Continuing Rise in Multi-generational Living*, Washington, DC: Pew Research Center's Social and Demographic Trends project, available from <https://www.pewresearch.org/social-trends/2014/07/17/the-growth-in-multi-generational-family-households/> (accessed 20.02.2024).

- Golod, S. I. (1998) *Sem'ia i brak: Istoriko-sotsiologicheskii analiz* [Family and marriage: A historical and sociological analysis], St. Petersburg: Petropolis.
- Gurko, T. A. (2023) Vzaimopomoshch' pokolenii v gorodskikh sem'iakh [Mutual assistance of generations in urban families], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 43—58.
- Kharchev, A. G., Matskovsky, M. S. (1982) *Sovremennaiia sem'ia i ee problemy* [Modern family and its problems], Yerevan: Aĭastan.
- Mironov, B. N. (2003) *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the imperial period (XVIII — early XX centuries)], vol. 1, St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Patsiorkovsky, V. V. (2008) Mnogopokolennaia sem'ia — osnova demograficheskogo razvitiia [Multigenerational family is the basis of demographic development], *Rossiiia i sovremennyi mir*, no. 3, pp. 194—209.
- Popescu, L., Pronzato, C. (2022) Grandparents' care and mothers' work in Europe. Taking different points of view, in: Molina, J. A. (ed.), *Mothers in the Labor Market*, Springer, pp. 123—136.
- Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V., Vasilieva, E. N. (2023) Institut mnogopokolenoii sem'i kak rezerv demograficheskogo razvitiia Rossii [The institute of multi-generational family as a reserve of demographic development in Russia], *Demograficheskie issledovaniia*, vol. 3, no. 4, pp. 59—77.
- Saraliev, Z. Kh.-M., Sudin, S. A. (2023) Mnogopokolennaia sem'ia v fokuse sotsiologicheskikh issledovaniĭ: (Opyt nizhegorodskikh sotsiologov) [Multigenerational family in the focus of sociological research: (Experience of sociologists from Nizhny Novgorod)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 86—95.
- Shubat, O. M., Bagirova, A. P. (2020) Prodolzhitel'nost' praroditel'stva v Rossii: statisticheskie otsenki i vozmozhnosti upravleniia v ramkakh natsional'nogo proekta "Demografiia" [Duration of ancestry in Russia: statistical estimates and management capabilities within the framework of the national project "Demography"], *Voprosy upravleniia*, no. 6, pp. 142—155.
- Sinyavskaya, O. V., Gladnikova, E. V. (2007) Vzroslye deti i ikh roditeli: intensivnost' kontaktov mezhdu pokoleniiami [Adult children and their parents: the intensity of contacts between generations], in: Maleva, T. M., Sinyavskaya, O. V. (eds), *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'e i obshchestve*, vol. 1, Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki, pp. 517—544.
- Sudin, S. A., Kutyavina, E. E., Kuramshev, A. V. (2018) Mezhpokolennye otnosheniia v sovremennoi Nizhegorodskoi sem'e [Intergenerational relations in a modern Nizhny Novgorod family], *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, no. 3, pp. 56—71.
- Vdovina, M. V. (2005) Mezhpokolennye konflikty v sovremennoi rossiiskoi sem'e [Intergenerational conflicts in the modern Russian family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 102—104.
- Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2020 (2020) [All-Russian Population Census 2020], vol. 8: Chislo i sostav domokhoziaĭstv, *Rosstat*, available from https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozaystv (accessed 15.10.2023).
- Yanak, A. L. (2021) "Nerealizovannye" babushki i dedushki: praroditel'skaia resursnost' vs praroditel'skaia deprivatsiia ["Unfulfilled" grandparents: ancestral resourcefulness vs ancestral deprivation], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedeniĭ. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*, no. 1, pp. 54—69.

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 10.06.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Егорова Надежда Юрьевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, nadegorova@yandex.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Янак Алина Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, alinayanak91@yandex.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Захаркина Татьяна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, zakharkina.tn@gmail.com (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Петрова Татьяна Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, innov@inbox.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 84—100.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 84—100.

Научная статья

УДК 314.74: 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6

**СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ И РОЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ
МИГРАНТОК ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

*Галина Ивановна Осадчая, Ольга Александровна Волкова,
Татьяна Николаевна Юдина, Мария Васильевна Рославцева*

Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия,
osadchaya111@gmail.com

Аннотация. На основе результатов эмпирического исследования дана характеристика оценок мигрантками из Центральной Азии внутрисемейных взаимоотношений, отношения к различным сторонам семейной жизни, их особенностей у тех, кто планирует остаться в московской агломерации / возвратиться в страну исхода, проведено сравнение семейных ценностей и ролевых установок мигранток из Центральной Азии и москвичек. Обосновано, что семейные ценности и ролевые установки мигранток обусловлены миграционными установками, уровнем образования, идентификацией с жителями региона, успешностью адаптации в московской агломерации. Женщины, не планирующие возвращение в страну исхода, демонстрируют более эгалитарные установки на гендерные семейные роли, близкие москвичкам репродуктивные установки.

Ключевые слова: семейные ценности, ролевые установки, миграция, мигрантки, Центральная Азия

Для цитирования: Осадчая Г. И., Волкова О. А., Юдина Т. Н., Рославцева М. В. Семейные ценности и ролевые установки мигранток из Центральной Азии // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 84—100.

Original article

FAMILY VALUES AND ROLES OF MIGRANT WOMEN FROM CENTRAL ASIA

*Galina I. Osadchaya, Olga A. Volkova,
Tatyana N. Yudina, Maria V. Roslavtseva*

Institute for Demographic Research — Branch, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
osadchaya111@gmail.com

Abstract. The arrival of migrant women from Central Asia to the Moscow region radically changes the social context of life, the lifestyle of migrant women and affects the transformation of stereotypes of gender roles in families. The purpose of the study is to determine the characteristics of attitudes towards family roles and practices among those who plan to stay in Moscow or the Moscow region, and among those who plan to return to their country of origin. In addition, the article compares family values and role attitudes with migrant men from Central Asia and women who live in Moscow or the Moscow region. The article also examines classic books on sociology and modern sociological publications and studies that analyze family values and role attitudes of migrant women. The analysis is based on the results of a questionnaire survey conducted in February — March 2023. The authors found that migration radically changes the lives of migrant families. The article proves that family values and role attitudes of migrant women are determined by the level of education and adaptation to life in Moscow or the Moscow region. Women who do not plan to return to their country of origin support equality in marriage and family relations. Migrant women are also much more tolerant of interethnic marriages. Migrant women are more likely to support the introduction of criminal liability for domestic violence.

Key words: family values, family roles, migration, migrant women, Central Asia

For citation: Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Yudina, T. N., Roslavtseva, M. V. (2024) *Semeinye tsennosti i rolevye ustanovki migrantok iz Tsentral'noi Azii* [Family values and roles of migrant women from Central Asia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 84—100.

Введение

Несмотря на то что некоторые мигранты из стран Центральной Азии, в условиях введения после февраля 2022 г. западными странами новых экономических и политических санкций в отношении России, начали искать другие каналы эмиграции, большинство из них по-прежнему ориентированы на Россию [Рахмонов, 2024: 82]. Устойчивость миграционных потоков из Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана в Москву¹, ориентация, согласно

¹ Демографический ежегодник России, 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. Гл. 7: Миграция. С. 2010—2012. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Demogr_ejegod_2023.pdf (дата обращения: 30.07.2024).

исследованию авторов², половины из них на получение российского гражданства, рост числа граждан этих стран, получивших за последние 7 лет гражданство России³, оказывают, с одной стороны, определенное влияние на изменение образа и стиля жизни мигранток, с другой — на жизнь российского общества, прежде всего демографическое благополучие.

Семейные ценности и традиции распределения власти между супругами имеют глубокие исторические, социальные и культурные корни, обеспечивают воспроизводство общества, его стабильность, благополучие людей, удовлетворяют потребность людей в общении, защите. Но они подвижны, постепенно модифицируются под воздействием множества факторов [Мжельская, 2013]. Приезд мигрантов из Центральной Азии в московский регион принципиально изменяет социальный контекст жизнедеятельности, экономические условия, профессиональный статус и образ жизни мигрантов, поэтому важно выявить влияние этих факторов на ценностные ориентации, иерархию ценностей, ценностные смыслы, трансформацию стереотипов гендерных ролей в семье.

Цель данного исследования — дать характеристику особенностей оценок мигрантками семейных ценностей и установок на распределение ролей между супругами, отношения к различным сторонам семейной жизни мигранток из Центральной Азии, планирующих остаться в московской агломерации / вернуться в страну исхода, сравнить семейные ценности и ролевые установки мигранток и москвичек. Интерес к оценочным суждениям мигранток объясняется особенностями восприятия повседневности мужчинами и женщинами, признанием факта гендерной асимметрии в обществе, различий моделей гендерного поведения, феминизацией миграции.

Обзор литературы

Изучение семейных ценностей и ролевых установок как комплексного феномена нашло отражение в работах классиков социологии и современных авторов. Речь идет о модернистской концепции Р. Инглхарта [Инглхарт, Вельцель, 2011; Inglehart, 2018], теории ценностных типов Ш. Шварца [Schwartz, 2004, 2007; Schwartz et al., 2012], многофакторной модели ценностных типов Г. Хофстеде [Hofstede, 1980, 1991], цивилизационной концепции системы «семья — пол — гендер» Й. Терборна [Терборн, 2015] и др. Исследованием семейных ценностей и ролевых установок занимаются российские ученые. К ним относятся А. И. Антонов с соавторами, развивавшие критическую концепцию семейных ценностей и семейных ролевых установок людей, которые сохраняются и меняются в зависимости от изменения человеческих потребностей [Антонов и др., 2020]; А. Г. Вишневецкий, разработавший ценностную концепцию

² Использованы результаты анкетного опроса, проведенного в феврале — марте 2023 г. Опрошено 970 человек (Казахстан — 201, Кыргызстан — 175, Россия — 204, Таджикистан — 199, Узбекистан — 191). Отбор респондентов осуществлялся по случайной выборке посредством метода целевого отбора по трем признакам: гражданство (граждане Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана), место проживания и работы (Москва и Московская область), возраст (18—45 лет).

³ Сколько людей и из каких стран получили гражданство России за последние 7 лет. URL: <https://dzen.ru/a/ZDZ5r7YLOCMnwEdF> (дата обращения: 30.07.2024).

детерминации рождаемости, в которой утверждается, что каждый член семьи все больше ориентируется на достижение индивидуальных целей [Вишневецкий, 2019]; Н. А. Зелевская, представившая социокультурную концепцию семейных ценностей, в которой культура обуславливает сохранность традиционных семейных ценностей и семейных ролевых установок, брачные, семейно-иерархические (властные), репродуктивные, социально-психологические, образовательно-воспитательные предпочтения [Зелевская, 2004].

Среди работ ученых следует отметить исследования семейных ценностей и ролевых установок мигрантов (см., напр.: [Барсукова, Часовская, 2016]). Тесную взаимосвязь миграционных и репродуктивных процессов обосновал А. Снайдер [Snyder, 2014]. Воздействие миграции на изменение семейных взаимоотношений, на трансформацию супружеских и родительских ролей мигрантов, находящихся на принимающей территории, рассмотрели И. Хайман, С. Гуруге и Р. Мейсон [Human et al., 2018]. С. В. Рязанцев и М. М. Каримов на примере таджикских трудовых мигрантов проанализировали особенности изменения репродуктивного здоровья людей, а также репродуктивных установок на желаемое количество детей и реальную рождаемость [Рязанцев, Каримов, 2013]. К. И. Казенин показал влияние миграции на рождаемость на материале Северного Кавказа [Казенин, 2018]. Гендерные особенности репродуктивного поведения на примере россиян, казахов и кыргызов выявила Е. П. Сигарева [Сигарева, 2020]. Анализ рождаемости среди трудовых мигрантов, которые приехали в Россию, а также факторов, воздействующих на рождение детей, представлены К. И. Казениным, В. А. Козловым, Е. С. Митрофановой, Е. А. Варшавером, А. Л. Рочевой [Казенин и др., 2019]. Сравнительное исследование ценностей семьи, отношения к разводам, сексу и рождению детей вне брака жителей России и мигрантов-мусульман проведено А. А. Эндрюшко [Эндрюшко, 2022], иерархий семейных ценностей местных жителей и мигрантов — Е. А. Назаровой [Назарова, 2012].

В. М. Пешкова рассматривает гендерный порядок в странах Средней Азии как «модернизированный патриархат» [Пешкова, 2022], который в настоящее время изменяется и диверсифицируется. Современные исследователи приходят к выводам, что на изменение традиционных семейных ценностей и установок влияет уровень религиозности мигрантов [Лопатина и др., 2016; Костенко, 2017], фиксируют значительные изменения в брачно-семейной сфере (как в установках, так и в реальном поведении) у трудовых мигрантов, рождение детей вне брака трудовыми мигрантками — мусульманками, которые живут и работают в московском мегаполисе [Колударова, 2017].

С. В. Колударова отмечает распространение фиктивных браков москвичек с мигрантами, нарушение моногамии, заключение мигрантами параллельных браков в России и внебрачное сожительство женатых мигрантов [там же].

Ряд исследований посвящены анализу семейных установок мужчин и женщин, проживающих в московском мегаполисе [Зотова и др., 2015; Медведева, Крошилин, 2018], внешних и внутренних факторов гендерных оснований поведения [Вялых, 2016], особенностям жизни молодых женщин, прибывших из Кыргызстана в московский мегаполис [Осадчая, Волкова, Юдина, Кочербаева, 2023; Осадчая, Юдина, Кочербаева, 2023].

Методология и методы исследования

Под семейными ценностями авторы понимают совокупность представлений, которые влияют на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия, духовно-нравственные ориентиры, определяющие целенаправленный процесс создания идеальной семьи [Олифинович, 2008: 257]. К ним относятся абсолютные ценности (любовь, уважение, целомудрие, вера); культурно-национальные кровные ценности семьи (дети, материнство, отцовство, семейный уклад, традиции, обычаи, обряды) [Акутина, 2009].

Под гендерно-ролевыми установками понимаются осознаваемые представления, которые используются для выбора модели поведения в системе межличностных отношений, основанные на доминирующей гендерной идеологии в обществе [Емешкина, Марарица, 2023].

В основе аналитики лежит анализ результатов анкетного опроса, проведенного в феврале — марте 2023 г. Опрошено 970 человек, в том числе 542 мужчины и 428 женщин (Казахстан — 201, в том числе 103 мужчины, 98 женщин, Кыргызстан — 175, в том числе 108 мужчин, 67 женщин, Россия — 204, в том числе 90 мужчин, 114 женщин, Таджикистан — 199, в том числе 134 мужчины, 65 женщин, Узбекистан — 191, в том числе 107 мужчин, 84 женщины). Доля женщин среди опрошенных отражает особенности миграционных потоков из стран Центральной Азии в московскую агломерацию. Отбор респондентов осуществлялся по неслучайной выборке с использованием метода целевого отбора по трем признакам: гражданство (граждане Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана), место проживания и работы (Москва и Московская область), возраст (18—45 лет).

Авторы предположили, что решение мигранток возвращаться/не возвращаться в страну исхода может сказаться на семейных ценностях и ролевых установках мигранток. Анализ показал, что к особенностям этих групп в рамках данного исследования относятся уровень образования, идентичность, социальное самочувствие. Респондентки-мигрантки, не планирующие возвращение в страну исхода, в 2,6 раза чаще имеют высшее образование, в 1,4 раза чаще занимаются квалифицированным трудом, в 4 раза чаще идентифицируют себя с жителями московского региона, среди них в 1,3 раза больше респонденток, удовлетворенных своей работой в России, а не удовлетворенных в 3 раза меньше по сравнению с мигрантками, планирующими вернуться в страну исхода.

Результаты исследования

Как показало данное исследование, миграция сказывается на социально-демографической и социально-профессиональной структуре семей мигранток. Учитывая, что точная миграционная статистика отсутствует, авторы будут опираться на информацию, полученную ими самостоятельно.

В московскую агломерацию женщины несколько реже, по сравнению с мужчинами, приезжают самостоятельно (женщины — 27,7 %, мужчины — 41,6 %), чаще — в составе семьи: с супругом, с супругом и родителями, с супругом и ребенком (детьми), с супругом, ребенком (детьми) и родителями (женщины — 61,1 %, мужчины — 52,5 %).

35,4 % мигранток, приехавших в московскую агломерацию, не замужем (москвички — 32,5 %, неженатые мигранты — 43,6 %, москвичи — 30,0 %). 38,2 % мигранток состоят в официальном браке (москвички — 43,0 %, мигранты — 37,2 %, москвичи — 44,4 %), 15,3 % мигранток, по их самооценке, проживают в гражданском браке (москвички — 10,5 %, мигранты — 9,7 %, москвичи — 13,3 %).

У респондентов преобладает двухдетная семья, хотя у мигрантов и мигранток все же доля семей с 3 детьми больше по сравнению с москвичами.

Отмечено, что мигрантки реже оставляют детей в стране исхода (мигрантки — 16,3 %, мигранты — 28,7 %). В Москву приехали без детей 55,1 % женщин и 56,7 % мужчин. Нет детей в стране исхода у 83,8 % женщин и 71,2 % мужчин (табл. 1).

Таблица 1

**Количество детей, о которых заботятся респонденты,
% от опрошенных по группам**

Количество детей	Москва		Страна исхода		Москвичи	
	Мигранты				Мужчины	Женщины
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины		
1	14,2	19,1	10,4	6,1	24,4	23,7
1	12,6	16,6	9,5	6,7	22,2	20,2
3	4,6	6,4	5,3	1,3	3,3	3,5
Больше 3	2,9	2,9	3,5	2,2	0,0	1,8
Нет детей	65,7	55,1	71,2	83,8	50,0	50,9

Имеет особенности и занятость мигрантов. Доля работающих мигранток на 20 п. п. меньше, чем мигрантов, а работающих и учащихся несколько больше. Не работают и не учатся 12,4 %, что в 6 раз больше, чем среди респондентов-мигрантов (табл. 2).

Таблица 2

**Занятость респондентов-мигрантов в московской агломерации,
% от опрошенных по группам**

Пункт анкеты	Мигрантки	Мигранты-мужчины
Работаете	56,4	77,4
Учитесь и работаете	21,0	15,3
Только учитесь	9,6	4,9
Не учитесь и не работаете	12,4	2,4

Для подавляющего большинства респондентов-мигрантов (мужчин и женщин) в возрасте 18—45 лет создание своей семьи является главной жизненной целью/достижением («Да, полностью согласен/согласна», «Скорее да, чем нет» — более 80 %). Для москвичей и москвичек — 61,1 и 68,0 % соответственно (табл. 3).

Таблица 3

**Мнение респондентов о согласии с утверждением,
что создание своей семьи является для них
главной жизненной целью/достижением,
% от опрошенных по группам**

Ответ	Мигрантки	Мигранты	Москвички	Москвичи
Да, полностью согласен/согласна	53,6	48,1	34,2	26,7
Скорее да, чем нет	31,3	34,6	34,2	34,4
<i>Итого</i>	84,9	82,7	68,3	61,1

Отмечено, что с возрастом значимость семьи возрастает. Утверждение «Да, полностью согласен/согласна» выбрали следующие возрастные группы мигрантов: 18—25 лет — 38,7 %, 26—35 лет — 54,9 %, 36—45 лет — 58,7 %; группы москвичей: 18—25 лет — 23,4 %, 26—35 лет — 35,3 %, 36—45 лет — 33,8 % (табл. 4).

Таблица 4

**Мнение респондентов о согласии с утверждением, что создание своей семьи
является для них главной жизненной целью/достижением,
в зависимости от возраста, % от опрошенных по группам**

Ответ	Мигранты			Москвичи		
	Возраст, лет					
	18—25	26—35	36—45	18—25	26—35	36—45
Да, полностью согласен/согласна	38,7	54,9	58,7	23,4	35,3	33,8
Скорее да, чем нет	41,1	30,7	26,9	32,8	33,8	36,6
Скорее нет, чем да	15,7	9,7	11,1	29,7	22,1	18,3
Полностью не согласен/не согласна	4,4	4,7	3,4	6,3	1,5	2,8

На суждения о создании семьи как главной жизненной цели влияют и возвратные миграционные установки. Доля респонденток-мигранток, не планирующих вернуться в страну, из которой приехали, положительно ответивших на вопрос о создании своей семьи как главной жизненной цели/достижения, равна 77,4 % и занимает промежуточное место между респондентками-мигрантками, которые планируют вернуться в страну исхода, и москвичками (89,2 и 68,2 % соответственно) (рис. 1).

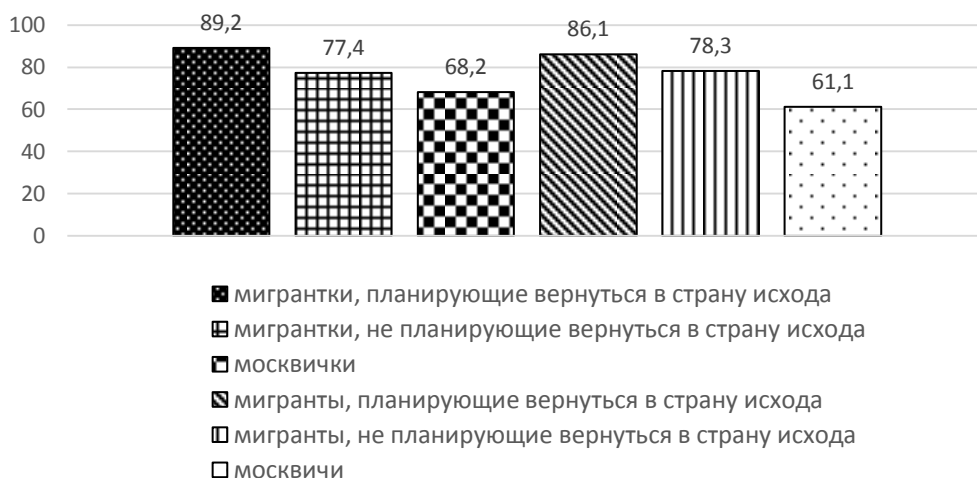

Рис. 1. Мнение респондентов о согласии с утверждением, что создание своей семьи является для них главной жизненной целью/достижением («Да, полностью согласен/согласна», «Скорее да, чем нет»), % от опрошенных по группам

Миграционные установки женщин, работающих и проживающих в Москве, отражаются на представлениях о количестве детей, которое они хотели бы иметь (рис. 2).

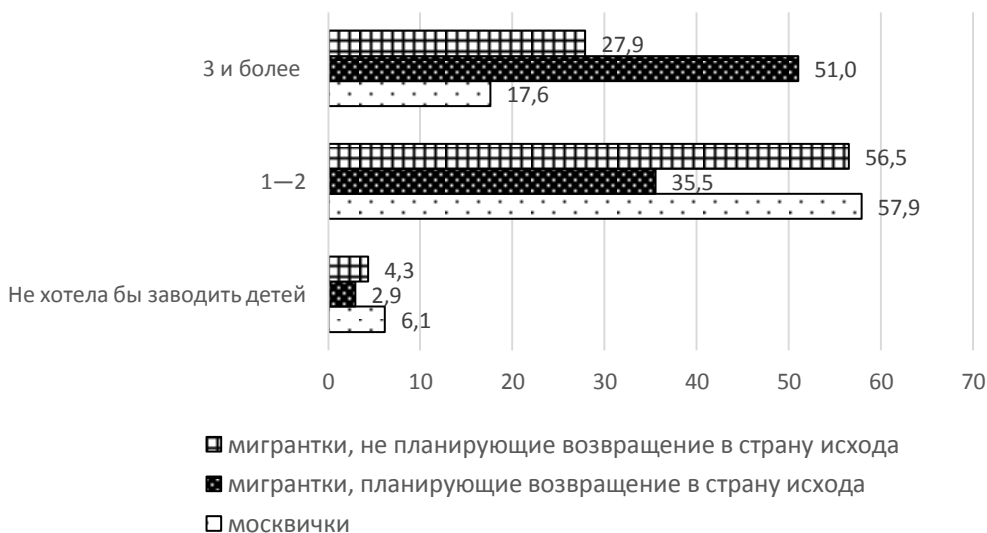

Рис. 2. Мнение респонденток о количестве детей, которое они хотели бы иметь, % от опрошенных по группам

Интерес представляют суждения мигранток о достойном образовании своих детей, отражающие их представления о профессиональной успешности.

Как показал анализ, 68 % женщин, планирующих отъезд в страну исхода, связывают образование дочерей и сыновей с высшим образованием; среди женщин, не планирующих отъезд, таких 85—87 %, что соответствует представлениям москвичек (табл. 5).

Таблица 5

Мнение респонденток об уровне образования, которое должны получить их дети, и стране получения образования, % от опрошенных по группам

Пункт анкеты	Мигрантки, планирующие отъезд	Мигрантки, не планирующие отъезд	Москвички
<i>Какое образование Вы хотели бы, чтобы получили Ваши сыновья?</i>			
Среднее	9,7	2,8	6,9
Среднее специальное	22,3	10,1	8,0
Высшее	68,0	87,2	85,1
<i>Какое образование Вы хотели бы, чтобы получили Ваши дочери?</i>			
Среднее	10,4	1,8	6,9
Среднее специальное	82,8	12,8	10,3
Высшее	68,9	85,3	82,8
<i>Если представить идеальную ситуацию, где Вы хотели бы, чтобы Ваши дети получили образование?</i>			
Своя страна	24,0	5,2	59,6
Россия	40,4	51,3	
Страны Европейского союза	19,2	33,0	21,1
США	8,7	6,1	8,8
Китай	2,9	2,6	4,4
Турция	3,8	0,9	0,9
Другое	1,0	0,9	5,3

Мигрантки, не планирующие возвращение в страну исхода, чаще хотели, чтобы их дети получили образование в России (планирующие возвращение — 40,4 %, не планирующие — 51,3 %, москвички — 59,6 %). На втором месте в рейтинге стран, в которых мигрантки хотели бы, чтобы их дети получили образование, — страны Европейского союза (планирующие возвращение — 19,2 %, не планирующие — 33,0 %, москвички — 21,1 %).

Приезд мигрантов из Центральной Азии в московскую агломерацию требует уточнения способов ролевого взаимодействия и формирования отношения членов семьи к разным сторонам ролевого поведения в семье. При сравнении оценок наиболее приемлемой формы взаимоотношений внутри семьи мигранток и мигрантов обнаружилось, что разница между ними все-таки существенна. Мужчины чаще придерживаются традиционных отношений. Женщины, не планирующие отъезд в страну исхода, чаще считают, что эти отношения должны быть эгалитарными, но реже по сравнению с москвичками (рис. 3).

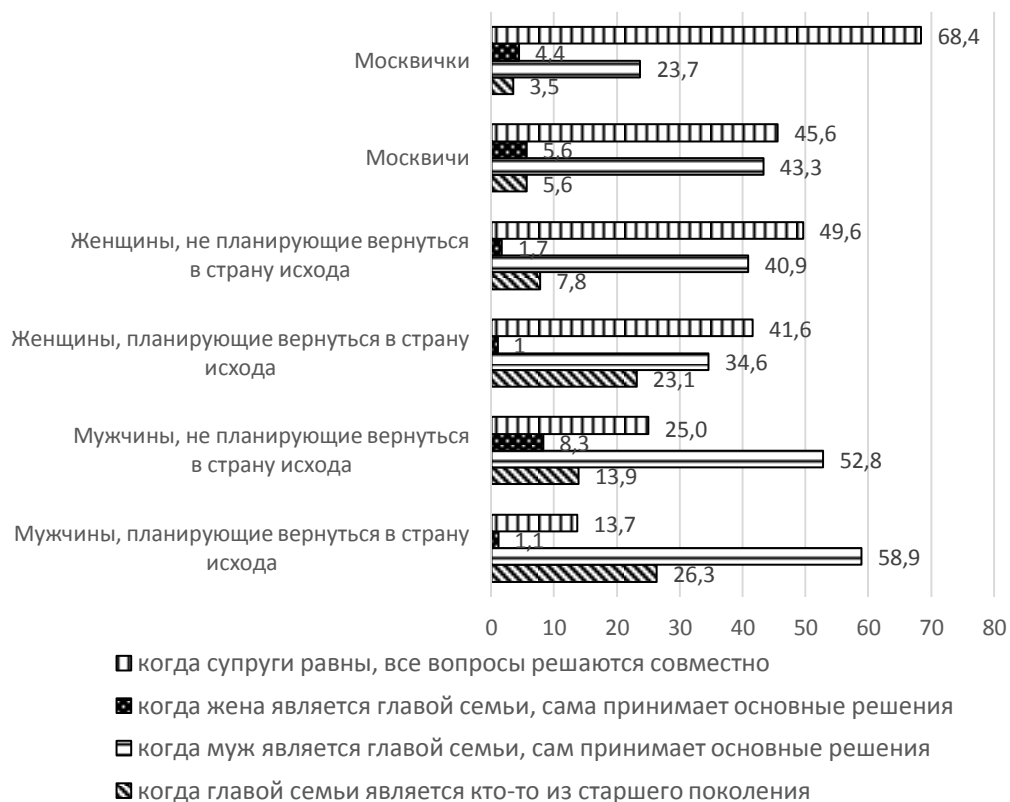

Рис. 3. Мнение респондентов о наиболее приемлемой форме взаимоотношений внутри семьи, % от опрошенных по группам

Условием благополучной семьи является следование абсолютным ценностям, находящимся в сложных взаимосвязях. Как видно из таблицы 6, эти ценности созвучны в суждениях всех респондентов.

Таблица 6

Оценка респондентами абсолютных ценностей как условия благополучной семьи, ранг ценности

Пункт анкеты	Мигранты		Москвичи	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Взаимная любовь	1—2	1—2	1	1—3
Взаимное уважение	1—2	1—2	2—4	1—3
Взаимная поддержка супругов	3—4	3—4	2—4	1—3
Сохранение верности партнеру	3—4	3—4	5	5—6
Взаимное удовлетворение супругов сексуальной жизнью	7—8	7—9	2—4	7

При этом мигрантки чаще, нежели мигранты, поддерживают введение уголовного наказания за внутрисемейное насилие, что может свидетельствовать о том, что эта сфера внутрисемейных отношений более чувствительна именно для них (табл. 7).

Таблица 7

**Мнение респондентов о введении уголовного наказания
за внутрисемейное (домашнее) насилие,
% от опрошенных по группам**

Ответ	Мигрантки	Москвички	Мигранты	Москвичи
Да, безусловно поддержал(а) бы	71,7	87,7	54,0	64,4
Да, поддержал(а) бы, но при определенных условиях	13,7	7,9	27,9	25,6
Нет, не поддержал(а) бы	5,7	3,5	8,8	3,3
Затрудняюсь ответить	8,9	0,9	9,3	6,7

Более половины мигранток и мигрантов, не планирующих возвращение в страну исхода, рассматривают для себя возможность вступления в межнациональный брак (табл. 8).

Таблица 8

**Мнение респондентов о возможности вступления в межнациональный брак,
% от опрошенных по группам**

Респонденты	Ответ		
	Да	Скорее да	Итого
Мигрантки, планирующие вернуться в страну исхода	17,3	21,2	38,5
Мигрантки, не планирующие вернуться в страну исхода	31,3	25,2	56,5
Москвички	26,3	18,4	44,7
Мигранты, планирующие вернуться в страну исхода	22,1	24,2	46,3
Мигранты, не планирующие вернуться в страну исхода	29,2	22,9	52,1
Москвичи	22,2	15,6	37,8

Результаты исследования подтверждают стремление мигранток и мигрантов к интеграции в российский социум, а также приемлемость различных культурных кодов и их использования в воспитании будущих детей.

Выводы

Таким образом, можно говорить о подавляющем для мигранток из Центральной Азии (8 из 10 опрошенных) значении создания своей семьи как главной жизненной цели/достижения, о тесной взаимосвязи миграционных установок и семейных взаимоотношений.

Женщины, не планирующие возвращение в страну исхода, обладают более высоким уровнем образования, чаще идентифицируют себя с жителями московского региона, успешнее адаптированы в московской агломерации. Они демонстрируют одинаковые с москвичками репродуктивные установки на малодетную семью; их установки на рождение 3 и более детей находятся в интервале между репродуктивными установками женщин, планирующих возвращение в страну исхода, и москвичек; чаще связывают образование дочерей и сыновей с высшим образованием в России; имеют более эгалитарные установки на гендерные семейные роли по сравнению с женщинами, планирующими вернуться в страну исхода, мигрантками-мужчинами, но менее эгалитарные — по сравнению с москвичками.

Возможность вступления в межнациональный брак для более половины мигранток, не планирующих возвращение в страну исхода, свидетельствует об их стремлении к интеграции в российский социум, приемлемости различных культурных кодов, их использовании в воспитании будущих детей. Мигрантки чаще, нежели мужчины, поддерживают введение уголовного наказания за внутрисемейное насилие. Это может означать, что данная сфера внутрисемейных отношений более чувствительна именно для них.

Научная новизна исследования заключается в получении эмпирической информации, позволяющей выявить гендерные представления о ценностях семьи, об установках на распределение ролей между супругами, отношении к различным сторонам семейной жизни, факторы, влияющие на гендерные особенности мигранток из Центральной Азии. Результаты исследования могут быть использованы органами власти при подготовке и реализации комплекса мер, направленных на демографическое благополучие столицы.

Список источников

- Акутина С. П. Семейный уклад в воспитании духовно-нравственных ценностей школьников // Ярославский педагогический вестник. 2009. № 2. С. 51—54.
- Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В., Лебедь О. Л. Перспективы реализации репродуктивных установок российских семей в 2021—2025 гг.: (по данным социолого-демографических исследований) // Социология медицины. 2020. Т. 19, № 1. С. 11—17.
- Барсукова Т. И., Часовская Л. А. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 9—13.
- Вишневецкий А. Г. Демографическая история и демографическая теория. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 368 с.
- Вялых Н. А. Гендерное поведение в российском обществе как предмет научных исследований // Южный федеральный университет. 2016. № 11. С. 55—64.

- Емешкина Д. С., Марарица Л. В.* Гендерно-ролевые установки как фактор субъективной карьерной успешности женщин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13, вып. 1. С. 71—94.
- Зелевская Н. А.* Ценностный подход к проблеме семейного воспитания // Образование. 2004. № 6. С. 16—25.
- Зотова Р. А., Кондратюк О. Е., Цветкова Н. А.* Изучение уровня согласованности установок и ролевой адекватности супругов в современных семьях, проживающих в условиях мегаполиса // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 9. С. 197—204.
- Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое изд-во, 2011. 462 с.
- Казенин К. И.* Влияние миграции на рождаемость: сопоставление имеющихся гипотез на материале Северного Кавказа // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 1. С. 48—59.
- Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С., Варшавер Е. А., Рочева А. Л.* Рождаемость среди иностранных трудовых мигрантов в России и влияющие на нее факторы: (анализ данных опроса) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 100—111.
- Колударова С. В.* Браки с мигрантами в российском обществе // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16, № 3. С. 105—111.
- Костенко В. В.* Гендерные установки мигрантов-мусульман в Западной Европе: многоуровневый неиерархический анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 97—120.
- Лопатина С. Л., Костенко В. В., Понарин Э. Д.* Дело не в исламе: отношение к абортam, разводам и добрачному сексу в девяти постсоветских государствах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 3. С. 95—115.
- Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмоскoвья // Проблемы развития территории. 2018. № 2. С. 120—140.
- Мжелская Е. В.* Современные подходы к сущности понятия «семейные ценности» // Самарский научный вестник. 2013. № 4. С. 112—116.
- Назарова Е. А.* Ценностные ориентации и самочувствие мигрантов и их семей // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. Т. 3, № 1. С. 246—250.
- Олифирoвич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф.* Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2008. 357 с.
- Осадчая Г. И., Волкова О. А., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А.* Молодые женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе // Женщина в российском обществе. 2023. № 1. С. 43—62.
- Осадчая Г. И., Юдина Т. Н., Кочербаева А. А.* Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации // Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 78—91.
- Пешкова В. М.* Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России: отчет о НИР № 22-18-00377 // Российский научный фонд. 2022. URL: <https://www.rscf.ru/project/22-18-00377> (дата обращения: 30.07.2024).
- Рахмонов А. Х.* Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. 2024. Т. 12, № 2. С. 82—90.
- Рязанцев С. В., Каримов М. М.* Влияние трудовой миграции на рождаемость и репродуктивное здоровье: (на примере таджикских трудовых мигрантов в России) // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 40—51.

- Сигарева Е. П. Гендерные особенности репродуктивного поведения молодого поколения в России, Казахстане и Киргизии // Международный демографический форум: материалы заседания / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж: Цифр. полиграфия, 2020. С. 463—467.
- Терборн Й. Мир: руководство для начинающих. М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 336 с.
- Эндрюшко А. А. Трансформация ценностей иммигрантов в контексте их культурной интеграции: отношение к разводам и добрачным сексуальным отношениям // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 3. С. 58—74.
- Hofstede G. *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*. Beverly Hills; London: Sage, 1980. 474 p.
- Hofstede G. *Allemaal andersdenkenden: omgaan met cultuurverschillen*. Amsterdam: Contact; Londen: McGraw-Hill, 1991. 432 p.
- Hyman I., Guruge S., Mason R. The impact of migration on marital relationships: a study of Ethiopian immigrants in Toronto // *Journal of Comparative Family Studies*. 2018. Vol. 39, № 2. P. 149—163.
- Inglehart R. F. *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*. New York: Cambridge University Press, 2018. 293 p.
- Schwartz S. H. Mapping and interpreting cultural differences around the world // *Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective* / ed. by H. Vinken et al. Leiden: Brill, 2004. P. 43—73.
- Schwartz S. H. Value orientations: measurement, antecedents and consequences across nations // *Measuring Attitudes Cross-Nationally* / ed. by R. Jowell et al. Sage, 2007. Chap. 9. P. 169—203.
- Schwartz S. H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Dirilen-Gumus O. Refining the theory of basic individual values // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2012. Vol. 103. P. 663—688.
- Snyder A. Migration and marriage: modeling the joint process // *Demographic Research*. 2014. Vol. 30. P. 1339—1366.

References

- Akutina, S. P. (2009) Semeinyi uklad v vospitanii dukhovno-nravstvennykh tsennostey shkol'nikov [Family structure in the education of spiritual and moral values of schoolchildren], *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 2, pp. 51—54.
- Antonov, A. I., Karpova, V. M., Lyalikova, S. V., Lebed, O. L. (2020) Perspektivy realizatsii reproductivnykh ustanovok rossiiskikh semei v 2021—2025 gg.: (po dannym sotsiologo-demograficheskikh issledovaniy) [Prospects for the implementation of reproductive goals of Russian families in 2021—2025: (according to sociological and demographic studies)], *Sotsiologiya meditsiny*, vol. 19, no. 1, pp. 11—17.
- Barsukova, T. I., Chasovskaya, L. A. (2016) Transformatsiia semeino-brachnogo povedeniia trudovykh migrantov [Transformation of behavior in families of migrant workers], *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, no. 7, pp. 9—13.
- Emeshkina, D. S., Mararitsa, L. V. (2023) Genderno-rolevye ustanovki kak faktor subektivnoy kar'ernoй uspešnosti zhenshchin [Gender role attitudes as a factor in women's subjective career success], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, vol. 13, no. 1, pp. 71—94.
- Endryushko, A. A. (2022) Transformatsiia tsennostey immigrantov v kontekste ikh kul'turnoy integratsii: otnoshenie k razvodam i dobrachnym seksual'nym otnosheniyam [The transformation of immigrant values in the context of their cultural integration:

- attitudes towards divorce and premarital sexual relations], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 9, no. 3, pp. 58—74.
- Hofstede, G. (1980) *Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values*, Beverly Hills, London: Sage.
- Hofstede, G. (1991) *Allemaal andersdenkenden: omgaan met cultuurverschillen*, Amsterdam: Contact, London: McGraw-Hill.
- Hyman, I., Guruge, S., Mason, R. (2018) The Impact of Migration on Marital Relationships: A Study of Ethiopian Immigrants in Toronto, *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 39, no. 2, pp. 149—163.
- Inglehart, R. F. (2018) *Cultural Evolution. People's Motivations Are Changing, and Reshaping the World*, New York: Cambridge University Press.
- Inglehart, R., Welzel, C. (2011) *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia: posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiia* [Modernization, cultural change and democracy: The human development sequence], Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Kazenin, K. I. (2018) Vliianie migratsii na rozhdaemost': sopostavlenie imeiushchikhsia gipotez na materiale Severnogo Kavkaza [The impact of migration on fertility: a comparison of existing hypotheses based on the material of the North Caucasus], *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 1, pp. 48—59.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A., Mitrofanova, E. S., Varshaver, E. A., Rocheva, A. L. (2019) Rozhdaemost' sredi inostrannykh trudovykh migrantov v Rossii i vliiaushchie na nee faktory: (Analiz dannykh oprosa) [The birth rate among foreign migrants in Russia and the factors affecting it: (Analysis of survey data)], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, no. 1, pp. 100—111.
- Koludarova, S. V. (2017) Braki s migrantami v rossiiskom obshchestve [Marriages with migrants in Russian society], *Sotsial'naiia politika i sotsiologiia*, vol. 16, no. 3, pp. 105—111.
- Kostenko, V. V. (2017) Gendernye ustanovki migrantov-musul'man v Zapadnoi Evrope: mnogourovnevnyi neierarkhicheskii analiz [Gender attitudes of Muslim migrants in Western Europe: a multilevel non-hierarchical analysis], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 97—120.
- Lopatina, S. L., Kostenko, V. V., Ponarin, E. D. (2016) Delo ne v islame: otnoshenie k abortam, razvodam i dobrachnomu seksu v devyati postsovetских gosudarstvakh [It is not about Islam: attitudes towards abortion, divorce and premarital sex in nine Post-Soviet states], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 19, no. 3, pp. 95—115.
- Medvedeva, E. I., Kroshilin, S. V. (2018) Spetsifika brachno-semeinykh otnosheniĭ molodezhi Podmoskov'ia [Specifics of marriage and family relations among young people in the Moscow region], *Problemy razvitiia territorii*, no. 2, pp. 120—140.
- Mzhelskaya, E. V. (2013) Sovremennye podkhody k sushchnosti poniatiiia "semeinye tsennosti" [Modern approaches to the essence of the concept of "family values"], *Samarskii nauchnyi vestnik*, no. 4, pp. 112—116.
- Nazarova, E. A. (2012) Tsennostnye orientatsii i samochuvstvie migrantov i ikh semeĭ [Value orientations and well-being of migrants and their families], *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, vol. 3, no. 1, pp. 246—250.
- Olifirovich, N. I., Zinkevich-Kuzemkina, T. A., Velenta, T. F. (2008) *Psikhologiia semeinykh krizisov* [Psychology of family crises], St. Petersburg: Rech.
- Osadchaya, G. I., Volkova, O. A., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. (2023) Molodye zhenshchiny iz Kyrgyzstana v moskovskom megapolise [Young women from Kyrgyzstan in the Moscow metropolis], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 43—62.

- Osadchaya, G. I., Yudina, T. N., Kocherbaeva, A. A. (2023) Reproductivnoe povedenie migrantov iz stran Tsentral'noi Azii v Moskovskoi aglomeratsii [Reproductive behavior of migrants from Central Asian countries in the Moscow agglomeration], *Demograficheskie issledovaniia*, vol. 3, no. 4, pp. 78—91.
- Peshkova, V. M. (2022) Sem'ia v dvizhenii: teoreticheskie i ėmpiricheskie problemy v kontekste trudovoi migratsii v Rossii: Otchët o NIR № 22-18-00377 [Family on the move: theoretical and empirical problems in the context of labor migration in Russia: Research report no. 22-18-00377], *Rossiiskii nauchnyi fond*, available from <https://www.rscf.ru/project/22-18-00377> (accessed 30.07.2024).
- Rakhmonov, A. Kh. (2024) Rol' trudovykh migrantov iz Tsentral'noi Azii v sotsial'no-ėkonomicheskom razvitii Rossii v usloviiakh novykh global'nykh vyzovov [The role of migrant workers from Central Asia in the socio-economic development of Russia in the context of new global challenges], *Upravlenie*, vol. 12, no. 2, pp. 82—90.
- Ryazantsev, S. V., Karimov, M. M. (2013) Vliianie trudovoi migratsii na rozhdaiemost' i reproductivnoe zdorov'e: (Na primere tadjhiskikh trudovykh migrantov v Rossii) [The impact of labor migration on fertility and reproductive health: (On the example of Tajik migrant workers in Russia)], *Vestnik Tadjhiskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki*, seriii gumanitarnykh nauk, no. 2, pp. 40—51.
- Schwartz, S. H. (2004) Mapping and interpreting cultural differences around the world, in: Vinken, H., et al. (eds), *Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*, Leiden: Brill, pp. 43—73.
- Schwartz, S. H. (2007) Value orientations: measurement, antecedents and consequences across nations, in: Jowell, R., et al. (eds), *Measuring Attitudes Cross-Nationally*, chap. 9, Sage, pp. 169—203.
- Schwartz, S. H., Cieciuch, J., Vecchione, M., Davidov, E., Fischer, R., Beierlein, C., Dirilen-Gumus, O. (2012) Refining the theory of basic individual values, *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 103, pp. 663—688.
- Sigareva, E. P. (2020) Gendernye osobennosti reproductivnogo povedeniia molodogo pokoleniia v Rossii, Kazakhstane i Kirgizii [Gender characteristics of reproductive behavior of the younger generation in Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan], in: Yakovenko, N. V. (ed.), *Mezhdunarodnyi demograficheskii forum: Materialy zasedaniia*, Voronezh: Tsifrovaia poligrafia, pp. 463—467.
- Snyder, A. (2014) Migration and marriage: modeling the joint process, *Demographic Research*, vol. 30, pp. 1339—1366.
- Therborn, G. (2015) *Mir: rukovodstvo dlia nachinaiushchikh* [The world: a beginner's guide], Moscow: Izdatel'skii dom Vyssheġ shkoly ėkonomiki.
- Vishnevsky, A. G. (2019) *Demograficheskaiia istoriia i demograficheskaiia teoriia* [Demographic history and demographic theory], Moscow: Izdatel'skii dom Vyssheġ shkoly ėkonomiki.
- Vyalykh, N. A. (2016) Gendernoe povedenie v rossiiskom obshchestve kak predmet nauchnykh issledovaniġ [Gender behavior in Russian society as a subject of various academic studies], *Iuzhnyi federal'nyi universitet*, no. 11, pp. 55—64.
- Zelevskaya, N. A. (2004) Tsennostnyi podkhod k probleme semeinogo vospitaniia [A value approach to the problem of family education], *Obrazovanie*, no. 6, pp. 16—25.
- Zotova, R. A., Kondratyuk, O. E., Tsvetkova, N. A. (2015) Izuchenie urovnia soglasovannosti ustanovok i rolevoi adekvatnosti suprugov v sovremennykh sem'iakh, prozhivaiushchikh v usloviiakh megapolisa [Studying the level of consistency of attitudes and role adequacy of spouses in modern families living in a metropolis], *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia*, no. 9, pp. 197—204.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 09.09.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 09.09.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Осадчая Галина Ивановна — доктор социологических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, osadchaya111@gmail.com (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of the Department for Research of Social and Demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, volkovaoa@rambler.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chief Researcher at the Department for Research of Social and Demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Юдина Татьяна Николаевна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, ioudinatn@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chief Researcher at the Department for Research of Social and Demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Рославцева Мария Васильевна — младший научный сотрудник отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, maria.roslavtseva@yandex.ru (Junior Researcher at the Department for Research of Social and Demographic Processes in the EAEU, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 101–118.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 101–118.

Научная статья

УДК 316.356.2-056.24

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.7

**«ПОНЯЛИ, ПРИНЯЛИ И ДАЛЬШЕ С ЭТИМ ЖИВЕМ»:
ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ СЕМЕЙ,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ**

Валентина Алексеевна Самойлова, Юлия Анатольевна Томилина

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru

Аннотация. Целью статьи является оценка жизнестойкости семей, воспитывающих детей с инвалидностью, и определение актуальных задач развития помогающей практики, направленной на ее повышение. Семьи с детьми, имеющими особые потребности, относятся к числу наиболее уязвимых общественных групп в связи с переживанием широкого спектра проблем, повышающих риск их распада, что актуализирует изучение жизнестойкости и развитие программ ее повышения, обеспечивающих лучшее понимание жизненных ситуаций и более полное удовлетворение потребностей этих семей. Жизнестойкость семей анализировалась на материалах 43 глубинных интервью с родителями детей, имеющих инвалидность. Мнение о перспективах развития мер поддержки, направленных на повышение жизнестойкости, изучалось в ходе анализа 6 экспертных интервью. На основе рассмотрения структуры жизнестойкости установлено, что только 3 из 29 компонентов характеризуются сильной степенью выраженности у большинства семей. В результате анализа индивидуальных структур выделены две группы семей по уровню жизнестойкости, отмечено преобладание семей со средним уровнем. Установлено, что наиболее значимыми факторами повышения жизнестойкости являются: позитивное восприятие, вовлеченность обоих родителей в воспитание, гибкость и активное использование ресурсов поддержки. В большинстве семей прослеживается связь между устойчивостью к стрессу после постановки диагноза ребенку и уровнем жизнестойкости на более поздних этапах реабилитации. Сделан вывод о необходимости развития программ повышения жизнестойкости и их реализации в работе с семьями, воспитывающими детей с особыми потребностями, на всех этапах реабилитационного процесса. Семьи с детьми, имеющими инвалидность, нуждаются в поддержке, направленной на гармонизацию внутрисемейных отношений, повышение вовлеченности родителей и формирование у них приверженности командной работе

при решении проблем, в числе прочего обусловленных заболеванием ребенка. Семейно-центрированный подход выступает необходимым условием работы по повышению жизнестойкости семьи.

Ключевые слова: семьи, воспитывающие детей с инвалидностью, жизнестойкость семьи, устойчивость к стрессу, семейно-центрированный подход, социальная поддержка

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00770 «Потенциал вовлеченного отцовства в молодых российских семьях: механизмы формирования, практики реализации, факторы активизации», <https://rscf.ru/project/23-18-00770/>.

Для цитирования: Самойлова В. А., Томилина Ю. А. «Поняли, приняли и дальше с этим живем»: жизнестойкость семей, воспитывающих детей с инвалидностью // *Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 101—118.*

Original article

“WE REALIZED, ACCEPTED AND CONTINUE TO LIVE WITH IT”: THE RESILIENCE OF FAMILIES RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

Valentina A. Samoylova, Yulia A. Tomilina

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, v.samojlova@spbu.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the resilience of families raising children with disabilities and to identify current challenges for the development of helping practices to improve it. Families with children with special needs are among the most vulnerable social groups. They experience a wide range of problems that can lead to family breakdown. Therefore, studying the resilience of such families and understanding their life situations are of great interest for further research and studies. The authors analyzed the resilience of families using materials from 43 in-depth interviews with parents of children with disabilities. During the analysis of 6 expert interviews, the authors also examined opinions on the prospects for the development of support measures aimed at building family resilience. As a result of the analysis, two groups of families were identified according to their level of resilience. The article found that the most significant factors in building family resilience are the involvement of both parents in raising children with special needs, positive perceptions and the use of various types of support. In most families, there is a connection between resistance to stress after a child's diagnosis and the level of resilience of families in the later stages of their child's rehabilitation. The article concludes that it is necessary to develop programs to build family resilience. Families with children with disabilities need support. The authors note that parents need to take an active role in helping their child with special needs. A family-centered approach is a necessary criterion for building family resilience.

Key words: families raising children with disabilities, family resilience, stress resistance, family-centered approach, social support

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 23-18-00770 “The potential of involved fatherhood in young Russian families: formation mechanisms, implementation practices, and factors of promotion”, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00770/>.

For citation: Samoylova, V. A., Tomilina, Yu. A. (2024) “Poniali, priniali i dal’she s etim zhivem”: zhiznestoikost’ semei, vospityvaiushchikh detei s invalidnost’iu [“We realized, accepted and continue to live with it”: the resilience of families raising children with disabilities], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 101—118.

Введение

В условиях крайней неустойчивости современной жизни многие семьи подвергаются воздействию различных неблагоприятных обстоятельств, и наиболее сложная ситуация характерна для семей, которые воспитывают детей с особыми потребностями. Высокий уровень детской инвалидности остается одной из остроактуальных проблем: в декабре 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось более 755 тыс. детей с инвалидностью¹, ежегодно признаются инвалидами в среднем более 74,5 тыс. детей². Несмотря на постоянное развитие и совершенствование системы социальной поддержки, в настоящее время меры помощи ориентированы преимущественно на детей, в то время как большинство проблем и потребностей членов их семей остаются без должного внимания специалистов. Под влиянием многочисленных трудностей устойчивость семей, воспитывающих детей с инвалидностью, подвергается испытаниям, возрастают риски их распада [Гребенникова и др., 2015; Безрукова, Самойлова, 2023]. Между тем именно семья является основным ресурсом ребенка в процессе реабилитации, и в данных обстоятельствах важной задачей представляется развитие жизнестойкости, позволяющей родителям успешно адаптироваться к жизненным условиям, изменившимся под влиянием заболевания ребенка, и продолжать свою совместную семейную историю.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что жизнестойкость семей с детьми, имеющими инвалидность, формируется под влиянием комплекса факторов, включающего личностные черты родителей, особенности семейного функционирования, доступ к ресурсам формальной и неформальной поддержки и др. [McConnell et al., 2014; Dürr, Greeff, 2020]. В основе жизнестойкости семьи лежит способность ее членов оказывать противодействие острому стрессу, возникающему после постановки диагноза ребенку и в ряде случаев сопровождающему процесс его воспитания. При этом для многих родителей характерны низкие показатели сопротивляемости стрессу [Елисеева, 2020], что может привести к дисгармонии во внутрисемейных отношениях [VanVoorhis et al., 2023] и, как следствие, к риску неполноценного удовлетворения потребностей особого ребенка. В отечественной литературе отражены результаты исследований жизнестойкости, проведенных с участием матерей детей-инвалидов [Одинцова и др., 2023]. Вместе с тем представляется важным изучение жизнестойкости семьи как целого, что может способствовать выявлению слабых зон в структуре жизнестойкости и определению путей развития помогающей практики, направленной на ее повышение.

¹ Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, по субъектам Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 28.04.2024).

² Распределение впервые признанных инвалидами детей в возрасте до 18 лет по формам болезней // Там же.

Теоретические и методологические основания исследования

В первых исследованиях жизнестойкости было определено, что стрессогенные факторы оказывают дифференцированное воздействие: на одних людей они влияют разрушительно, в то время как других, напротив, стимулируют к развитию и раскрытию потенциала [Maddi, Khoshaba, 1994]. В ранних исследованиях ведущая роль отводилась личностным чертам и защитным факторам, предопределяющим способность человека противостоять разрушительному воздействию стрессоров [Werner, 1995], к концу XX в. жизнестойкость стала рассматриваться как динамичный процесс, в условиях переживания негативного опыта обеспечивающий адаптацию человека к изменившейся жизненной ситуации [Munson, Kogdowicz, 2024]. В результате переосмысления жизнестойкости данный феномен начал изучаться как результат нормального функционирования адаптационных систем человека [Masten, 2001]. В многочисленных исследованиях подчеркнута возможность развития жизнестойкости в результате планомерного воздействия на компоненты, составляющие ее структуру [Леонтьев, Рассказова, 2006; Miles, 2015; Hunter et al., 2018; Abi-Hashem, 2020]. Это открывает положительные перспективы для применения подхода, основанного на жизнестойкости, в практике поддержки семей с детьми, имеющими инвалидность.

В настоящее время понятие «жизнестойкость» все чаще используется для описания опыта преодоления стресса не только отдельными людьми, но и общностями, в частности семьями, сталкивающимися с трудными жизненными ситуациями. Согласно структурно-динамической концепции стресса, дополнившей модель «АВСХ» Р. Хилла, болезнь ребенка (А) приводит к семейному стрессу, или кризису (Х), но не напрямую, а через взаимодействие с факторами-медиаторами, которые могут либо усугублять, либо смягчать семейный стресс. К этим факторам относятся семейные ресурсы (В), позволяющие противостоять стрессу, и восприятие ситуации (С) [McCubbin, Patterson, 1983]. Очевидно, что в состав медиаторов, которые дают возможность успешно справляться со стрессом, входит жизнестойкость семьи.

Под жизнестойкостью семьи будем понимать ее способность сохранять целостность и функциональность в условиях воздействия стрессогенных факторов, формировать умения и навыки, позволяющие преодолевать трудности, успешно адаптироваться к меняющимся жизненным условиям, и, опираясь на позитивное восприятие ситуации, внутрисемейную и внешнюю поддержку, развиваться, становиться сильнее, строить и реализовывать жизненные планы.

Результаты исследований свидетельствуют о том, что большое значение в процессе поддержания устойчивости семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью, имеют взаимоотношения между отцом и матерью, их готовность совместно принимать решения, избегать возникновения конфликтов, обмениваться эмоциональными переживаниями, чем обосновывается важность работы, направленной как на повышение индивидуальной жизнестойкости родителей, так и на формирование у них готовности к совместному преодолению трудностей, сопровождающих процесс воспитания особого ребенка [Безрукова, Самойлова, 2022]. Работа по повышению жизнестойкости семьи должна основываться на всесторонней оценке семейной ситуации, и в качестве базовой теоретической рамки мы будем использовать представление о структуре жизнестойкости,

разработанной Ф. Уолш. Эта структура включает три области семейного функционирования, в рамках которых осуществляются ключевые процессы, влияющие на жизнестойкость: систему убеждений, организационные процессы и процессы общения / решения проблем [Walsh, 2016].

Процесс адаптации семьи к новым условиям жизни может оказаться долгим и болезненным [Пигарева, 2018], многие семьи после постановки ребенку диагноза испытывают стресс, подкрепляемый сомнениями в своей способности обеспечить ему полноценный уход [Gupta, 2007; Greeff, Nolting, 2013; Курникова, 2018]. Данное обстоятельство может оказывать негативное влияние на вовлеченность родителей в заботу о ребенке, что, в частности, выражается в феномене отсутствующего отцовства в семьях детей, имеющих инвалидность [Безрукова, Самойлова, 2023]. Высокий риск распада семей актуализирует формирование новых подходов к социальной поддержке, предполагающих учет более широкого спектра проблем таких семей, содействие вовлеченности обоих родителей в процесс воспитания, что на практике тормозится барьерами — правовыми, организационными, психологическими, не позволяющими отцам участвовать в нем наравне с матерями [Самойлова и др., 2021].

В качестве одного из ориентиров совершенствования системы социальной поддержки выделяется развитие семейно ориентированного подхода к работе с семьями, имеющими детей с особенностями здоровья [Авчинникова, Максунев, 2021]. В контексте проблемы жизнестойкости семьи этот подход имеет принципиальное значение. Семейно ориентированные практики уже получили свое признание в программах медицинской реабилитации и охраны здоровья детей [Bamm, Rosenbaum, 2008]. Их ключевые особенности состоят в следующем: семьи считаются экспертами в понимании того, что действительно улучшает их положение, а что причиняет вред; семьи являются значимыми участниками процессов разработки, внедрения и оценки программ поддержки; коммуникация между специалистами и семьями выстраивается на основе принципа равенства; практики реализуются с опорой на сильные стороны семей, которые позволяют развивать систему взаимопомощи на уровне сообществ; опора на принципы демократизации и гендерного равенства способствует учету индивидуального опыта, сильных сторон и устремлений всех членов семьи, принимающих участие в заботе [Briar-Lawson et al., 2001]. Результатом реализации семейно ориентированного подхода является более глубокое понимание членами семьи состояния ребенка, преодоление тревожности и страха, повышение уверенности в собственных силах [Томилина, Шипулина, 2024].

Цель статьи — оценка жизнестойкости семей, воспитывающих детей с инвалидностью, и определение актуальных задач развития помогающей практики для ее повышения. Были поставлены следующие исследовательские вопросы. Какие аспекты жизнестойкости семей выражены сильнее, а какие, напротив, являются дефицитными? Какие ключевые характеристики присущи семьям с высоким уровнем жизнестойкости по сравнению с характеристиками менее жизнестойких семей? Связаны ли реакции на острый стресс при получении диагноза ребенка и жизнестойкость семьи на последующих этапах лечения и реабилитации? Каковы перспективы развития семейно ориентированного подхода к повышению жизнестойкости семьи?

Эмпирической основой статьи стали материалы глубинных интервью, проведенных в 2023—2024 гг. с 43 родителями (18 матерей, 25 отцов), в семьях которых воспитываются дети с инвалидностью. Информанты отбирались через центры социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Санкт-Петербурга по двум критериям: наличие ребенка до 18 лет со стойкими нарушениями здоровья, полная семья.

Возраст родителей — 30—45 лет, высшее образование имеют 28 человек, неполное высшее — 4, среднее специальное — 11. 40 человек состоят в зарегистрированном браке, в незарегистрированном — 3. В 11 семьях ребенок с инвалидностью является единственным, в 32 воспитываются двое и более детей, из них в 3 семьях инвалидами являются оба ребенка.

В семьях участников исследования воспитываются дети с разнообразными нозологиями: расстройством аутистического спектра, синдромом дефицита внимания и гиперактивности, сахарным диабетом первого типа, фенилкетонурией, лейкозом, врожденной дисфункцией коры надпочечников, задержкой психического развития, детским церебральным параличом, контрактурой, недоразвитием конечностей, синдромом Дауна, синдромом Ангельмана, синдромом Драве и др. Продолжительность периода, прошедшего с момента постановки диагнозов детям, составляет от 2 до 13 лет.

В рамках исследования изучено мнение специалистов о перспективах развития социальной работы, направленной на повышение жизнестойкости семей с детьми, имеющими инвалидность. Проведено шесть экспертных интервью со специалистами центра социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов, непосредственно взаимодействующими с родителями при выполнении профессиональных задач.

Устойчивость родителей к острому стрессу

Анализ интервью позволил выделить среди информантов три группы по показателю устойчивости к стрессу.

Родители, практически избежавшие воздействия стресса. Группа представлена 13 информантами, которые сообщили, что их семье удалось быстро принять ситуацию во всей ее полноте. Ими отмечено отсутствие длительного периода переживания эмоционального потрясения:

Мы особо и не впадали в депрессию (мать, 38 лет);

Я не могу сказать, что это какая-то трагедия была у нашей семьи (мать, 37 лет).

Одна из причин относительно спокойной реакции — специфика поставленного их детям диагноза, отличающая проявления заболевания от проявлений других нозологий, имеющих менее благоприятный прогноз и требующих от родителей больших усилий для обеспечения ребенку необходимых условий:

Я сразу понимал, что да, действительно, вот так, но это не самое худшее, что может быть (отец, 39 лет);

Я думаю, что есть ситуации более сложные, и денежно тяжело, наверное, родителям, и более тяжелые дети бывают, всякое бывает. Но у нас не самая тяжелая ситуация, мы вполне себе живем счастливо, довольны жизнью (мать, 43 год).

Вместе с тем большинством в этой группе стрессовая ситуация, связанная с постановкой диагноза ребенку, была воспринята как вызов. Подобное отношение к возникшим трудностям побудило родителей незамедлительно приступить к выяснению всех аспектов заболевания и изучению мер поддержки, способных улучшить состояние ребенка:

Я много читала про это, я пошла учиться на эту профессию, получила образование дефектолога, АВА-терапевта, денверское раннее вмешательство. Я вообще погрузилась в вопрос, и мне некогда было стрессовать — надо было действовать (мать, 38 лет).

Родители, постепенно преодолевшие воздействие стресса. Вторая группа представлена 21 информантом, которые испытывали трудности в принятии диагноза ребенка. Родителям потребовалось время для адаптации к новым условиям жизни:

Года через полтора-два я успокоилась... То есть у меня заняло два года на то, чтобы окончательно войти в ритм (мать, 36 лет);

Ну где-то месяцев с семи я вроде так попривыкла, а потом уже как-то... ребенок растет, радуется, и вроде все ничего (мать, 40 лет).

Родителям удалось преодолеть негативное воздействие стресса путем погружения в изучение диагноза ребенка и способов его лечения, формирования объективного представления о состоянии ребенка и перспективах его развития:

Видишь, что все не так, как ты там себе представляешь, а на самом деле все более-менее нормально, то есть вот это помогает (мать, 43 года).

Родители, продолжающие испытывать стресс. Группа представлена 9 информантами, для которых стресс продолжает оставаться частью повседневной жизни. Преодоление стресса затруднено по причине отсутствия четких прогнозов в лечении ребенка и продолжающихся проявлений особенностей заболевания, которые трудно поддаются компенсации, коррекции или распознаванию:

Мы не понимаем, что с ребенком, а он в этот момент может испытывать сильную боль или беспокойство по каким-то другим причинам... То есть мне как матери, собственно говоря, эта ответственность, она очень тяжела. Я периодически боюсь, что же случится (мать, 44 года);

Состояние вот этой тревожности... а сделать ты ничего не можешь, ответов нет, регламентов нет, изученность очень слабая, и это морально, психологически на тебя это очень сильно давит (отец, 31 год).

Кроме того, переживание стресса сопряжено с недостаточно высоким качеством медицинского и социального обслуживания и отсутствием возможности получить доступ к мерам поддержки, способным улучшить состояние ребенка:

Единственное, что у меня как бы обидно... что он не может получить лечение, ну, на уровень выше (мать, 40 лет).

Обобщая, отметим, что большинство семей испытывают стресс после постановки диагноза ребенку. Среди причин — сложности процесса принятия диагноза и адаптации к новым условиям жизни, которые часто сопровождаются отсутствием исчерпывающего представления о специфике нозологии и перспективах развития ребенка в числе прочего из-за недостаточной психологической и информационной поддержки родителей на первых этапах реабилитации. Вариативность реакций на стресс, зависящая и от диагноза ребенка, указывает на необходимость реализации индивидуального подхода к работе по повышению жизнестойкости семей, причем чем раньше эта работа начинается, тем выше вероятность, что она будет эффективной.

Структура жизнестойкости семей, имеющих детей с инвалидностью

Оценка компонентов структуры жизнестойкости по степени выраженности (слабая, средняя или сильная) позволила выделить среди них три группы (табл.). К сильно выраженным у подавляющего большинства семей отнесены три компонента системы убеждений. Один из них отражает реализм в оценке ситуации и ее принятие: *Думали, что, может быть, все-таки обойдется, а потом поняли, приняли и дальше живем с этим* (отец, 37 лет), другие — активную позицию, выражающуюся в стремлении разбираться в проблеме, проявлять настойчивость в управлении ею.

Компоненты, характеризующиеся у части семей высокой выраженностью, у значительного количества семей имеют среднюю выраженность (14 компонентов). Это свидетельствует об отсутствии восприятия информантами своей семьи как единого целого, что проявляется в недостаточной гибкости при решении возникающих трудностей, в неготовности к совместному принятию решений, в недостатке взаимной поддержки, внимания к индивидуальным потребностям каждого члена семьи и др. Кроме того, для некоторых семей характерно отсутствие четкого видения долгосрочных перспектив, надежды на улучшение ситуации, стремления к нормализации жизни, что в ряде случаев связано и с ограниченным доступом к мерам социальной поддержки.

Слабо выраженные в ряде семей компоненты (12) говорят о пессимистическом настрое, проявляющемся в неспособности видеть положительные изменения в состоянии ребенка, проблемах внутрисемейной коммуникации, которой не хватает искренности, теплоты, взаимного сочувствия, трудностях в достижении баланса между семьей и работой, обеспечении равной вовлеченности родителей в воспитание и др.

Как наглядно видно в таблице, наиболее «дефицитными» компонентами жизнестойкости являются те, которые относятся к блоку «Процессы общения», в «Организационных процессах» они также представлены, в «Системе убеждений» их 2 из 11. Система убеждений, отражающая жизненные ценности и установки родителей детей с проблемным здоровьем, в целом способна поддерживать их жизнестойкость, главное, что у них есть, — установка на активность и настойчивость в своих действиях для того, чтобы помочь ребенку. Это свойственно подавляющему большинству, родители же, воспринимающие ситуацию еще и как вызов, способны помочь не только своему ребенку, но и себе, и другим людям, наполняя свою жизнь новыми смыслами, наращивая и реализуя свой личностный потенциал.

Структура жизнестойкости семей

	Компоненты жизнестойкости семьи	Степень выраженности (количество семей)		
		слабая	средняя	сильная
Система убеждений	1. Реализм в восприятии ситуации и принятие ее во всей полноте	–	4	39
	2. Терпимость к неопределенности, но и стремление к пониманию проблемы и управлению ею	–	6	37
	3. Активность и настойчивость	–	6	36
	4. Приверженность семье	–	14	27
	5. Акцент на сильные стороны и потенциал	–	17	21
	6. Стремление к будущим целям	1	15	21
	7. Позитивный рост	1	18	19
	8. Ориентация семейного жизненного цикла на нормализацию	1	21	18
	9. Надежда	2	17	24
	10. Позитивное восприятие	7	14	20
	11. Отношение к кризису как к вызову	10	14	15
Организационные процессы	1. Взаимная поддержка	1	10	29
	2. Гибкость	1	11	28
	3. Адаптивные изменения для решения новых задач	–	10	27
	4. Приверженность общим целям при уважении индивидуальных потребностей, различий и границ	2	11	26
	5. Доступ к институциональной, структурной поддержке	2	19	18
	6. Совместное воспитание/забота	3	17	22
	7. Мобилизация ресурсов ближайшего окружения	4	24	13
	8. Работа в команде	5	12	25
	9. Баланс между работой и семьей	12	13	14
Процессы общения / решения проблем	1. Совместное принятие решений	2	13	28
	2. Ясность и правдивость информации		11	25
	3. Подготовка к будущим вызовам	2	16	21
	4. Взаимное сочувствие	3	12	25
	5. Переговоры	3	13	23
	6. Позитивное взаимодействие	3	12	23
	7. Открытый эмоциональный обмен, не исключая болезненные чувства	4	9	24
	8. Проактивная позиция для предотвращения проблем, кризисов	4	17	18
	9. Избегание обвинений и конфликтов	5	17	15

Примечание. Общая сумма количества семей по каждому из компонентов не всегда равна объему выборки, различия обусловлены ограничениями из-за недостатка информации для обоснованного вывода.

Классификация семей по уровню жизнестойкости

В результате анализа индивидуальных структур жизнестойкости нами выделены две группы семей.

К группе семей с **высоким уровнем жизнестойкости** отнесены семьи 18 информантов, ситуация которых характеризуется средней и сильной выраженностью компонентов жизнестойкости, количество компонентов, проявленных на среднем уровне, — не более трети от общего числа. Этим семьям свойственны следующие ключевые характеристики:

— позитивное восприятие, способность оценивать ситуацию, принимая во внимание даже небольшие успехи ребенка в реабилитационном процессе:

Понятно, что это не норма, но я, честно говоря, вообще, как говорится, ну, не парюсь уже совсем. Я даже и забываю иногда, что у него какой-то синдром (мать, 45 лет);

— высокий уровень вовлеченности обоих родителей в процесс воспитания ребенка и заботу о нем:

Муж участвует, конечно, стопроцентная вовлеченность. То есть и на занятия водит, когда нужно, и играет, и гуляет, и всё на свете. Уход бытовой, кормит — ну, претензий ноль к мужу (мать, 38 лет);

До сих пор, если надо, ночью, если она заболевает, мы ходим с женой по очереди — ну, проверяем, температуру измеряем, что-нибудь от кашля даем (отец, 37 лет);

Волибный муж, который и обожает ребенка, и делит все сложности, если они есть, и технические, и денежные, естественно (мать, 43 года);

— способность проявлять гибкость при решении возникающих проблем, которая выражается в готовности родителей подменить друг друга, взять на себя решение любой из задач для обеспечения благополучия ребенка:

Ну у нас, в принципе, все одинаково. Если я не могу... соответственно, папа с ней лежал в больнице (мать, 37 лет);

— наличие доступа к ресурсам формальной и неформальной поддержки:

У нас хорошие выплаты, у нас хорошие есть вот эти бесплатные занятия, есть там всякие санаторно-курортные истории, ну грех жаловаться (мать, 38 лет);

Если касаемо школы, то, что детский сад у нас был, они все поддерживали нас, очень замечательные люди, все понимающие (отец, 38 лет);

У нас огромнейшая поддержка от бабушек, что тоже немаловажно, потому что я вот читаю истории какие-то, что там поддержки никакой нет, люди там сидят, закрытые в четырех стенах, — не выйти (отец, 36 лет).

К группе со **средним уровнем жизнестойкости** отнесены 25 семей, ситуация которых характеризуется преимущественно средней и сильной выраженностью компонентов жизнестойкости, количество компонентов, проявленных на слабом уровне, — не более 5. Этим семьям присущи следующие характеристики:

— отсутствие ярко выраженного позитивного восприятия:

Я не могу говорить об оптимизме или пессимизме, я просто решаю последовательно задачи (мать, 44 года);

Есть некоторое подвешенное состояние, поскольку я понимаю, что садик — это одно, маленький — это одно, а когда уже становится большой ребенок, то там совершенно другие проблемы (мать, 38 лет);

— умеренная/низкая степень вовлеченности одного из родителей в процесс воспитания:

Ну, по возможности, конечно (отец. — В. С., Ю. Т.), помогает. Ну и, естественно, все равно в общей сложности занимается мама всеми какими-то... (мать, 37 лет);

Ну, скажем так, глубоко в диагноз он не вникает, но так, как бы лекарства может давать (мать, 40 лет);

— умеренная гибкость при решении проблем, выражаемая в отсутствии у родителя, принимающего более активное участие в воспитании, возможности рассчитывать на поддержку других членов семьи в решении проблем, касающихся ухода за ребенком:

Дело в том, что никто не будет, если... сын учится или работает, муж занимается творчеством, как на него повесить это все? (мать, 45 лет);

— ориентация при решении проблем преимущественно на внутрисемейные ресурсы:

Мы в этом плане такая, как бы не совсем... ну как бы не та семья, которая будет активно пользоваться помощью от государства (мать, 37 лет);

Не то чтобы у нас нет людей, которые бы могли нам помочь, — они есть, и они хотят нам помогать. Мы просто никогда на это не рассчитываем (мать, 36 лет).

Перспективы работы по повышению жизнестойкости семей, воспитывающих детей с инвалидностью, в оценках специалистов

Специалистами отмечено, что жизнестойкость позволяет семьям успешно справляться с выполнением воспитательной функции, «стоять твердо и крепко на ногах, быть уверенными в завтрашнем дне, не бояться трудностей» (специалист по социальной работе 1). Жизнестойкость выражается «сугубо индивидуально» (дефектолог), причем позитивный настрой могут проявлять и семьи, воспитывающие детей с тяжелыми нарушениями.

Основная задача на первом этапе состоит в формировании отношений сотрудничества между родителями и специалистами как условия создания оптимальной обстановки для реабилитации ребенка:

Самое главное, что вот повышает их жизнестойкость, это то, что мы принимаем их с открытым сердцем (педагог-психолог).

Специалистами высоко оценены перспективы развития программ по повышению жизнестойкости:

Вообще с нашими детьми работает вот именно комплекс (логопед);

Любое развитие в этом направлении... оно всегда будет перспективным (специалист по социальной работе 2).

В то же время положительных результатов можно добиться только при учете индивидуальных потребностей семей в процессе разработки программ:

Если они [программы] будут отталкиваться от людей, идти за людьми, за ребенком, за его семьей, то да, конечно. Если это просто для галочки, то нет смысла никакого (педагог-психолог).

В качестве одного из ключевых направлений работы специалистами обозначена необходимость оказания психологической помощи родителям, что ранее уже практиковалось в центре:

Родители... считают, что они все как бы знают, понимают, они как бы компетентны. При этом и им психологическая помощь необходима. Просто необходима! (педагог);

Многие ходили на занятия, им очень это помогало — в жизни, с воспитанием детей, с принятием всех этих заболеваний, с которыми они сталкиваются (специалист по социальной работе 1).

Отмечена значимость проведения совместных тренингов для детей и родителей, организации параллельной работы двух психологов с группами детей и родителей. Кроме того, подчеркнута важность создания родительских сообществ:

Нужно открывать какие-то родительские клубы, где бы они могли собираться... обсуждать какие-то свои проблемы, делиться тем, как они справляются с трудностями (педагог-психолог).

Заключение

Жизнестойкость — качество, необходимое всем семьям, воспитывающим детей с проблемным здоровьем. Оно проявляется с самого начала того этапа, когда болезнь ребенка входит в жизнь семьи. От готовности быстро мобилизовать все имеющиеся ресурсы для организации лечения и реабилитации во многих случаях зависит их успешность, между тем испытываемый семьей стресс может создавать препятствия для полноценной вовлеченности родителей в заботу о ребенке и для решения проблем, сопровождающих жизнь большинства семей, воспитывающих детей с инвалидностью. Устойчивость родителей к острому стрессу — один из ключевых факторов формирования жизнестойкости семьи. Обнаружено, что показатель устойчивости к стрессу коррелирует с уровнем жизнестойкости на более поздних этапах реабилитации у 32 из 43 информантов. Стрессоустойчивость как индивидуально-личностная характеристика дает определенные преимущества, но жизнестойкость не исчерпывается ею, а представляет собой сложный феномен, имеющий разнообразные проявления и обусловленный

влиянием многих факторов. Жизнестойкость семьи обнаруживается и приобретает в процессе решения стоящих перед ней проблем, не возникает сама по себе, а требует приложения совместных усилий. Велика роль и внешней поддержки, поэтому планомерную работу по содействию семьям в преодолении стресса, в выявлении и активизации внутрисемейных ресурсов следует начинать сразу после постановки ребенку диагноза.

В результате анализа индивидуальных структур жизнестойкости выявлено, что значительная доля семей характеризуется высоким уровнем жизнестойкости, однако преобладают семьи со средним уровнем. Это означает наличие у них определенных дефицитов, повышающих их уязвимость перед лицом трудностей и риски распада.

Анализ обобщенной структуры жизнестойкости позволил выделить такую труднорешаемую проблему, как баланс профессиональных и семейных обязанностей, которая для отцов оборачивается повышенной трудовой занятостью и недостатком времени для повседневного общения с ребенком, а для матерей — невозможностью профессиональной самореализации. Особое место занимают сложности внутрисемейной коммуникации. В ряде семей не практикуется обсуждение проблем, совместное принятие решений, обмен переживаниями, отсутствует ярко выраженная взаимная поддержка и ориентация на избегание конфликтов. Все это оказывает негативное влияние на качество супружеских отношений, подтвердивших свою значимость как ведущего семейного ресурса в других исследованиях [Безрукова, Самойлова, 2022], на общее восприятие ситуации и возможностей ее улучшения.

Целевые программы по повышению жизнестойкости семей с детьми, имеющими инвалидность, не представлены в российской помогающей практике. Между тем развитие жизнестойкости может способствовать полноценной реализации семейно ориентированного подхода, более активному привлечению к работе со специалистами обоих родителей, а не только матерей. С другой стороны, именно семейно ориентированный подход выступает необходимым условием работы по повышению жизнестойкости семьи.

Первичная диагностика жизнестойкости семьи на ранних этапах реабилитации ребенка может способствовать формированию целостного представления о семейной ситуации и выступать в качестве отправной точки при разработке индивидуальной программы работы с семьей с учетом дефицитных компонентов жизнестойкости. Вместе с тем понимание общих для многих семей слабых зон является основой для разработки и реализации на базе центров социальной реабилитации целевых программ, включающих актуальные для семей вопросы, такие как формирование проактивной позиции, позитивного восприятия, приверженности командной работе, развитие навыков обсуждения проблем, совместного принятия решений, избегания обвинений, конструктивного решения конфликтов и др. Работа может проходить в семейном, а также в групповом формате. Групповая работа особенно полезна для повышения коммуникативных возможностей семей и родительской компетентности, развития практических навыков заботы о детях с учетом специфики диагноза и т. д.

Программы повышения жизнестойкости целесообразно внедрять на этапе раннего вмешательства для коррекции и профилактики возможных дефицитов

в структуре жизнестойкости, минимизации риска распада семей, а впоследствии регулярно проводить мониторинг семейных ситуаций в целях выявления слабовыраженных аспектов жизнестойкости и переориентации программ на их усиление.

Таким образом, именно повышение жизнестойкости должно стать ориентиром для специалистов при оказании поддержки семьям, воспитывающим детей с инвалидностью, поскольку данное свойство позволяет семьям чувствовать себя сильными перед лицом значимых проблем, создавать условия для успешного развития детей, реализовывать свой родительский и личностный потенциал, ставить свои жизненные цели и достигать их, что в полной мере соответствует такой приоритетной задаче, обозначенной в Концепции семейной политики РФ до 2025 г., как создание условий для обеспечения семейного благополучия, поддержания социальной устойчивости каждой семьи [Концепция... , 2014].

Список источников

- Авчинникова С. О., Максунев Н. А.* Тенденции социальной политики РФ в отношении семей с детьми-инвалидами // Социальные трансформации. Смоленск: Смол. гос. ун-т, 2021. Т. 32. С. 15—21.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* «Продиктовано любовью...»: вовлеченное отцовство в российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 123—148.
- Безрукова О. Н., Самойлова В. А.* Отсутствующее отцовство в молодых российских семьях, воспитывающих детей с инвалидностью // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 96—112.
- Гребенникова Е. В., Шелехов И. Л., Берестнева О. Г.* Психолого-педагогическая компетентность родителей, воспитывающих детей-инвалидов // Наукovedение. 2015. Т. 7, № 2. С. 1—13. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/18PVN215.pdf> (дата обращения: 18.05.2024).
- Елисеева А. П.* Особенности жизнестойкости и стрессоустойчивости родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2020. № 2. С. 497—501.
- Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения: 21.06.2024).
- Курникова М. В.* Социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом: определение, критерии и индикаторы оценки: (теоретическое обоснование проблемы) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. № 4. С. 120—130.
- Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И.* Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
- Одинцова М. А., Любовский Д. В., Гусарова Е. С., Иванова П. А.* Жизнестойкость, самоактивация и копинг-стратегии матерей в условиях инвалидности ребенка как вызова // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31, № 1. С. 79—106.
- Пигарева М. Н.* Самоотношение и отношение родителей к ребенку с особенностями в здоровье // Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы,

- результаты: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Центр развития науч. сотрудничества, 2018. С. 37—41.
- Самойлова В. А., Дужак И. В., Киселева В. А., Приходько М. Г.* Социальная поддержка вовлеченного отцовства в семьях с детьми-инвалидами // Ответственное родительство: традиции и инновации / под ред. О. В. Костейчука. СПб.: Гор. информ.-метод. центр «Семья», 2021. С. 78—92. (Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник; вып. 20).
- Томила Ю. А., Штулина С. В.* Семейно-центрированный подход к социальной поддержке: теоретические основы и практическое применение // Демография и глобальные вызовы: материалы III Международного демографического форума, 23—25 мая. Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. Т. 3. С. 402—408.
- Abi-Hashem N.* Resiliency and culture: an interdisciplinary approach // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2020. Vol. 17, № 4. P. 586—603.
- Bamm E. L., Rosenbaum P. L.* Family-centered theory: origins, development, barriers, and supports to implementation in rehabilitation medicine // Archives of Physical Medicine and Rehabilitation. 2008. Vol. 89, iss. 8. P. 1618—1624.
- Briar-Lawson K., Lawson H. A., Hennon C. B., Jones A. R.* Family-centered policies and practices: international implications. New York: Columbia Univ. Press, 2001. 483 p.
- Dürr E., Greeff A. P.* Resilience characteristics of families with children with severe or profound intellectual disability // Social Work. 2020. Vol. 56, iss. 2. P. 221—234.
- Greeff A. P., Nolting C.* Resilience in families of children with developmental disabilities // Families, Systems & Health. 2013. Vol. 31, iss. 4. P. 396—405.
- Gupta V. B.* Comparison of parenting stress in different developmental disabilities // Journal of Developmental and Physical Disabilities. 2007. Vol. 19, iss. 4. P. 417—425.
- Hunter R. G., Gray J. D., McEwen B. S.* The neuroscience of resilience // Journal of the Society for Social Work & Research. 2018. Vol. 9, № 2. P. 305—339.
- Maddi S. R., Khoshaba D. M.* Hardiness and mental health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63, iss. 2. P. 265—274.
- Masten A. S.* Ordinary magic: resilience processes in development // American Psychologist. 2001. Vol. 56, iss. 3. P. 227—238.
- McConnell D., Savage A., Breitreuz R.* Resilience in families raising children with disabilities and behavior problems // Research in Developmental Disabilities. 2014. Vol. 35, iss. 4. P. 833—848.
- McCubbin H. I., Patterson J. M.* Family transitions: adaptation to stress // Stress and the Family: Coping with Normative Transitions / ed. by H. I. McCubbin, C. R. Figley. New York: Brunner/Mazel, 1983. P. 5—25.
- Miles J.* The importance of building resilience // Counselling Directory. 2015. URL: <https://www.counselling-directory.org.uk/articles/the-importance-of-building-resilience> (дата обращения: 17.05.2024).
- Munson R. O. A., Kordowicz M.* Resilience // Elgar Encyclopedia of Organizational Psychology / ed. by M. Bal. Cheltenham (UK): Edward Elgar Publishing, 2024. Chap. 117. URL: https://www.researchgate.net/publication/377065760_Resilience (дата обращения: 20.05.2024).
- VanVoorhis R. W., Miller K. L., Miller S. M.* A single-session intervention designed to promote resilience for parents of children with disabilities // Journal of Child and Family Studies. 2023. Vol. 32, iss. 8. P. 2406—2418.
- Walsh F.* Family resilience: a developmental systems framework // European Journal of Developmental Psychology. 2016. Vol. 13, № 3. P. 313—324.
- Werner E. E.* Resilience in development // Current Directions in Psychological Science. 1995. Vol. 4, iss. 3. P. 81—84.

References

- Abi-Hashem, N. (2020) Resiliency and culture: an interdisciplinary approach, *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, vol. 17, no. 4, pp. 586—603.
- Avchinnikova, S. O., Maksunov, N. A. (2021) Tendentsii sotsial'noĭ politiki Rossiĭskoi Federatsii v otnoshenii semeĭ s det'mi-invalidami [Trends in social policy of the Russian Federation in relation to families with disabled children], *Sotsial'nye transformatsii*, no. 32, pp. 15—21.
- Bamm, E. L., Rosenbaum, P. L. (2008) Family-centered theory: origins, development, barriers, and supports to implementation in rehabilitation medicine, *Archives of Physical Medicine and Rehabilitation*, vol. 89, iss. 8, pp. 1618—1624.
- Bezrukova, O. N., Samoylova, V. A. (2022) “Prodiĭtovano liubov'iu...”: vovlechĕnnoe otsovstvo v rossiĭskikh sem'iakh, vospityvaiushchikh detĕĭ s invalidnost'iu [“Driven by love...”: involved fatherhood in Russian families raising children with disabilities], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ĕkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5, pp. 123—148.
- Bezrukova, O. N., Samoylova, V. A. (2023) Otsutstvuiushchee otsovstvo v molodykh rossiĭskikh sem'iakh, vospityvaiushchikh detĕĭ s invalidnost'iu [Father absence in young Russian families raising children with disabilities], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 96—112.
- Briar-Lawson, K., Lawson, H. A., Hennon, C. B., Jones, A. R. (2001) *Family-Centered Policies and Practices: International Implications*, New York: Columbia Univ. Press.
- Dürr, E., Greeff, A. P. (2020) Resilience characteristics of families with children with severe or profound intellectual disability, *Social Work*, vol. 56, iss. 2, pp. 221—234.
- Eliseeva, A. P. (2020) Osobennosti zhiznestoĭkosti i stressoustoĭchivosti roditelĕĭ, vospityvaiushchikh detĕĭ s ogranichennymi vozmozhnostiami zdorov'ia [Features of resilience and stress tolerance of parents raising children with disabilities], *Uchĕnyĕ zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, no. 2, pp. 497—501.
- Grebennikova, E. V., Shelekhov, I. L., Berestneva, O. G. (2015) Psikhologo-pedagogicheskaia kompetentnost' roditelĕĭ, vospityvaiushchikh detĕĭ-invalidov [Psychological and pedagogical competence of parents raising disabled children], *Naukovedenie*, vol. 7, no. 2, pp. 1—13, available from <http://naukovedenie.ru/PDF/18PVN215.pdf> (accessed 18.05.2024).
- Greeff, A. P., Nolting, C. (2013) Resilience in families of children with developmental disabilities, *Families, Systems & Health*, vol. 31, iss. 4, pp. 396—405.
- Gupta, V. B. (2007) Comparison of parenting stress in different developmental disabilities, *Journal of Developmental and Physical Disabilities*, vol. 19, iss. 4, pp. 417—425.
- Hunter, R. G., Gray, J. D., McEwen, B. S. (2018) The neuroscience of resilience, *Journal of the Society for Social Work & Research*, vol. 9, no. 2, pp. 305—339.
- Kurnikova, M. V. (2018) Sotsial'noe samochuvstvie sem'i s rebĕnkom-invalidom: opredelenie, kriterii i indikatory otsenki: (Teoreticheskoe obosnovanie problemy) [Social well-being of a family with a disabled child: definition, criteria and evaluation indicators: (Theoretical justification of the problem)], *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ĕkonomicheskie nauki*, no. 4, pp. 120—130.
- Leontiev, D. A., Rasskazova, E. I. (2006) *Test zhiznestoĭkosti* [Hardiness survey], Moscow: Smysl.
- Maddi, S. R., Khoshaba, D. M. (1994) Hardiness and mental health, *Journal of Personality Assessment*, vol. 63, iss. 2, pp. 265—274.

- Masten, A. S. (2001) Ordinary magic: resilience processes in development, *American Psychologist*, vol. 56, iss. 3, pp. 227—238.
- McConnell, D., Savage, A., Breitzkreuz, R. (2014) Resilience in families raising children with disabilities and behavior problems, *Research in Developmental Disabilities*, vol. 35, iss. 4, pp. 833—848.
- McCubbin, H. I., Patterson, J. M. (1983) Family transitions: adaptation to stress, in: McCubbin, H. I., Figley, C. R. (eds), *Stress and the Family: Coping with Normative Transitions*, New York: Brunner/Mazel, pp. 5—25.
- Miles, J. (2015) The importance of building resilience, *Counselling Directory*, available from <https://www.counselling-directory.org.uk/articles/the-importance-of-building-resilience> (accessed 17.05.2024).
- Munson, R. O. A., Kordowicz, M. (2024) Resilience, in: Bal, M. (ed.), *Elgar Encyclopedia of Organizational Psychology*, chap. 117, Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing, available from: https://www.researchgate.net/publication/377065760_Resilience (accessed 20.05.2024).
- Odintsova, M. A., Lubovsky, D. V., Gusarova, E. S., Ivanova, P. A. (2023) Zhiznesteoičnost', samoaktivatsiia i koping-strategii materei v usloviakh invalidnosti rebenka kak vyzova [Resilience, self-activation and coping strategies of mothers in the face of their children's disability], *Konsul'tativnaia psikhologiya i psikhoterapiia*, vol. 31, no. 1, pp. 79—106.
- Pigareva, M. N. (2018) Samoотношение i отношение roditel'ei k rebenku s osobennostiami v zdorov'e [Self-attitude and attitude of parents towards a child with special needs], in: *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniia: gipotezy, problemy, rezul'taty*: Sbornik materialov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Novosibirsk: Tsentr razvitiia nauchnogo sotrudnichestva, pp. 37—41.
- Samoylova, V. A., Duzhak, I. V., Kiseleva, V. A., Prikhodko, M. G. (2021) Sotsial'naiia podderzhka вовлеченного отцовства v sem'iakh s det'mi-invalidami [Social support for involved fatherhood in families with disabled children], in: Kosteychuk, O. V. (ed.), *Otvetsvennoe roditel'stvo: traditsii i innovatsii*, St. Petersburg: Gorodskoi informatsionno-metodicheskii tsentr "Sem'ia", pp. 78—92. (Sotsial'noe obsluzhivanie semei i detei: Nauchno-metodicheskii sbornik, no. 20).
- Tomilina, Yu. A., Shipulina, S. V. (2024) Semeino-tsentrirrovannyi podkhod k sotsial'noi podderzhke: teoreticheskie osnovy i prakticheskoe primenenie [A family-centered approach to social support: theoretical foundations and practical application], in: *Demografiia i global'nye vyzovy: Materialy III Mezhdunarodnogo demograficheskogo foruma*, 23—25 maia, vol. 3, Voronezh: Tsifrovaia poligrafia, pp. 402—408.
- VanVoorhis, R. W., Miller, K. L., Miller, S. M. (2023) A single-session intervention designed to promote resilience for parents of children with disabilities, *Journal of Child and Family Studies*, vol. 32, iss. 8, pp. 2406—2418.
- Walsh, F. (2016) Family resilience: a developmental systems framework, *European Journal of Developmental Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 313—324.
- Werner, E. E. (1995) Resilience in development, *Current Directions in Psychological Science*, vol. 4, iss. 3, pp. 81—84.

Статья поступила в редакцию 06.07.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 16.08.2024.

The article was submitted 06.07.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 16.08.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Самойлова Валентина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, v.samojlova@spbu.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Томилина Юлия Анатольевна — бакалавр социальной работы, лаборант-исследователь факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия, st085338@student.spbu.ru (Bachelor of Social Work, Laboratory Research Assistant at the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation).

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 119—138.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 119—138.

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.8

**ОЦЕНКИ РАБОТАЮЩИХ ЖЕНЩИН УРАЛА:
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ВРЕМЕНЕМ НА ДЕТЕЙ,
ДИСТАНЦИОННАЯ ЗАНЯТОСТЬ
И РОДИТЕЛЬСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ**

*Татьяна Леонидовна Маркова, Наталья Владимировна Тонких,
Татьяна Александровна Камарова, Полина Евгеньевна Еремкина*

Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург, Россия, markova_tl@usue.ru

Аннотация. Время, которое родители и дети проводят вместе, считается одной из важнейших характеристик родительского благополучия. Цель исследования — выявление удовлетворенности работающих матерей возможностью уделять несовершеннолетним детям достаточное количество времени и определение предпочтительных форматов занятости для успешного совмещения профессиональных и родительских обязанностей. Эмпирическая база исследования — опрос проживающих на Урале работающих матерей в возрасте 21—59 лет с детьми 14 лет и младше и результаты качественного исследования (фокус-группы и глубинные интервью), проведенного в г. Екатеринбурге осенью 2022 г. Выявлено, что менее половины респонденток удовлетворены временем, уделяемым детям, несмотря на то, что примерно две трети опрошенных положительно оценили свои текущие возможности по совмещению родительских и профессиональных обязанностей. Сделан вывод, что, помимо баланса «дети — работа», могут существовать иные факторы, определяющие степень удовлетворенности работающих матерей временем, проводимым с детьми. Значительная доля респонденток убеждены, что гибридная занятость и гибкий график работы обеспечивают оптимальные условия для совмещения профессиональной деятельности с выполнением родительских обязанностей. Этот вывод подтверждает нашу гипотезу о положительном влиянии данных форматов занятости на удовлетворенность матерей временем, проводимым с детьми, и родительское благополучие в целом.

Ключевые слова: работающие матери, время на детей, график работы, режим работы, удовлетворенность

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие», <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

Для цитирования: Маркова Т. Л., Тонких Н. В., Камарова Т. А., Еремкина П. Е. Оценки работающих женщин Урала: удовлетворенность временем на детей, дистанционная занятость и родительское благополучие // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 4. С. 119—138.

Original article

A SOCIAL PORTRAIT OF WORKING WOMEN IN THE URALS

*Tatiana L. Markova, Natalia V. Tonkikh,
Tatiana A. Kamarova, Polina Ye. Yermkina*

Ural State University of Economics, Yekaterinburg,
Russian Federation, markova_tl@usue.ru

Abstract. The time parents and children spend together is considered one of the most important characteristics of parental well-being. The amount and quality of time-to-children depends on a number of social, demographic, and economic factors. The article aims to identify working mothers' satisfaction with the ability to devote sufficient time to their underage children and preferred employment formats for successful balance of their professional and parental responsibilities. The empirical basis of the research was a survey of working mothers aged 21—59 years living in the Ural region and having children 14 years and younger and the results of qualitative research (focus groups and in-depth interviews) conducted in Yekaterinburg in autumn 2022. The data allow us to draw the following conclusions. Although about two-thirds of the respondents positively evaluated their current opportunities to combine parenting and professional responsibilities, more than half of the respondents are dissatisfied with time-to-children. Our hypothesis that satisfaction with time-to-children is directly related to the conditions of combining parenting and professional responsibilities has not been confirmed. This result may indicate that, in addition to reaching the balance of parenting and professional responsibilities, there are other factors determining working mothers' satisfaction with time-to-children. A significant proportion of respondents believe that hybrid employment and flexible working hours provide optimal conditions for combining work and parenting, which confirms our hypothesis about the positive impact of these employment formats on mothers' satisfaction with time-to-children and overall parental well-being. In the future, we believe it is necessary to conduct a study of satisfaction with time-to-children among working mothers with different forms and modes of employment living in Russia's regions.

Key words: working mothers, time-to-children, work schedule, working hours, satisfaction

Acknowledgement: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-18-00614 “Researching the impact of digital employment on fertility and parental well-being”, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>.

For citation: Markova, T. L., Tonkikh, N. V., Kamarova, T. A., Yermkina, P. Ye. (2024) Otsenki rabotaiushchikh zhenshchin Urala: udovletvorënnost' vremenem na detei, distantsionnaia zaniatost' i roditel'skoe blagopoluchie [A social portrait of working women in the Urals], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 119—138.

Постановка проблемы

В современном обществе модель брачно-семейных отношений претерпевает существенные изменения. Появляются разные типы семей — семьи с двумя работающими родителями, семьи с разведенными родителями, семьи с одним родителем или приемными родителями и др. [Гурко, 2022]. Помимо изменений в модели брачно-семейных отношений, растет число работающих матерей [Карабчук, Нагерняк, 2013; Fox et al., 2013]. С каждым годом увеличивается уровень занятости среди женщин с маленькими детьми, наблюдается сокращение возраста ребенка при возвращении женщины на рынок труда. По данным Росстата, за период 2009—2019 гг. число работающих россиянок с детьми до 6 лет выросло с 62,8 до 67,1 % от общего числа всех матерей дошкольников [В России растет число... , 2019]. Данная тенденция характерна для большинства стран мира.

Несмотря на то что в общественном сознании наблюдается отход от традиционного распределения ролей между мужчиной-добытчиком и женщиной — хранительницей домашнего очага, гендерный контракт «работающая мать» сохраняет свою доминирующую роль в российском обществе [Савинская, 2013]. В отечественной науке феномен «работающие матери» рассматривается в исследованиях О. М. Здравомысловой, Т. А. Гурко, Э. С. Тимербулатовой и других. В работах этих ученых формулируется идея о значимости профессиональной деятельности для развития личности женщин-матерей и доказывается необходимость более глубокого изучения ее влияния на удовлетворенность жизнью.

Наряду с изменениями в сфере семьи, значительные трансформации претерпевает сфера занятости, возникают разнообразные виды нестандартной занятости, стремительно распространяются ее цифровые формы, рабочие места приобретают все большую гибкость в отношении времени и места работы [Тонких, Черных, 2022; Noonan et al., 2007; Rapoport, Le Bourdais, 2008; Demerouti et al., 2014; Chung, van der Horst, 2018]. Эти изменения влияют на качество жизни работающих матерей и на баланс между работой и семьей. В результате в последние десятилетия значительный пласт исследований по проблематике семьи и занятости посвящен работающим матерям [Савинская, 2013; Ильдарханова и др., 2019; Белехова, Ивановская, 2022; Тонких, Черных, 2022; Ichino, Galdeano, 2004; Demerouti et al., 2014; Chung, van der Host, 2018]. Особый интерес вызывает исследование благополучия работающих матерей и их стратегии совмещения воспитания детей с профессиональной деятельностью [Чернова, 2012; Багирова, Бледнова, 2021; Feeney, Stritch, 2019; Javed, 2019].

Теоретические и эмпирические исследования по проблематике времени, уделяемого родителями своим детям [Monna, Gauthier, 2008; Gutiérrez-Domènech, 2010; Kutrovátz, 2017; Zannella, De Rose, 2020], способствовали выявлению существенных различий во времени, которое матери и отцы проводят со своими детьми, и значительно расширили понимание сложного взаимодействия между многочисленными социальными, демографическими и экономическими детерминантами родительского времени матерей [Карабчук, Нагерняк, 2013; Короленко, Калачикова, 2019; Gauthier et al., 2001; Hallberg, Klevmarken, 2003; Fox et al., 2013]. В современном обществе растет понимание того, что происходящие изменения в структуре, функциях и развитии семьи влияют на уровень

счастья, удовлетворенности и качества жизни ее членов [Тимербулатова, 2012; Nomaguchi et al., 2005; Baxter, 2011; Offer, 2014; Milki et al., 2019].

Результаты многочисленных эмпирических исследований в России и за рубежом убедительно демонстрируют, что фактор времени, которое работающие женщины могут уделять своим детям, является одним из основных детерминантов их субъективной удовлетворенности и качества жизни [Bianchi, 2000; Craig, 2007; Белехова, Ивановская, 2022; Блинова, Вьяльшина, 2020]. В этой связи получила распространение идея интенсивного материнства, согласно которой для развития и здоровья ребенка исключительное значение имеют количество и качество времени, которое матери проводят со своими детьми [Исупова, 2018], поэтому хорошая мать должна всегда находиться со своими детьми [Milkie et al., 2010], хотя на практике этот идеал может оказаться недостижимым для работающих матерей [Kutrovátz, 2017].

Нередки случаи, когда необходимость выполнять трудовые обязанности в сочетании с интенсивным материнством заставляет матерей испытывать серьезные переживания из-за недостаточного времени, уделяемого детям, что действует как хронический стрессор и негативно влияет на их физическое и психологическое здоровье, благополучие в целом [Milkie et al., 2019]. Существуют эмпирически подтвержденные данные, свидетельствующие о том, что работающие матери испытывают более сильные переживания из-за постоянного дефицита времени, чем работающие отцы. Эти различия между отцами и матерями не компенсируются даже при определенных изменениях в родительских обязанностях и времени работы [Ruppranner et al., 2019].

Результаты эмпирических исследований по проблематике количественных и качественных характеристик времени, которое проводят с детьми работающие и неработающие матери, носят противоречивый характер. По данным об использовании времени в ряде европейских стран (Италия, Германия и Швеция), работающие матери уделяют меньше времени уходу за детьми, чем неработающие [Ichino, Galdeano, 2004], причем обнаружены существенные межстрановые различия относительно параметра «время с детьми». Американские исследователи [Fox et al., 2013], напротив, анализируя данные The March Current Population Surveys (CPS) об использовании времени за 1967—2009 гг., пришли к выводу, что работающие родители тратят меньше времени на основной уход за детьми, чем неработающие родители, но больше, чем их работающие сверстники в предыдущие десятилетия. Для компенсации нехватки времени работающие матери тратят меньше времени, чем неработающие, на работу по дому, досуг без детей, уход за собой и сон [Craig, 2007].

В среднем дети из семей с двумя работающими родителями (*dual-earner families*) проводят меньше времени со своими матерями по сравнению с детьми, чьи матери не работают [Bianchi, 2000]. Однако разница в количестве времени незначительная и влияет в основном на время, проведенное с детьми «пассивно», а не на время, затрачиваемое на непосредственное активное взаимодействие и общение с детьми. Несмотря на постоянный рост числа работающих матерей, материнское время, проводимое с детьми, не уменьшилось за последние десятилетия, вместе с тем постоянно растет количество времени, которое с детьми проводят отцы. В результате в современных семьях наблюдается увеличение

совокупного количества времени, уделяемого родителями детям. Эмпирические исследования демонстрируют тот факт, что у работающих матерей, как и у отцов, есть понимание и ощущение того, что они проводят с детьми «необходимое» количество времени и что у детей все хорошо [Milkie et al., 2010].

В целом следует признать, что вопрос о том, как влияет время, проведенное с детьми, на благополучие самих матерей и отцов, изучен пока крайне слабо [Offer, 2014], хотя достаточность времени, необходимого для ухода за ребенком, рассматривается как ключ к достижению работающими родителями баланса между работой и семьей [Milkie et al., 2010].

Цель исследования — выявление удовлетворенности работающих матерей возможностью уделять несовершеннолетним детям достаточное количество времени и определение предпочтительных форматов занятости для успешного совмещения профессиональных и родительских обязанностей.

Ключевыми задачами выступают:

- 1) анализ количественно-качественных оценок затрат времени на сопровождение несовершеннолетних детей и досуговые занятия с ними;
- 2) определение наиболее подходящих форматов работы для ее совмещения с родительскими обязанностями;
- 3) выявление положительных и отрицательных эффектов дистанционных форм занятости для работающих матерей с несовершеннолетними детьми.

Объектом исследования являются женщины, совмещающие воспитание детей 14 лет и младше с оплачиваемой занятостью и проживающие на территории Свердловской области. Возрастные границы респонденток обозначены в диапазоне от 21 до 59 лет. Данный диапазон определен с учетом увеличения среднего возраста рождения первого ребенка и, как следствие, увеличения возраста рождения вторых и последующих детей.

Предмет исследования — субъективная удовлетворенность работающих матерей временем, проводимым с детьми, как одной из характеристик родительского благополучия в контексте совмещения родительских и профессиональных обязанностей.

Авторами выдвинуты следующие гипотезы:

— существует взаимосвязь между режимами работы и удовлетворенностью работающих матерей временем, проводимым с ребенком/детьми; матери со стандартной занятостью имеют низкую удовлетворенность временем, уделяемым детям;

— возможность работать дистанционно, в гибридном, гибком формате занятости создает оптимальные условия для совмещения родительских и профессиональных обязанностей.

Методология исследования

Реализуемые в исследовании подходы базируются на работах зарубежных и российских ученых по проблемам удовлетворенности временем, затрачиваемым на различные аспекты жизнедеятельности, в контексте баланса семейной жизни и работы [Greenhaus, Beutell, 1985; Voydanoff, 2005; Carlson et al., 2009; Калабихина, 2020; Разумова, Серпухова, 2022]. В нашем исследовании мы опираемся на теоретико-методологические подходы к изучению баланса «семья —

работа», сформулированные в теории конфликтов [Greenhaus, Beutell, 1985], согласно которой фактор времени является одним из ключевых факторов, способствующих конфликту между работой и семьей, так как значительное увеличение временных затрат на выполнение трудовых и профессиональных обязанностей может негативно влиять на семейную жизнь и родительское благополучие.

Проблематика дефицита времени, проводимого с детьми, у работающих матерей занимает центральное место в концепциях баланса и конфликта между работой и семьей. В фокусе внимания исследователей находятся поиск подходов к оптимальному совмещению родительства и трудовой деятельности [Чернова, 2012; Ильдарханова и др., 2019], анализ факторов, способствующих конфликту между работой и семейной жизнью, анализ влияния удаленной занятости на удовлетворенность балансом «семья — работа» [Тонких, Черных, 2022], пути преодоления объективных и субъективных барьеров к гармоничному совмещению работы и родительства [Багирова, Бледнова 2021]. Основные усилия направлены на минимизацию возникающего у работающих матерей стресса, обусловленного психологическим, эмоциональным и физическим напряжением, которое появляется при совмещении родительских и профессиональных обязанностей [Kutrovátz, 2017], и оказывающего негативное влияние на благополучие матерей и детей.

Проводимый в исследовании анализ удовлетворенности временем, уделяемым детям, осуществляется с использованием метода самооценок работающих матерей, основанного на индивидуальной оценке человеком текущего баланса между трудовой и семейной жизнью. Данный подход был сформулирован зарубежными авторами [Voydanoff, 2005; Carlson et al., 2009] и позже получил развитие в работах российских ученых, которые предложили использовать критерий удовлетворенности совмещением профессиональных и семейных обязанностей как один из ключевых параметров при моделировании баланса «семья — работа» [Разумова, Серпухова, 2022].

В процессе анализа удовлетворенности работающих матерей временем, проводимым с детьми, мы также опирались на данные эмпирических исследований, посвященных эффектам влияния меняющихся условий труда на время, уделяемое матерями детям. Особую значимость для нашей работы имеют данные российских и зарубежных эмпирических исследований по влиянию разнообразных форм и режимов занятости (количество рабочих часов, полная и неполная занятость, время работы в течение суток/недели, стандартный/нестандартный график работы) на количество и качество времени, проводимого работающими родителями с детьми [Багирова, Бледнова 2021; Тонких, Черных, 2022; Hallberg, Klevmarken, 2003; Rapoport, Le Bourdais, 2008; Gutiérrez-Domènech, 2010].

Исследователи отмечают, что влияние рабочих часов на родительское время является сложным и варьируется в зависимости от пола и статуса занятости брачного партнера [Nomaguchi et al., 2005]. Так, по данным опроса женщин, работающих в организациях Свердловской области [Багирова, Бледнова, 2021], основные сложности, препятствующие выполнению родительских обязанностей, связаны со временем начала/окончания работы и продолжительностью рабочего дня. При этом шведские исследователи пришли к выводу, что изменение рабочего времени матери оказывает меньшее влияние на время, проводимое матерью с детьми, нежели изменение рабочего времени отца [Hallberg, Klevmarken, 2003].

Приходится признать тот факт, что большинство исследователей, изучающих детерминанты и последствия расширения участия женщин в трудовой деятельности, сосредотачиваются на количественных характеристиках рабочего времени (рабочих часов) и зачастую упускают из виду такой важный детерминант, как часть суток и дни недели, на которые выпадает рабочее время. Актуальность учета времени работы связана со стремительным распространением нестандартных форм занятости (неполный рабочий день, временная, удаленная занятость и т. д.) [Demerouti et al., 2014] и нестандартного графика работы (работа в вечерние или ночные часы, посменно, в выходные) [Chung, van der Horst, 2018]. По данным исследования, проведенного во Франции [Rapport, Le Bourdais, 2008], было зафиксировано, что негативное влияние рабочих часов в вечернее время (18:00—20:00) в два раза выше, чем дневных и ночных рабочих часов. Среди основных отрицательных эффектов нестандартного рабочего времени — сокращение времени совместного досуга и общения с детьми, в течение которого взаимодействие между детьми и родителями занимает центральное место [Gutiérrez-Domènech, 2010].

При рассмотрении феноменов «работающая мать» и «удовлетворенность временем, проводимым с детьми» мы также основываемся на концептуальных положениях политики обеспечения мер поддержки семьи и работающих родителей непосредственно на рабочих местах (*family-friendly workplace*), согласно которой осуществляется гибкий подход к планированию рабочего времени работающих матерей и установлению его продолжительности (возможность занятости неполный рабочий день, гибкое время начала и окончания работы, гибкий график работы, возможность работать удаленно и др.) [Noonan et al., 2007; Vaxter, Chesters, 2011; Feeney, Stritch, 2019; Javed, 2019]. Существуют убедительные доказательства того, что гибкость рабочего места положительно связана с удовлетворенностью работой, уменьшением вмешательства семьи в работу и увеличением количества времени, уделяемого работающими матерями детям [Galinsky et al., 1996; Noonan et al., 2007]. В результате это приводит к росту уровня их благополучия. При реализации мер поддержки работающих матерей принимается во внимание тот факт, что результативность их труда в значительной степени обусловлена структурой семьи. Так, например, для матерей, состоящих в официальном браке, увеличение благополучия напрямую связано с возможностью работать сокращенный рабочий день, либо дистанционно из дома, либо только во время учебного года детей и др. [Javed, 2019].

Выборка и методы исследования

Эмпирической основой статьи послужили данные социологического исследования трудоспособного населения Уральского федерального округа, проведенного в августе — ноябре 2022 г. в Свердловской области. В анализ включены:

1) результаты опроса работающих женщин в возрасте 21—59 лет, проживающих в городах Свердловской области. Для решения исследовательских задач из общего числа респонденток ($n = 545$) были исключены респондентки, не имеющие детей, а также те, у кого нет детей до 14 лет. Таким образом, в финальную выборку вошли работающие матери, имеющие детей 14 лет и младше ($n = 234$). Респондентки отбирались в выборочную совокупность случайным

образом по каждой квоте с целью соблюдения распределения по возрасту и наличию детей, представленного в данных Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области о занятости населения в регионе на 1 января 2022 г. [Численность населения... , 2023];

2) результаты качественного исследования, проведенного в г. Екатеринбурге в четвертом квартале 2022 г., в рамках которого был реализован микс-подход, включающий фокус-групповое исследование ($n = 16$) и индивидуальные глубинные интервью ($n = 9$) с работающими женщинами в возрасте 15—49 лет.

Критериями сегментирования выборки качественного исследования являлись: 1) наличие/отсутствие детей младше 14 лет; 2) наличие/отсутствие супруга/партнера. Фокус-группы проводились в очном формате (офлайн); индивидуальные глубинные интервью — в телефонном формате (онлайн). Качественное исследование осуществлялось с целью уточнения предпочтений в отношении форматов и режимов занятости и выявления положительных и отрицательных эффектов новых цифровых форм занятости. Всего в нем приняло участие 25 респонденток.

Результаты исследования

Подавляющее большинство составляют респондентки старше 26 лет, доли матерей в возрасте 26—35 и 36—59 лет — 42,65 и 49,51 % соответственно. Меньше десятой части опрошенных (7,84 %) имеют возраст от 21 до 25 лет.

Среди участвовавших в опросе матерей с детьми 14 лет и младше почти половина (46,57 %) имеют двух детей, более трети респонденток (38,24 %) — одного ребенка, трех и более детей воспитывают 15,20 % матерей.

Значительная доля опрошенных матерей (74,02 %) находятся в официальном браке, 8,33 % характеризуют свое семейное положение как гражданский брак, в котором они считают партнера мужем. В то же время 11,27 % матерей не замужем и не имеют постоянного партнера.

Более четверти респонденток-женщин заняты в сфере образования и науки (25,98 %), 13,24 % — в сфере производства, 8,33 и 6,37 % — оптовой/розничной торговли и транспорта/логистики соответственно. Доля занятых в сфере информации и связи (в том числе деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий) незначительна (4,90 %).

Большинство опрошенных женщин имеют стандартную (не более 40 часов в неделю) продолжительность работы (65,20 %), в то же время 16,67 % опрошенных матерей с детьми 14 лет и младше работают более 40 часов в неделю. Статистически незначительная доля работающих матерей с детьми имеют сокращенный рабочий день (5,88 %).

Что касается графика работы, то следует отметить, что у 70,18 % матерей стандартная пятидневная рабочая неделя с двумя выходными, 16,67 % опрошенных работают посменно, при этом среди респонденток есть те, кто работают шесть дней в неделю либо каждый день (включая выходные и праздники), — 7,02 и 6,13 % соответственно.

Приблизительно равные доли работающих матерей с детьми младше 14 лет имеют жесткий и гибкий график работы — 51,75 и 48,25 % соответственно.

Из числа респонденток с гибким графиком только 21,82 % могут самостоятельно регулировать время начала работы, перерывов и ее окончания. В большинстве случаев (78,18 %) время начала, перерывов и окончания работы устанавливается работодателем.

Отвечая на вопрос «Где Вы проводите большую часть рабочего времени?», значительное число работающих матерей (74,22 %) отметили, что работают на постоянном стационарном месте на территории работодателя, гибридный формат работы имеют 7,03 % респонденток, еще 4,69 % работают временно удаленно, вне офиса.

Ответы на вопрос «Сколько времени в среднем в обычный день у Вас занимает уход за ребенком/детьми (кормление, мытье, присмотр, проверка домашних заданий)?» распределились следующим образом. В основном матери тратят на уход за ребенком/детьми 2—4 часа в день (27,34 %), у 24,22 % на это уходит от 4 до 6 часов в день. Среди матерей есть и те, кто тратит на уход 7 часов и более (14,84 %). Не более 2 часов на уход требуется 10,98 % женщин с детьми младше 14 лет; 18,75 % опрошенных не смогли точно определить количество времени на уход за ребенком/детьми и выбрали ответ «когда как».

Респондентам было также предложено ответить на вопрос «Сколько времени в среднем в обычный рабочий день у Вас занимает сопровождение/доставка ребенка в садик/школу/секции/кружки?». Полученные ответы позволяют сделать вывод, что чуть более половины опрошенных матерей (54,69 %) тратят на сопровождение ребенка до 1 часа в день; 18,75 % матерей — 1—2 часа; менее одной пятой опрошенных (15,24 %) никогда не сопровождают своих детей.

Данные о частоте проведения работающими матерями совместного досуга с детьми представлены на рисунке 1.

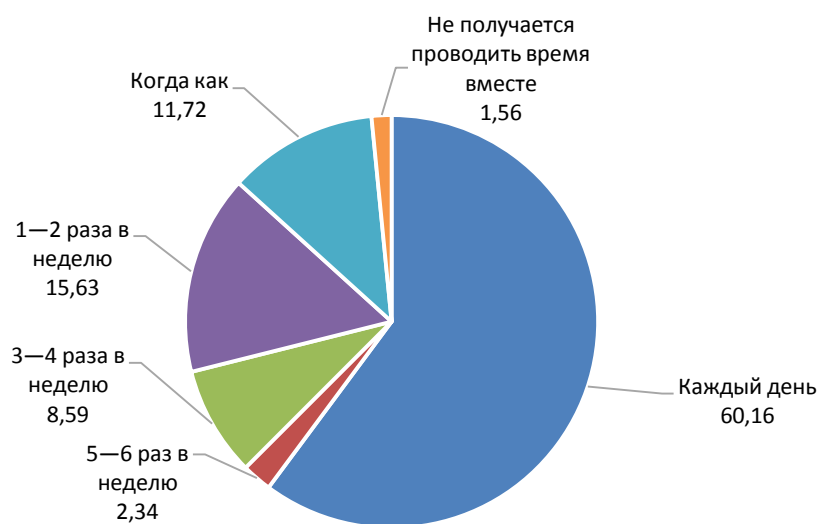

Рис. 1. Частота проведения совместного досуга работающими матерями с детьми 14 лет и младше, %

На вопрос «Как часто Вы проводите свободное время с ребенком/детьми?» почти две трети матерей (60,16 %) ответили, что проводят время с ребенком/детьми каждый день, еще 8,59 % — 3—4 раза в неделю. Вместе с тем 15,63 % респонденткам удастся выделить время на совместный досуг с ребенком только 1—2 раза в неделю. Лишь 1,56 % матерей с детьми младше 14 лет указали, что у них не получается проводить время вместе.

Нам было важно узнать, как матери проводят свободное время с детьми. Респонденткам был задан следующий вопрос: «Укажите Ваши досуговые занятия с ребенком в свободное время. Выберите три варианта занятий, наиболее популярных в Вашей семье». В таблице 1 представлен рейтинг наиболее частых вариантов совместного досуга работающих матерей с детьми 14 лет и младше.

Таблица 1

Досуговые занятия работающих матерей с ребенком/детьми

Рейтинг	Досуг	Доля ответов женщин, имеющих детей 14 лет и младше, %
I	Проводим время на природе	57,81
II	Играем в настольные игры	45,31
III	Ходим в магазины, торговые центры	39,06
IV	Занимаемся творчеством (рисуем, лепим, мастерим)	35,94
V	Смотрим телевизор	34,38
VI	Посещаем кафе, рестораны	33,59
VI	Читаем книги	33,59
VII	Ходим в театры, кино, музеи, на экскурсии	32,81
VII	Слушаем музыку, смотрим видео	32,81
VIII	Катаемся на велосипедах, роликах, самокатах, др.	28,91
IX	Занимаемся спортом, физкультурой	21,09
X	Играем в компьютерные игры	8,59
XI	Посещаем спортивные мероприятия (в качестве зрителя)	7,81

Среди самых популярных досуговых занятий матерей с детьми — совместное проведение времени на природе (57,81 %), настольные игры (45,31 %), совместное посещение торговых центров и магазинов (39,06 %). Около трети матерей (33,59 %) предпочитают такие досуговые занятия, как чтение книг и посещение кафе (ресторанов), а также походы в театры, кино, музеи, на экскурсии и совместный просмотр видео (32,81 %). К наименее популярным формам проведения досуга работающие матери детей младше 14 лет отнесли компьютерные игры (8,59 %) и совместное посещение спортивных мероприятий (в качестве зрителя) (7,81 %).

Респонденткам было предложено оценить, какую долю свободного времени они проводят в непосредственном общении, игре со своими детьми и др. Данные о времени активного взаимодействия с детьми представлены на рисунке 2.

Около одной пятой матерей (17,19 %) общаются с детьми половину свободного времени, почти в два раза больше респонденток (33,59 %) вовлечены во взаимодействие с детьми более половины такого времени. Максимально оценили свою вовлеченность 11,72 % матерей. Среди респонденток были и те, у которых ответ на данный вопрос вызвал затруднение (10,16 %).

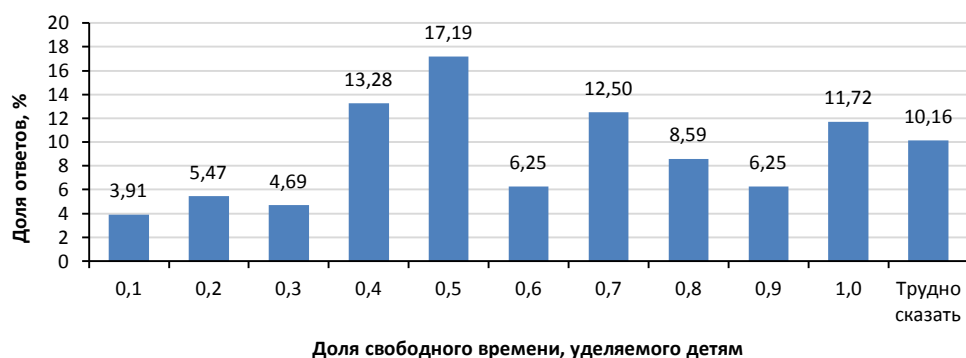

Рис. 2. Время активного взаимодействия работающих матерей с детьми

Нам было важно понять, насколько работающие матери удовлетворены возможностью уделять ребенку/детям достаточное количество времени. Респонденткам было предложено оценить степень своей удовлетворенности по шкале, где 1 балл означает «полностью не удовлетворен», 10 — «полностью удовлетворен». Данные об удовлетворенности матерей временем, проводимым с детьми, представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Удовлетворенность работающих матерей временем, проводимым с детьми

Более половины матерей (54,77 %) высоко оценили свою удовлетворенность временем, проводимым с детьми (7—10 баллов), из них более четверти опрошенных (29,37 %) — максимально высоко. При этом 20,64 % опрошенных матерей не вполне удовлетворены временем, которое они могут уделять ребенку/детям (1—4 балла по шкале удовлетворенности), почти четверть опрошенных (24,60 %) оценили свою удовлетворенность на 5—6 баллов.

Достаточно положительно работающие матери оценили свои возможности совмещать работу с выполнением обязанностей родителя. Отвечая на вопрос «Насколько успешно Вам удастся совмещать работу с выполнением обязанностей родителя?», более половины опрошенных (57,81 %) дали оценку 7—9 баллов, 14,84 % максимально высоко оценили свою успешность в совмещении родительских и профессиональных обязанностей (10 баллов).

Данные о форматах работы, которые, по мнению респонденток, больше подходят для совмещения материнства с профессиональной деятельностью, представлены в таблице 2.

Таблица 2

**Наиболее подходящий формат работы для ее совмещения
с родительскими обязанностями**

Формат работы	Доля ответов женщин, имеющих детей 14 лет и младше, %
Гибридное рабочее место: частично дистанционно, частично на территории работодателя. Время присутствия на работе согласовывается	42,19
Рабочее место стандартное: офлайн-работа на территории работодателя	27,34
Дистанционная работа	24,22
Трудно сказать	6,25
<i>Всего</i>	100,00

С точки зрения совмещения работы и родительских обязанностей респондентки отдают явное предпочтение гибридной форме организации труда (42,19 %), которая предполагает сочетание удаленной и стационарной работы. Немногим более четверти респонденток (27,34 %) полагают, что наиболее подходящий для работающих матерей формат — офлайн-работа на территории работодателя. Около четверти опрошенных (24,22 %), напротив, считают, что дистанционная работа больше подходит для матерей с оплачиваемой занятостью.

Подавляющее большинство (86,72 %) работающих матерей с детьми 14 лет и младше, участвовавших в опросе, убеждены, что гибкий график работы (возможность регулировать время начала работы, перерывов и окончания) оптимален для ее совмещения с выполнением родительских обязанностей. Чуть менее одной десятой опрошенных (9,78 %) затруднились выбрать оптимальный график, статистически незначительная доля опрошенных (3,51 %) предпочла бы жесткий график работы.

Данные, полученные в результате проведения фокус-групп и индивидуальных глубинных интервью, позволили выявить, как респондентки оценивают преимущества и недостатки дистанционной работы для матерей с несовершеннолетними детьми.

Положительное влияние дистанционной занятости проявляется прежде всего в том, что работающие матери проводят с детьми больше времени, имеют возможность контролировать их занятия в течение дня; у них больше прямого контакта и занятий с детьми, а также возможностей подстроиться под график детей (забрать из детского сада / школы, сводить в кружок и т. п.), и наконец, работающие матери могут быть более вовлечены в жизнь детей, не пускать на самотек их занятия:

Пусть хоть чуть-чуть времени, но ты дома больше. Дома с детьми что-то можешь показать, подсказать. Включить что-то. Даже если взять то время, когда до работы добираться, пусть даже полчаса, которые ты едешь, утром пробки, вечером пробки. Именно эти два часа ты экономишь, чтобы с детьми посидеть, позаниматься (женщина, 37 лет, руководитель учебного центра, не замужем, ребенок 7 лет);

Такие ситуации, что нужно будет ребенка куда-то отвезти, на дистанционке будет проще это сделать в дневное время, нежели когда ты сидишь на рабочем месте (женщина, 39 лет, работник клининга, замужем, дети 3 и 8 лет);

Сейчас он [сын] хотя бы сразу же уроки делает и кушает вовремя. Потому что раньше, когда я приходила с работы, приду в шесть, пока приготавливаю, пока покормлю, и мы садились уроки в восемь-девять начинали делать. Это уже поздно. А сейчас у нас к этому времени все готово, все уроки, все покормлены, все довольны и сыты. Мне дома вообще очень нравится. Конечно, очень удобно (женщина, 29 лет, мастер макияжа (фриланс), не замужем, дети 6 и 9 лет);

Если я работаю вне дома, я могу что-то упустить. Что-то не увидать, не узнать, вовремя не среагировать. Вовремя не помочь ребенку (женщина, 37 лет, маляр (фриланс), замужем, ребенок 8 лет).

С другой стороны, проблемные аспекты влияния дистанционного формата занятости могут проявляться в том, что ребенку бывает трудно понять, почему, находясь дома и занимаясь работой, мать не может уделить ему внимание; существует опасность гиперопеки, избытка контроля за детьми и их занятиями:

Когда человек работает на дому, надо дать понять детям, что я работаю на дому и что это на самом деле работа. Правильно надо объяснять эту ситуацию. Иначе получается, что ребенок видит дома маму, она погружена в компьютер, и она не уделяет внимания. У ребенка может сложиться совсем другое впечатление (женщина, 32 года, турагент (фриланс), не замужем, ребенок 12 лет);

Все равно это какое-то гипервнимание к детям. Все равно дети должны быть самостоятельными, учиться, падать, драться там в кровь. Это все должно быть, потому что они учатся жить. Когда ты дома сидишь, это мешает коммуникации и росту личности ребенка, когда ты его постоянно контролируешь (женщина, 38 лет, горничная, замужем, ребенок 11 лет).

В целом возможность работать из дома, по мнению матерей, принявших участие в фокус-группах и индивидуальных интервью, имеет больше плюсов, чем минусов, с точки зрения возможности уделять необходимое время детям. Качественное исследование продемонстрировало, что это главная сфера положительных эффектов удаленной работы.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о том, что существенная доля респонденток проводят большую часть рабочего времени на постоянном стационарном месте на территории работодателя; незначительна доля тех, кто имеет возможность работать удаленно или в гибридном формате. Вопреки тому что почти половина опрошенных могут использовать гибкий график работы, в большинстве случаев время начала, перерывов и окончания работы устанавливается работодателем.

Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на условия стандартной занятости, примерно две трети опрошенных работающих матерей положительно оценили свои текущие возможности по совмещению родительских и профессиональных обязанностей. При этом достаточно высока доля работающих матерей не вполне удовлетворенных временем, проводимым с детьми. Таким образом, на данный момент не нашла подтверждения наша гипотеза о том, что удовлетворенность временем, проводимым с детьми, напрямую зависит от условий совмещения родительских и профессиональных обязанностей в формате стандартной и нестандартной занятости. Этот результат может свидетельствовать о том, что, помимо баланса родительских и профессиональных обязанностей, могут существовать иные факторы, определяющие степень удовлетворенности работающих матерей временем, проводимым с детьми.

Несмотря на то что значительная доля работающих матерей положительно оценили свои текущие возможности по совмещению родительских и профессиональных обязанностей, подавляющее большинство респонденток убеждены, что оптимальные условия для этого обеспечиваются при гибком графике работы. Статистически значимая доля опрошенных женщин также считают, что гибридное рабочее место больше всего подходит для работающих матерей, так как позволяет совмещать плюсы и минусы стационарной и удаленной занятости. Таким образом, гипотеза о том, что для оптимального совмещения работы с выполнением родительских обязанностей работающие матери должны иметь гибридное рабочее место или гибкий график работы, нашла свое подтверждение.

Наши выводы в целом согласуются с результатами других исследований. В дальнейшем считаем перспективным продолжить изучение влияния параметров занятости на удовлетворенность работающих матерей временем, проводимым с детьми. Мы полагаем, что необходимо исследовать удовлетворенность временем, уделяемым детям, у работающих матерей с различными формами и форматами занятости, а также баланс положительных и отрицательных эффектов в практиках совмещения родительства и работы. Такое исследование позволило бы провести сравнительный анализ удовлетворенности временем, проводимым с детьми, у матерей с разными параметрами занятости.

Список источников

- Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры // *Женщина в российском обществе*. 2021. Спец. вып. С. 150—167.
- Белехова Г. В., Ивановская А. Л. Удовлетворенность балансом труда и семьи: взгляд работающих женщин: (региональный аспект) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15, № 1. С. 209—222.
- Блинова Т. В., Вяльшина А. А. Социальное самочувствие работающих матерей: современные проблемы // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 3. С. 103—114.
- В России растет число работающих мам с маленькими детьми // *РИА Новости*. 2019. URL: <https://ria.ru/20190930/1559261842.html> (дата обращения: 24.05.2024).
- Гурко Т. А. Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей // *Женщина в российском обществе*. 2022. № 4. С. 3—14.
- Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Валидова А. Ф. Диалог труда и материнства в условиях социально-экономической и территориальной дифференциации в Республике Татарстан // *Регионология*. 2019. Т. 27, № 4. С. 801—830.
- Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2018. № 3. С. 180—189.
- Калабихина И. Е. Измерение временем: новая парадигма социально-демографической политики // *Народонаселение*. 2020. Т. 23, № 2. С. 37—50.
- Карачук Т. С., Нагерняк М. А. Детерминанты занятости для матерей в России // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11, № 1. С. 25—48.
- Короленко А. В., Калачикова О. Н. «Время на детей»: ресурсные возможности современных родителей // *Социальное пространство*. 2019. № 5. С. 1—15.
- Разумова Т. О., Сертухова М. А. Теоретико-методологические основы формирования показателя баланса семья — работа // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 4. С. 466—476.
- Савинская О. Б. Баланс работы и семьи: стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей работающими матерями в Москве // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16, № 2. С. 142—167.
- Тимербулатова Э. С. Влияние профессиональной деятельности женщин-матерей на уровень их удовлетворенности жизнью // *Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика*. 2012. Т. 18, № 3. С. 100—104.
- Тонких Н. В., Черных Е. А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Т. 18, № 4. С. 477—490.
- Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // *Журнал исследований социальной политики*. 2012. Т. 10, № 3. С. 295—308.
- Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // *Росстат*. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 21.06.2023).
- Baxter J. Flexible work hours and other job factors in parental time with children // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 101, № 2. P. 239—242.
- Baxter J., Chesters J. Perceptions of work-family balance: how effective are family-friendly policies? // *Australian Journal of Labour Economics*. 2011. Vol. 14, № 2. P. 139—151.
- Bianchi S. M. Maternal employment and time with children: dramatic change or surprising continuity? // *Demography*. 2000. Vol. 37, № 4. P. 401—414.

- Carlson D., Grzywacz G., Zivnuska S.* Is work-family balance more than conflict and enrichment? // *Human Relations*. 2009. Vol. 62, № 10. P. 1459—1486.
- Chung H., van der Horst M.* Women's employment patterns after childbirth and the perceived access to and use of flexitime and teleworking // *Human Relations*. 2018. Vol. 71, № 1. P. 47—72.
- Craig L.* How employed mothers in Australia find time for both market work and childcare // *Journal of Family and Economic Issues*. 2007. Vol. 28, iss. 1. P. 69—87.
- Demerouti E., Derks D., Brummelhuis L., Bakker A.* New ways of working: impact on working conditions, work-family balance, and well-being // *The Impact of ICT on Quality of Working Life* / ed. by C. Korunka, P. Hoonakker. Dordrecht: Springer, 2014. P. 123—141.
- Feeney M. K., Stritch J. M.* Family-friendly policies, gender, and work-life balance in the public sector // *Review of Public Personnel Administration*. 2019. Vol. 39, № 3. P. 422—448.
- Fox L., Han W. J., Ruhm C., Waldfogel J.* Time for children: trends in the employment patterns of parents, 1967—2009 // *Demography*. 2013. Vol. 50, № 1. P. 25—49.
- Galinsky E., Bond J. T., Friedman D. E.* The role of employers in addressing the needs of employed parents // *Journal of Social Issues*. 1996. Vol. 52, № 3. P. 111—136.
- Gauthier A. H., Smeeding T., Furstenberg F. F.* Do We Invest Less Time in Children? Trends in Parental Time in Canada since the 1970s. Calgary: University of Calgary, 2001. 36 p.
- Greenhaus J. H., Beutell N. J.* Sources of conflict between work and family roles // *Academy of Management Review*. 1985. Vol. 10, № 1. P. 76—88.
- Gutiérrez-Domènech M.* Parental employment and time with children in Spain // *Review of Economics of the Household*. 2010. Vol. 8, № 3. P. 371—391.
- Hallberg D., Klevmarken A.* Time for children: a study of parent's time allocation // *Journal of Population Economics*. 2003. Vol. 16, iss. 2. P. 205—226.
- Ichino A., Galdeano A. S. de.* Reconciling motherhood and work: evidence from time-use data in three countries // *Contributions to Economic Analysis*. 2004. Vol. 271. P. 263—288.
- Javed U.* Combining career and care-giving: the impact of family-friendly policies on the well-being of working mothers in the United Kingdom // *Global Business and Organizational Excellence*. 2019. Vol. 38, № 5. P. 44—52.
- Kutrovátz K.* Parental time from the perspective of time pressure // *Review of Sociology*. 2017. Vol. 27, № 4. P. 20—39.
- Milkie M. A., Kendig S. M., Nomaguchi K. M., Denny K. E.* Time with children, children's well-being, and work-family balance among employed parents // *Journal of Marriage and Family*. 2010. Vol. 72, № 5. P. 1329—1343.
- Milkie M. A., Nomaguchi K., Schieman S.* Time deficits with children: the link to parents' mental and physical health // *Society and Mental Health*. 2019. Vol. 9, № 3. P. 277—295.
- Monna B., Gauthier A. H.* A review of the literature on the social and economic determinants of parental time // *Journal of Family and Economic Issues*. 2008. Vol. 29, iss. 4. P. 634—653.
- Nomaguchi K. M., Milkie M. A., Bianchi S. M.* Time strains and psychological well-being: do dual-earner mothers and fathers differ? // *Journal of Family Issues*. 2005. Vol. 26, № 6. P. 756—792.
- Noonan M. C., Estes S. B., Glass J. L.* Do workplace flexibility policies influence time spent in domestic labor? // *Journal of Family Issues*. 2007. Vol. 28, № 2. P. 263—288.
- Offer S.* Time with children and employed parents' emotional well-being // *Social Science Research*. 2014. Vol. 47. P. 192—203.

- Rapoport B., Le Bourdais C. Parental time and working schedules // *Journal of Population Economics*. 2008. Vol. 21, iss. 4. P. 903—932.
- Ruppanner L., Perales F., Baxter J. Harried and unhealthy? Parenthood, time pressure, and mental health // *Journal of Marriage and Family*. 2019. Vol. 81, № 2. P. 308—326.
- Voydanoff P. The differential salience of family and community demands and resources for family-to-work conflict and facilitation // *Journal of Family and Economic Issues*. 2005. Vol. 26, iss. 3. P. 395—417.
- Zannella M., De Rose A. Gender differences in the subjective perception of parenting time // *Rivista Italiana di Economia, Demografia e Statistica*. 2020. Vol. 74, № 2. P. 49—60.

References

- Bagirova, A. P., Blednova, N. D. (2021) Sovmeshchenie professional'nogo i roditel'skogo truda v otsenkakh ural'skikh zhenshchin: ob'ektivnye i sub'ektivnye bar'ery [Combination of professional and parental labor in assessments of Ural women: objective and subjective barriers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, spec. iss., pp. 150—167.
- Baxter, J. (2011) Flexible work hours and other job factors in parental time with children, *Social Indicators Research*, vol. 101, no. 2, pp. 239—242.
- Baxter, J., Chesters, J. (2011) Perceptions of work-family balance: how effective are family-friendly policies?, *Australian Journal of Labour Economics*, vol. 14, no. 2, pp. 139—151.
- Belekhova, G. V., Ivanovskaya, A. L. (2022) Udovletvorënnost' balansom truda i sem'i: vzgliad rabotaiushchikh zhenshchin: (Regional'nyĭ aspekt) [Satisfaction with the work-life balance: working women's view: (Regional aspect)], *Ėkonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, vol. 15, no. 1, pp. 209—222.
- Bianchi, S. M. (2000) Maternal employment and time with children: dramatic change or surprising continuity?, *Demography*, vol. 37, no. 4, pp. 401—414.
- Blinova, T. V., Vyal'shina, A. A. (2020) Sotsial'noe samochuvstvie rabotaiushchikh matereĭ: sovremennye problemy [Working mothers' social well-being: present-day problems], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 103—114.
- Carlson, D., Grzywacz, G., Zivnuska, S. (2009) Is work-family balance more than conflict and enrichment?, *Human Relations*, vol. 62, no. 10, pp. 1459—1486.
- Chernova, Z. V. (2012) Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii matereĭ [Balance of family and work: politics and individual strategies of mothers], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noĭ politiki*, vol. 10, no. 3, pp. 295—308.
- Chislennost' naseleniia Rossiiskoi Federatsii po polu i vozrastu (2023) [Population of the Russian Federation by sex and age], *Rosstat*, available from <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (accessed 21.06.2023).
- Chung, H., van der Horst, M. (2018) Women's employment patterns after childbirth and the perceived access to and use of flexitime and teleworking, *Human Relations*, vol. 71, no. 1, pp. 47—72.
- Craig, L. (2007) How employed mothers in Australia find time for both market work and childcare, *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 28, iss. 1, pp. 69—87.
- Demerouti, E., Derks, D., Brummelhuis, L., Bakker, A. (2014) New ways of working: impact on working conditions, work-family balance, and well-being, in: Korunka, C., Hoonakker, P. (eds), *The Impact of ICT on Quality of Working Life*, Dordrecht: Springer, pp. 123—141.

- Feeney, M. K., Stritch, J. M. (2019) Family-friendly policies, gender, and work-life balance in the public sector, *Review of Public Personnel Administration*, vol. 39, no. 3, pp. 422—448.
- Fox, L., Han, W. J., Ruhm, C., Waldfogel, J. (2013) Time for children: trends in the employment patterns of parents, 1967—2009, *Demography*, vol. 50, no. 1, pp. 25—49.
- Galinsky, E., Bond, J. T., Friedman, D. E. (1996) The role of employers in addressing the needs of employed parents, *Journal of Social Issues*, vol. 52, no. 3, pp. 111—136.
- Gauthier, A. H., Smeeding, T., Furstenberg, F. F. (2001) *Do We Invest Less Time in Children? Trends in Parental Time in Canada since the 1970s*, Calgary: University of Calgary.
- Greenhaus, J. H., Beutell, N. J. (1985) Sources of conflict between work and family roles, *Academy of Management Review*, vol. 10, no. 1, pp. 76—88.
- Gurko, T. A. (2022) Razvitiie instituta roditel'stva: analiz ėmpiricheskikh pokazatelei [Development of the parenthood institution: analysis of empirical indicators], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—14.
- Gutiérrez-Domènech, M. (2010) Parental employment and time with children in Spain, *Review of Economics of the Household*, vol. 8, no. 3, pp. 371—391.
- Hallberg, D., Klevmarck, A. (2003) Time for children: a study of parent's time allocation, *Journal of Population Economics*, vol. 16, iss. 2, pp. 205—226.
- Ichino, A., Galdeano, A. S. de (2004) Reconciling motherhood and work: evidence from time-use data in three countries, *Contributions to Economic Analysis*, vol. 271, pp. 263—288.
- Ildarhanova, C. I., Gnevasheva, V. A., Validova, A. F. (2019) Dialog truda i materinstva v usloviakh sotsial'no-ekonomicheskoi i territorial'noi differentsiatsii v Respublike Tatarstan [Dialogue of labor and motherhood in the context of socio-economic and territorial differentiation in the Republic of Tatarstan], *Regionologiya*, vol. 27, no. 4, pp. 801—830.
- Isupova, O. G. (2018) Intensivnoe materinstvo v Rossii: materi, docheri i synov'ia v shkol'nom vzroslenii [Intensive motherhood in Russia: mothers, daughters and sons in school growing up], *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 3, pp. 180—189.
- Javed, U. (2019) Combining career and care-giving: the impact of family-friendly policies on the well-being of working mothers in the United Kingdom, *Global Business and Organizational Excellence*, vol. 38, no. 5, pp. 44—52.
- Kalabikhina, I. E. (2020) Izmerenie vremenem: novaia paradigma sotsial'no-demograficheskoi politiki [Measuring by time: a new paradigm of socio-demographic policy], *Narodonaselenie*, vol. 23, no. 2, pp. 37—50.
- Karabchuk, T. S., Nagernyak, M. A. (2013) Determinanty zaniatosti dlia materei v Rossii [Employment determinants for mothers in Russia], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki*, vol. 11, no. 1, pp. 25—48.
- Korolenko, A. V., Kalachikova, O. N. (2019) “Vremia na detei”: resursnye vozmozhnosti sovremennykh roditelĭ [“Time for children”: modern parents' resource opportunities], *Sotsial'noe prostranstvo*, no. 5, pp. 1—15.
- Kutrovátz, K. (2017) Parental time from the perspective of time pressure, *Review of Sociology*, vol. 27, no. 4, pp. 20—39.
- Milkie, M. A., Kendig, S. M., Nomaguchi, K. M., Denny, K. E. (2010) Time with children, children's well-being, and work-family balance among employed parents, *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 5, pp. 1329—1343.
- Milkie, M. A., Nomaguchi, K., Schieman, S. (2019) Time deficits with children: the link to parents' mental and physical health, *Society and Mental Health*, vol. 9, no. 3, pp. 277—295.

- Monna, B., Gauthier, A. H. (2008) A review of the literature on the social and economic determinants of parental time, *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 29, iss. 4, pp. 634—653.
- Nomaguchi, K. M., Milkie, M. A. Bianchi, S. M. (2005) Time strains and psychological well-being: do dual-earner mothers and fathers differ?, *Journal of Family Issues*, vol. 26, no. 6, pp. 756—792.
- Noonan, M. C., Estes, S. B., Glass, J. L. (2007) Do workplace flexibility policies influence time spent in domestic labor? *Journal of Family Issues*, vol. 28, no. 2, pp. 263—288.
- Offer, S. (2014) Time with children and employed parents' emotional well-being, *Social Science Research*, vol. 47, pp. 192—203.
- Rapoport, B., Le Bourdais, C. (2008) Parental time and working schedules, *Journal of Population Economics*, vol. 21, iss. 4, pp. 903—932.
- Razumova, T. O., Serpukhova, M. A. (2022) Teoretiko-metodologicheskie osnovy formirovaniia pokazatelya balansa sem'ia — rabota [Theoretical and methodological foundations for the formation of the work-life balance indicator], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, vol. 18, no. 4, pp. 466—476.
- Ruppanner, L., Perales, F., Baxter, J. (2019) Harried and unhealthy? Parenthood, time pressure, and mental health, *Journal of Marriage and Family*, vol. 81, no. 2, pp. 308—326.
- Savinskaya, O. B. (2013) Balans raboty i sem'i: strategii sovmeshcheniia professional'nykh i semeinykh obiazannostei rabotaiushchimi materiami v Moskve [Balance of work and family: strategies for combining professional and family responsibilities by working mothers in Moscow], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 16, no. 2, pp. 142—167.
- Timerbulatova, E. S. (2012) Vliianie professional'noi deiatel'nosti zhenshchin-materei na uroven' ikh udovletvorennosti zhizn'iu [Effect of mother's professional experience on their life level of satisfaction], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, seriia Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika*, vol. 18, no. 3, pp. 100—104.
- Tonkikh, N. V., Chernykh, E. A. (2022) Kachestvo trudovoi, semeinoi i lichnoi zhizni pri udal'nooi rabote: mneniia rossiiskikh zhenshchin [The quality of work, family and personal life during remote work: opinions of Russian women], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, vol. 18, no. 4, pp. 477—490.
- V Rossii rastet chislo rabotaiushchikh mam s malen'kimi det'mi (2019) [In Russia, the number of working mothers with small children is growing], *RIA Novosti*, available from <https://ria.ru/20190930/1559261842.html> (accessed 24.05.2024).
- Voydanoff, P. (2005) The differential salience of family and community demands and resources for family-to-work conflict and facilitation, *Journal of Family and Economic Issues*, vol. 26, iss. 3, pp. 395—417.
- Zannella, M., De Rose, A. (2020) Gender differences in the subjective perception of parenting time, *Rivista Italiana di Economia, Demografia e Statistica*, vol. 74, no. 2, pp. 49—60.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 23.09.2024; принята к публикации 02.10.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 23.09.2024; accepted for publication 02.10.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Маркова Татьяна Леонидовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, markova_tl@usue.ru (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation).

Тонких Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая лабораторией кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, tonkihvn@usue.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Laboratory of the Department of Labor Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation).

Камарова Татьяна Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, kta@usue.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor at the Department of Labor Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation).

Еремкина Полина Евгеньевна — ассистентка кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия, polina.ackulowa@yandex.ru (Assistant at the Department of Labor Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
SOCIOLOGICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 139—155.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 139—155.

Научная статья

УДК 94:[314:316.356.2](47+57)"195"

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.9

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ
В 1950-х гг.**

Валентина Борисовна Жиромская^{1,2},

*Наталья Аркадьевна Араловец*¹,

*Наталья Викторовна Чернышева*³

¹ Институт российской истории, Российская академия наук,
г. Москва, Россия, zhygomskaaya@yandex.ru

² Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

³ Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье на основе законодательных материалов и данных статистики показано, что в 1950-х гг. в РСФСР и ее регионах численно преобладали семейные мужчины и женщины, преимущественно проживавшие совместно с семьей. Число членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, и особенно одиночек было небольшим. Однако численность одиночек повышалась, прежде всего среди женщин. Преобладали простые полные семьи, главами которых в большинстве случаев были мужчины. Семья в среднем состояла из 3—4 членов, обычно родителей и детей. Тип и величина российской семьи изменялись под влиянием колебаний уровней смертности и разводимости населения. Снижение показателей рождаемости уменьшало число детей в российских семьях, что также влияло на их величину. Семья становилась малочисленной и малодетной, прежде всего в городах. Принимаемые социально-демографические меры были направлены на стимулирование рождаемости, охрану здоровья женщин и детей, оздоровление населения в целом.

Ключевые слова: РСФСР, семья, тип, величина, детность, главы семей, рождаемость, смертность, брачность, разводимость, социально-демографическая политика

Благодарности: статья выполнена в ходе работы над проектом многотомного издания «История России».

Для цитирования: Жиромская В. Б., Араловец Н. А., Чернышева Н. В. Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг. // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 139—155.

Original article

DEMOGRAPHIC PARAMETERS OF RUSSIAN FAMILIES IN THE 1950s

Valentina B. Zhiromskaya^{1,2}, *Natalya A. Aralovets*¹,
*Natalya V. Chernysheva*³

¹ Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, zhyromskaya@yandex.ru

² Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

³ Institute for Demographic Research — Branch, Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on legislative materials and statistical data, the article shows that in the 1950s in the Russian Soviet Federative Socialist Republic and its regions, married men and women predominantly lived with their families. The number of family members living separately from families, but connected with them by a common budget, and especially single people, was small. However, the number of single people increased, especially among women. Nuclear families constituted the majority during this period. Men in these families were most often the heads of families. Families on average consisted of 3—4 members, usually parents and children. The type and size of Russian families changed under the influence of fluctuations in mortality and divorce rates of the population. Declining birth rates reduced the number of children in Russian families, which also affected their size. The birth rate began to decline, especially in cities. The social and demographic measures taken were aimed at stimulating the birth rate, protecting the health of women and children, and improving the health of the population as a whole.

Key words: Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), family, type, size, number of children, heads of families, birth rate, mortality, marriage rate, divorce rate, social policy, demographic policy

Acknowledgments: the article was prepared as part of the project of the multi-volume publication “History of Russia”.

For citation: Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A., Chernysheva, N. V. (2024) Demograficheskie parametry rossiiskoi sem'i v 1950-kh gg. [Demographic parameters of Russian families in the 1950s], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 139—155.

Введение

В 1950-х гг. огромные потери российского населения, особенно мужского, в годы Великой Отечественной войны, увеличение числа неполных семей, в том числе материнских, разводов и сокращение продолжительности брачной жизни усилили дальнейшую трансформацию брачно-семейных отношений. Обращение историков к изучению российской семьи, ее демографических параметров, прежде всего типа, величины, числа детей, представляется необходимым для понимания процесса изменения традиционной семьи и традиционного типа

воспроизводства населения. Особенно важно их изучение в исторической ретроспективе. В современной России актуальность рассмотрения этих вопросов в связи со сложной демографической ситуацией значительно возрастает. Авторы статьи на основе законодательных материалов, данных Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг. и текущей статистики изучают особенности демографических параметров российской семьи. Особое внимание уделяется мерам демографической политики, предпринимаемым в эти годы.

Характеристика основных демографических параметров российской семьи

В 1950-х гг. в РСФСР число семей возросло. Это повышение особенно заметно при сравнении данных переписей населения 1939 и 1959 гг. Численное увеличение семей было характерно и для РСФСР в целом, и для города, и для сельских местностей. В 1959 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 243 семьи (в 1939 г. — 219), в городах — 247 (231), в сельских местностях — 239 (213) [Итоги Всесоюзной переписи... , 1963: 450].

Как видим, в общем числе семей в РСФСР городская семья преобладала. Одним из факторов такого преобладания было численное увеличение городского населения. Численность городского населения в 1939 и в 1959 гг. к численности населения в 1913 г. составляла 232 и 393 % соответственно, сельского — 97 и 75 % [там же: 11].

В 1950-х гг. в РСФСР главами семей традиционно являлись мужчины. Следует отметить, что при переписи населения 1959 г. главу семьи фиксировали по выбору членов семьи. При затруднении назвать главу семьи им считался член, постоянно живший в семье и обеспечивающий основные средства к ее существованию [там же: 448].

Потери мужского населения в годы Великой Отечественной войны были очень велики. Так, численность мужчин 1920—1924 годов рождения в 1939 г. составляла в России 4,7 млн человек. В 1949 г. их осталось почти в два раза меньше — 2,7 млн. В возрастной группе мужчин 1915—1919 годов рождения в 1939 г. насчитывалось 4,2 млн человек, а в 1949 г. — лишь 2,5 млн. Итогом стало значительное нарушение соотношения мужчин и женщин в возрастно-половой структуре населения РСФСР, особенно в молодых, трудоспособных, репродуктивных возрастах [Андреев и др., 1998: 157—160]. Так, в 1946 г. в РСФСР удельный вес мужчин 20—27 лет колебался от 23,8 до 26,1 % [Исупов, 2019: 44].

Сложившийся дефицит мужчин, возрастание роли женщин практически во всех областях трудовой и общественной жизни страны, а также в семейных отношениях способствовали сокращению числа мужчин — глав семей и увеличению числа глав семей — женщин (рис. 1). В 1959 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 169 семей, в которых главами являлись мужчины, и 74 семьи, где главами были женщины, в 1939 г. — 171 и 48 соответственно. Однако в городах число мужчин — глав семей изменилось незначительно, особенно по сравнению с численным повышением глав семей — женщин (177 и 70, 178 и 53 соответственно). В сельских местностях видно

существенное сокращение числа мужчин — глав семей и увеличение глав семей — женщин (159 и 80, 168 и 50) [Итоги Всесоюзной переписи... , 1963: 450].

Рис. 1. Доля мужчин и женщин глав российских городских и сельских семей в 1939 и 1959 гг., %

В 1950-х гг. в ряде российских регионов, например в Адыгейской автономной области, преобладание глав семей — мужчин было выражено резче, чем в РСФСР в целом. Значительное число глав семей — мужчин отмечалось в городах этой автономной области. В 1959 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в Адыгейской автономной области приходилось 179 семей, в которых главами являлись мужчины, и 75 семей, где главами были женщины; в городах — 192 и 71 соответственно; в сельских местностях — 172 и 7 (рассчитано по: [там же: 430, 442]).

В эти годы в РСФСР существовали семьи с авторитарной властью главы семьи — мужчины. Однако надо также учитывать изменения брачно-семейных отношений. Многие женщины называли главами семей мужчин традиционно, что не всегда соответствовало реальным взаимоотношениям [Население России... , 2001: 237]. В послевоенные годы исследователи выделяют три типа сложившихся внутрисемейных отношений: глава семьи — мужчина; фактическое равенство супругов при формальном главенстве мужа; главы семей — вдовы, разведенные женщины и матери-одиночки с внебрачными детьми [Араловец, 2010: 61].

В 1950-х гг. в РСФСР заметно преобладали семейные мужчины и женщины. Важно отметить, что большинство мужчин и женщин состояли в браке. Вместе с тем большие потери населения в годы Великой Отечественной войны способствовали тому, что в 1950-х гг. по сравнению с 1930-ми численность мужчин и особенно женщин, состоявших в браке, снизилась. В 1939 г.

в РСФСР на 1 тыс. человек населения приходилось 702 мужчины и 597 женщин, состоявших в браке.

В условиях послевоенной диспропорции полов видно численное превалирование состоявших в браке мужчин. Это явление было характерно для городов и сельских местностей РСФСР. В 1959 г. на 1 тыс. человек населения в РСФСР приходилось 692 мужчины и 505 женщин, состоявших в браке; в городах — 687 и 520 соответственно; в сельских местностях — 698 и 488. В 1959 г. в РСФСР наибольшее число женатых мужчин отмечалось в Горно-Алтайской автономной области (Западно-Сибирский район), замужних женщин — в Сахалинской области (Дальневосточный район) (738 и 698 соответственно).

Состоявшие в браке мужчины численно преобладали в сельских местностях, женщины — в городах, где имелось значительно больше возможностей выйти замуж. Число состоявших в браке женщин в сельских местностях было ниже, чем в городах и в РСФСР в целом.

Однако в наиболее молодых возрастах (16—17 и 18—19 лет), а также в активных брачных и репродуктивных (20—24 лет) превалировали состоявшие в браке женщины. В 1959 г. в РСФСР на 1 тыс. мужчин приходилось 4 состоявших в браке мужчины 16—17 лет, 38 мужчин — 18—19 лет, 269 — 20—24 лет; в городах — 3, 33, 251 соответственно, в сельских местностях — 6, 44, 293. На 1 тыс. женщин — 24, 143, 479; 16, 111, 446; 34, 186, 527 соответственно. С дальнейшим увеличением возраста (25—29 лет и старше) численно преобладали состоявшие в браке мужчины [Итоги Всесоюзной переписи... , 1963: 98].

Самое большое число членов семей, проживавших совместно с семьей, было в Горьковской, Новосибирской, Курской областях, Чечено-Ингушской АССР и др. В 1959 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в Горьковской области приходилось 896 членов семей, проживавших совместно с семьей, в Новосибирской — 899, Курской — 917, Чечено-Ингушской АССР — 924 (рассчитано по: [там же: 428, 430, 432, 434]). Особенности брачного состояния российского населения отразились на типе семьи.

Среди семейных мужчин и женщин особенно выделялись проживавшие совместно с семьей. В 1959 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 888 членов семей, проживавших совместно с семьей, в городах — 866, в сельских местностях — 912 (рис. 2). Однако мужчин — членов семей, проживавших совместно с семьей, было численно меньше, чем женщин, особенно в сельских местностях. В 1959 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 390 мужчин и 498 женщин членов семей, проживавших совместно с семьей, в городах — 381 и 485 соответственно, в сельских местностях — 400 и 512 [там же: 450].

За межпереписной период с 1939 по 1959 г. число мужчин, проживавших совместно с семьей, увеличилось только в городах, соответствующее число женщин повысилось и в городах, и в сельских местностях.

Заметно ниже была численность членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом (в основном это взрослые дети, не состоявшие в браке и не имевшие своих семей). Члены семей, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, преимущественно

находились в молодых трудоспособных возрастах до 20 лет (в РСФСР их численность составляла 28,2 % от общего числа членов этих семей) и особенно от 20 до 29 лет (в РСФСР — 44,8 %, в городах — 47,5 %, в сельских местностях — 40,5 %) (рассчитано по: [там же: 428, 451]).

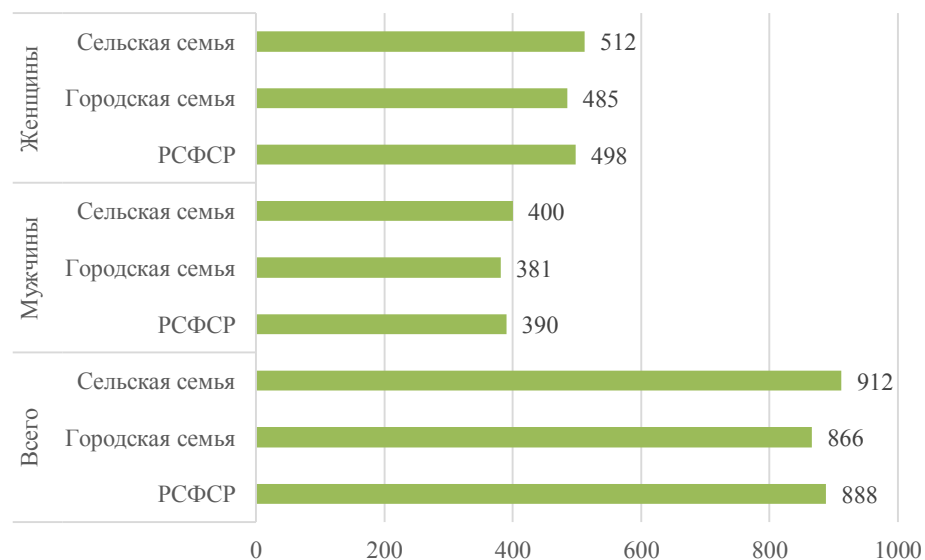

Рис. 2. Члены российских семей, проживавшие совместно с семьей (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.), %

С увеличением возраста членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом, их численность заметно снижалась. Это явление было обусловлено тем, что многие из них вступали в брак и создавали свои семьи. Интересны данные по самым старшим возрастным группам — 60 лет и более: в РСФСР доля лиц, входящих в эти группы и проживающих отдельно, составляла 4,7 %, в городах — 3,2 %, в сельских местностях существенно выше — 7,1 %. Здесь уже ощущается влияние Закона СССР «О государственных пенсиях» от 14 июля 1956 г., в связи с которым городские пенсионеры получили возможность жить отдельно от семьи [Ведомости Верховного Совета... , 1960].

За период с 1939 по 1959 г. в РСФСР видно численное сокращение членов семей, проживавших отдельно от семьи, но связанных с ней общим бюджетом. В городах, напротив, отмечалось значительное возрастание их числа. В 1939 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 83 члена таких семей, в городах — 19, в сельских местностях — 65; в 1959 г. — 64, 75, 52 соответственно.

Мужчины чаще женщин являлись членами семей, проживавшими отдельно от семьи, но связанными с ней общим бюджетом. Это были лица, уехавшие на заработки в города или в другие регионы страны либо находившиеся в стадии развода, еще не оформленного юридически. В 1959 г.

на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 43 мужчины — члена таких семей, в городах — 50, в сельских местностях — 35; а также 21, 25, 17 женщин соответственно. Однако по сравнению с данными переписи населения 1939 г. их число снизилось и среди мужчин, и среди женщин (в 1939 г. — 52, 73, 42; 31, 46, 23 соответственно).

Число одиночек, т. е. лиц, не связанных с семьей общим бюджетом и не имевших семьи, было низким, особенно в сельских местностях. Вместе с тем их численность увеличивалась. В 1939 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 27 одиночек, в 1959 г. — 48. В городах их удельный вес был выше — 50 и 59 соответственно. В сельских местностях — 16 и 36.

Увеличение числа одиночек было обусловлено высоким уровнем смертности населения, а также дестабилизацией брака в годы Великой Отечественной войны. Среди одиночек численно преобладали лица 20—29 лет, т. е. находившиеся в активных брачных возрастах, и пожилые люди 60 и более лет, овдовевшие или не создавшие семьи в результате людских потерь в Первую и Вторую мировые войны. В составе одиночек люди пожилых возрастов заметно превалировали в сельских местностях (подсчитано по: [Итоги Всесоюзной переписи... , 1963: 451]).

Сопоставление данных переписей населения показало снижение числа одиночек среди мужчин и увеличение среди женщин. В 1939 г. на 1 тыс. человек постоянного населения в РСФСР приходилось 11 одиночек-мужчин и 16 одиночек-женщин, в городах — 21 и 29 соответственно, в сельских местностях — 6 и 10; в 1959 г. — 12 и 36, 17 и 42, 7 и 29 соответственно [там же: 450—451].

По социальной принадлежности члены семей, проживавшие отдельно от семьи, но связанные с ней общим бюджетом, и одиночки относились преимущественно к рабочим. Это объяснялось миграцией мужчин и женщин молодых трудоспособных возрастов в основном из сельских местностей в города на учебу и работу.

В РСФСР наиболее распространенными демографическими типами семей были: супружеская пара с детьми или без детей, с одним из родителей супругов, с другими родственниками; две и более супружеские пары с детьми или без детей, с одним из родителей супругов, с другими родственниками; матери (отцы) с детьми, с одним из родителей супругов, с другими родственниками.

Среди демографических типов семей фиксировались неполные семьи без одного родителя, чаще всего без отца. Эти семьи образовывались в результате распада брака (развода) или смерти одного из родителей. Однако особое место занимала неполная семья, в которую входили мать, не состоявшая в браке, и ее внебрачный ребенок, в метрике которого вместо данных об отце с 1944 г. ставился прочерк. Общественное мнение в большинстве случаев было настроено крайне негативно по отношению и к матери, и к ребенку, несмотря на то что многие женщины не успели оформить брак в загсе до принятия указа 1944 г. Следует отметить, что по этому указу считались законными только браки, зарегистрированные в органах ЗАГС. Позднее, с ноября 1944 г., признавались через суд фактические брачные отношения, существовавшие между лицами до издания указа от 8 июля 1944 г., в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из лиц.

Однако в 1950-х гг., особенно во второй их половине, ситуация в обществе постепенно начала изменяться. В конце 1960-х гг. прочерк в данных об отце у ребенка, родившегося вне брака, был отменен.

В 1950-х гг. в РСФСР распространенным типом семьи была простая полная семья, состоявшая из супружеской пары с детьми или без детей. Этому типу семьи соответствовала величина российских семей, зафиксированная в данных переписи населения 1959 г. (табл. 1).

Семья в среднем состояла из 3—4 членов. Значимым фактором сокращения ее величины был высокий уровень смертности населения на фронте, а также в тыловых, прифронтовых районах и на оккупированных врагом территориях.

Таблица 1

Распределение российских семей по количеству в ней членов, человек

Год	Всего	Город	Село
1939	4,1	3,6	4,3
1959	3,6	3,5	3,8

Величина семей в отдельных регионах была выше общероссийских показателей (например, в Калмыцкой АССР — 4,0, 4,0, 4,0; в Марийской АССР — 4,0, 3,7, 4,1), но и здесь семьи в целом были относительно невелики [там же: 439—450].

Влияние демографических факторов на тип и величину российской семьи

Тип и величина российской семьи изменялись под влиянием демографических факторов, прежде всего смертности и разводимости населения. Смерть или уход из семьи одного из супругов изменяли ее тип и величину, членов семьи — величину. В 1950-х гг. в РСФСР показатели смертности населения снижались, особенно по сравнению с послевоенными годами. Это явление фиксировалось и в городах: на 1 тыс. человек населения в 1947 г. умерло 17,9, в 1950 г. — 10,4, в 1955 г. — 7,5. Снижение смертности было обусловлено прежде всего улучшением условий жизни, труда, питания российского населения. Однако в РСФСР регистрировались случаи повышения смертности населения. В 1953 г. в России уровень смертности населения повысился в отдельных регионах. В 1959 г. в РСФСР на 1 тыс. человек населения умерло 7,8 [Население России... , 2001: 233—234]. Наряду с этим, в 1950-х гг. в РСФСР уровень смертности населения в целом снижался, чему соответствовало доминирование простых полных семей с мужчинами во главе. Продолжительность жизни у мужчин была меньше, чем у женщин. Высокие показатели смертности фиксировались у мужчин в средних трудоспособных возрастах (40—59 лет), что сокращало продолжительность жизни в браке у женщин, увеличивало число вдов и неполных семей. Ожидаемая продолжительность жизни в браке в 1959 г. у мужчин была 41,2 года, у женщин — 28,3 года [Дарский, 1979: 78].

Однако в 1950-х гг. тип и величина российской семьи в большей степени зависели от разводов населения. Тем более что после окончания войны брачные союзы стали менее прочными, особенно в городах [Население России... , 2001: 235, 351].

Таблица 2

Сведения о числе разводов на 1000 зарегистрированных браков

	1949 г.	1955 г.
РСФСР	34,2	68,3
Городская местность	57,7	106,2

Хотя кризис брака имел место в послевоенный период в основном в связи со значительными потерями мужского населения в годы войны, он не был ни глубоким, ни необратимым. Семейные идеалы по-прежнему традиционно имели большую ценность. Об этом говорит и довольно высокий уровень брачности, и относительно малое число разводов. Из приведенных выше данных видно, что в 1955 г. распалось менее 7 % заключенных браков (табл. 2). В 1950-х гг. основную часть расторгнутых браков составляли браки продолжительностью 1—5 лет, но было значительно и число расторгнутых бездетных браков длительностью менее года.

Вдовы и разведенные заключали повторные браки. В условиях численного преобладания женщин в возрастно-половом составе российского населения мужчины активно вступали в повторные браки, женщины — довольно редко. В итоге возрастало число одиноких женщин в брачных и репродуктивных возрастах, а также неполных семей, с одной стороны, и образовавшихся в результате повторных браков простых полных семей — с другой. Таким образом, повторные браки влияли на демографические параметры семьи.

В 1950-х гг. российские семьи были не только малочисленными, но и малодетными. В них преимущественно воспитывались 1—2 ребенка. Сокращение числа детей в семьях определялось снижением показателей рождаемости. Кроме того, сокращение происходило за счет повышенной детской смертности рожденных в военные и первые послевоенные годы. Если младенческая смертность в 1950-х гг. снижалась, то смертность детей 1941—1945 и 1946—1950 годов рождения была высока прежде всего из-за врожденной слабости и трудных условий первых лет их жизни. К 1955 г. число детей 1941—1945 годов рождения сократилось более чем на 500 тыс., а 1946—1950 годов рождения — примерно на 450 тыс. [Андреев и др., 1998: 157—160].

В конце 1950-х гг. в РСФСР отмечалось понижение уровня брачной и внебрачной рождаемости населения после повышения в условиях компенсаторного периода. Одним из факторов этого явления была легализация аборт. 23 ноября 1955 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» [Сборник законов СССР... , 1968: 423]. На 1 тыс. человек населения родилось детей: в 1955 г. — 25,7, в 1957 г. — 25,5, в 1959 г. — 25,0. В городах на 1 тыс. человек населения в 1949 г. родилось 33,4 ребенка, в 1959 г. — 23,7. В 1950-х гг. в сельских местностях также фиксировалось ежегодное понижение уровня рождаемости за исключением 1954 и 1957 гг. [Население

России... , 2001: 262—263, 344; Демографическая политика... , 1978: 7; Население СССР... , 1988: 100].

В 1950-х гг. уменьшались показатели младенческой смертности, особенно в городах (с детской смертностью ситуация была более сложной). На 1 тыс. родившихся умерло детей до года: в 1950 г. — 102,1, в 1955 г. — 58,4. В СССР также регистрировалось сокращение младенческой смертности (81 и 60 ‰ соответственно). В 1959 г. младенческая смертность снизилась до 41 ‰. Однако, несмотря на понижение младенческой смертности, ее уровень оставался высоким [Население России... , 2001: 241]. Вместе с тем сокращение младенческой смертности оказывало влияние на сокращение рождаемости, так как у матерей повышалась уверенность в сохранении здоровья и жизни их детей и они переставали ориентироваться на большое число родов. Снижение рождаемости (и это одна из основных особенностей демографического развития рассматриваемого периода) происходило очень быстрыми темпами. В итоге снижение смертности, в том числе младенческой, не компенсировало уменьшение числа рождений. Оказало влияние нарушение соотношения фаз демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения: первая фаза — снижение смертности — очень затянулась в силу негативного влияния экзогенных факторов, вторая же фаза — снижение рождаемости — произошла очень быстро, при появлении первых благоприятных условий в период послевоенного восстановления населения. Таким образом, демографическая ситуация, сложившаяся в послевоенные годы, «не укладывалась в рамки традиционного развития демографического перехода» [Жиромская, 2007: 11]. Одним из последствий обозначенной специфики демографического развития было быстрое сокращение числа детей в семье и ее величины в целом. Это одна из основных причин отсутствия у российского населения демографического «выигрыша» — многочисленного поколения, рожденного в период уже снизившейся смертности и все еще высокой рождаемости.

Изменение демографических параметров обусловило активное развитие демографической политики. К тому же во второй половине 1950-х гг. в СССР, несмотря на сохранявшуюся секретность многих демографических данных, их крайнюю малочисленность в открытой печати, началось возрождение демографической науки и статистики населения. В 1959 г. была проведена перепись населения и пересмотрены многие формы текущей статистической отчетности о рождениях, смертях, браках и разводах [Рубан, 2023: 52].

Важно также отметить, что в СССР меры демографической политики органично включались в социальную политику. Многие исследователи считали, что в Советском государстве самостоятельная демографическая политика вообще не проводилась [Илишева, 2011: 99]. Вместе с тем общие и конкретные цели демографической политики длительное время оставались дискуссионными [Кваша, 1981: 128—134]. Однако утвержденный законодательно и реально осуществлявшийся комплекс пронаталистских по своему характеру мер свидетельствует о важном этапе формирования в рассматриваемый период именно демографической политики.

Демографы отмечали недооценку существенных взаимосвязей между социально-экономическими условиями и демографическим воспроизводством.

Эта недооценка, по их мнению, не позволила своевременно предвидеть перестройку всей структуры демографического поведения населения в отношении формирования семьи, деторождения [Елизаров, 2017].

Меры социальной и демографической политики, направленные на поддержку российской семьи

В сложившейся ситуации государство осуществляло меры социально-демографического характера, направленные на поддержку материнства и детства. Такими мерами являлись: материальное и моральное стимулирование рождаемости; охрана здоровья женщин в дородовой и послеродовой периоды; борьба за укрепление здоровья детей; социальная защита сирот и беспризорных детей [Жирумская, 2009: 54].

В русле реализации данной политики государство поддерживало одиноких и многодетных матерей. В первые послевоенные годы в осуществлении мер помощи были значительные трудности, однако постепенно ситуация улучшилась [Сулейманова, 2024: 98—99]. Увеличивались расходы на выплату пособий: в 1950 г. по отношению к 1940 г. — на 33,6 %, в 1960 г. по отношению к 1950 г. — на 73,8 % [Вестник статистики, 1971: 91]. Повысились пособия по беременности и родам, а также на приобретение предметов ухода за ребенком. Одновременно выросли расходы на обслуживание детей в детских дошкольных и школьных учреждениях. Осуществлялась выплата единовременных пособий на третьего и последующего ребенка.

Особое внимание уделялось беременным женщинам. 26 марта 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам». Отпуск по беременности и родам увеличился с 77 до 112 календарных дней. Кроме того, за этот период выдавались пособия. В случаях осложнений родов или рождений двух и более детей отпуск продлевался до 70 календарных дней [Сборник законов СССР... , 1968: 195].

В 1950-х гг. вводились (1—2 раза в год) массовые профилактические осмотры женщин всех возрастов. На крупных предприятиях создавались гинекологические кабинеты и женские консультации. Существенное внимание уделялось распространению грамотного медицинского родовспоможения. В эти годы для помощи родившим женщинам продолжали работать бесплатные молочные кухни и раздаточные пункты, создававшиеся при кухнях и отдельно. Ослабленных детей по распоряжению Совета Министров РСФСР (март 1947 г.) госпитализировали после выписки из роддомов в детские больницы, где они находились вместе с матерями [О мероприятиях по дальнейшему снижению... , 1947]. В мае 1949 г. было принято постановление правительства, в котором в числе основных задач ставилась задача увеличения числа роддомов и улучшения качества их работы [О мероприятиях по расширению... , 1949].

Социально-демографические мероприятия были направлены на помощь работающим женщинам с детьми. Расширялась сеть яслей, в том числе сезонных. Однако современные исследователи высказывают мнение о том, что развитие государственных дошкольных учреждений вносило изменение в функции

семьи и государства по воспитанию детей, в сочетании с другими мерами укрепляло модель «два кормильца при государственном уходе за детьми». Это приводило к снижению родительской ответственности, распространению разводов, увеличению числа матерей-одиночек [Илишева, 2011: 101]. Проблемы такого рода возникали. Однако дошкольные учреждения не только позволяли родителям, особенно матерям, заниматься внесемейной деятельностью — получать образование, работать, достигать служебных успехов, повышать экономическое обеспечение семьи, но и ограничивали возможности проявлений патриархального диктата отца по отношению к жене и детям, домашнего насилия, усиливали экономическую стабильность семьи. Дети в яслях и детских садах получали питание (с учетом непростых экономических условий для рассматриваемого периода это было очень важно), медицинское наблюдение, с детьми проводились развивающие занятия. Система дошкольных учреждений не была свободна от недостатков, яслей и детских садов не хватало, не все помещения были соответствующе оборудованы, квалификация персонала нередко не удовлетворяла требованиям. Но в целом система государственных дошкольных учреждений себя оправдывала. Опыт ее работы получил распространение во многих странах. Не будем забывать, что в 1950-х гг. эта система была еще довольно ограниченной. Женщины-домохозяйки являлись тогда не редкостью. Часто для ухода за детьми привлекались няни. Практика найма няни по трудовому договору была в рассматриваемый период распространена и давала как позитивные, так и негативные результаты.

В 1950-х гг. принимались разнообразные меры, связанные с укреплением здоровья детей. В детских туберкулезных больницах, круглогодичных санаториях проводилась не только борьба со всеми формами туберкулеза, но и их профилактика. Одновременно расширялась сеть детских инфекционных больниц. В эти годы большинство детей были охвачены прививками, в том числе от тифа, паратифа, дифтерии, полиомиелита, удалось не допустить распространения массовых детских эпидемий. Внимание уделялось медицинской помощи детям-инвалидам, решались вопросы их протезирования. Организовывались специализированные дома для детей-инвалидов.

Медицинской помощью были охвачены учащиеся школ фабрично-заводского обучения (ФЗО) и ремесленных училищ (возраст 14—20 лет). В начале 1950-х гг. учащиеся ФЗО и ремесленных училищ начали проходить диспансеризацию [50 лет советского здравоохранения... , 1967: 118].

Тяжелым наследством войны являлись сиротство и безотцовщина. Родители детей-сирот погибли в годы войны, умерли в период послевоенного голода, оказались в сложной жизненной ситуации [Жиромская, Араловец, 2018: 105]. Работали детские дома, где сироты получали кров, питание, медицинское обслуживание, общее обучение и профессиональную подготовку. Ряд государственных служб разыскивали родственников оставшихся сиротами детей, широко была распространена опека, поощрялось усыновление (удочерение). При этом усыновители и опекуны проходили строгую предварительную проверку. Использовался патронат, но эта практика была признана неудачной, способствующей реализации корыстных целей «патрона».

В послевоенные годы на женщин-матерей возлагались основные обязанности по воспитанию детей («мать никто заменить не может») [Хасбулатова, Смирнова, 2022: 12].

Демографические меры были направлены и на борьбу с заболеваемостью взрослого населения, в основном на подавление наиболее смертоносных и подрывающих здоровье групп заболеваний. В этот период системе здравоохранения было свойственно жесткое целеполагание.

Анализ структуры заболеваемости населения СССР и РСФСР свидетельствовал о том, что во второй половине 1940-х гг. оживились такие болезни, как туберкулез легких, болезни сердца, воспаление легких, желудочно-кишечные заболевания, в том числе инфекционные, онкология. В 1949 г. в городах РСФСР смертность от этих болезней составляла 60 % (от общего числа умерших). Проводилась активная политика лечения и профилактики туберкулеза (больницы, санатории, медикаменты, усиленное питание). Серьезную опасность представляла малярия, заболевшие исчислялись миллионами. В 1945 г. в РСФСР насчитывалось 2 млн больных малярией, причем 33 % из них относились к «свежезаболевшим». В апреле 1947 г. Совет Министров РСФСР принял специальное Постановление «О мероприятиях по снижению заболеваемости малярией» [Систематическое собрание законов РСФСР... , 1967: 329]. Осуществлялась противомаларийная химиопрофилактика, а также противорецидивное лечение. В итоге к середине 1950-х гг. смертность от туберкулеза в РСФСР сократилась по сравнению с 1949 г. в 2 раза, а массовая заболеваемость малярией практически прекратилась [там же: 330].

Активно велась борьба со вспышкой венерических заболеваний, которые представляли серьезную проблему как для жизни больного, так и для существования семей и рождения здорового потомства.

Тяжелым следствием войны являлось резкое увеличение в стране числа инвалидов, что потребовало особого внимания со стороны правительства и общественных организаций. Инвалиды Великой Отечественной войны были обеспечены повышенными пенсиями. Но этого было недостаточно для возвращения человека к полноценной жизни, и трудовой, и семейной. Профобучением и трудоустройством инвалидов государство занималось довольно успешно, в основном через систему артелей. Нерешенной осталась проблема рабочих протезов, недостаточным было обеспечение инвалидными колясками и даже косметическими протезами. Важной задачей медицины было устранение внешних последствий ранений и травм. Этот вопрос не привлекал особого внимания историографов. Но молодые мужчины и женщины страдали от последствий ранений и ожогов и физически, и морально. Для некоторых из них, особенно для женщин, это означало безбрачие. И здесь надо отметить успешные пластические операции, осуществлявшиеся на базе Академии медицинских наук и госпиталей разных регионов страны [Население России... , 2001: 236—237, 352].

В современных исследованиях обращается внимание на существование не только помогающих населению мер, но и ограничений, таких как криминализация абортов (1936—1955 гг.), налог на безбрачие и малосемейность, усложнение процедуры разводов, прочерк в метрике вместо данных о биологическом отце

ребенка, рожденного вне брака, отрицательное отношение в обществе к матери-одиночке. Все это дестабилизировало семью [Найданов, 2020; Накачи, 2022: 40—48; Рубан, 2023]. Кроме того, меры социальной и демографической политики преимущественно были направлены на поддержку женщин и детей. В то же время заметно меньше внимания уделялось мужчинам и пожилым людям, несмотря на потери мужского населения, ухудшение состояния здоровья населения в целом в годы Великой Отечественной войны. Однако важно отметить, что проведение демографической политики способствовало достижению достаточно высокого уровня рождаемости, снижению смертности и повышению продолжительности жизни населения. В целом это положительно сказывалось на демографических показателях семьи.

Заключение

Таким образом, в 1950-х гг. в РСФСР семьи преимущественно были простыми, полными, малочисленными и малодетными. Доминирование простых семей, заметное сокращение величины семьи, количества детей в семьях объяснялось огромными людскими потерями, особенно мужчин, в том числе в активных брачных и репродуктивных возрастах, ослаблением здоровья населения, дестабилизацией брачно-семейных отношений в годы Великой Отечественной войны. Снижение уровня рождаемости, все еще относительно высокий уровень смертности (несмотря на тенденцию к снижению), в том числе младенческой и особенно детской, увеличение количества разводов сказывались на демографических параметрах семьи в послевоенный период. Принимаемые и реализуемые социально-демографические меры были направлены на стимулирование рождаемости, поддержку женщин с детьми, стабилизацию семьи, оздоровление населения в целом.

Список источников

- Андреев А., Дарский Л., Харьковская Т.* Демографическая история России: 1926—1959 гг. М.: Информатика, 1998. 187 с.
- Араловец Н. А.* Брак и семья в РСФСР в послевоенные годы // *Российская история*. 2010. № 4. С. 55—53.
- Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 18. Ст. 143.
- Вестник статистики: ежемесячный теоретический научно-практический журнал. 1971. № 1. С. 91.
- Дарский Л. Е.* Формирование семьи: демографо-статистическое исследование. М.: Статистика, 1979. 208 с.
- Демографическая политика в современном мире. М.: Наука, 1978. 178 с.
- Елизаров В. В.* Теория и практика демографической политики в СССР // *Статистика и экономика*. 2017. № 5. С. 71—84.
- Жиромская В. Б.* От военных потерь к консенсуальному браку: особенности демографического развития России в XX веке // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России*. 2007. № 3. С. 5—20.

- Жиромская В. Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России: историко-демографический аспект, 1946—1960. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2009. 310 с.
- Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX — начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.: Ин-т рос. истории РАН: Центр гуманитар. инициатив, 2018. 223 с.
- Илишева Н. К. Особенности демографической политики в России: история и современность // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2011. № 12. С. 99—105.
- Исупов В. А. Гендерный дисбаланс сельского населения России (РСФСР) в годы Второй мировой войны (1939—1945 гг.) // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 1. С. 32—49.
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
- Кваша А. Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
- Найданов Н. А. Исторический обзор государственной политики СССР в области демографии // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических и правовых реформ. Барнаул: Азбука, 2020. С. 530—541.
- Накачи М. Анализ пронаталистской семейной политики в СССР в 1940-х — 1960-х годах // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9, № 1. С. 34—55.
- Население России в XX веке: исторические очерки. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2. 416 с.
- Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. 212 с.
- О мероприятиях по дальнейшему снижению заболеваемости детей: Постановление Совета Министров РСФСР от 7 марта 1947 г. № 178. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=2049#CfsWJDUEJyxSynPr> (дата обращения: 20.05.2024).
- О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и родильных домов и улучшению их работы: Постановление Совмина СССР от 18 мая 1949 г. № 2004. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3316#uMTXJDUOcx8KG82p> (дата обращения: 20.05.2024).
- 50 лет советского здравоохранения, 1917—1967: сборник статей. М.: Медицина, 1967. 698 с.
- Рубан А. А. Советская демографическая политика: особенности и результаты // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 4А. С. 50—55.
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938—1967. М.: Известия, 1968. Т. 2. 896 с.
- Систематическое собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений правительства РСФСР. М.: Юрид. лит., 1967. Т. 10. 452 с.
- Сулейманова Р. Н. «Многодетным матерям — должное внимание». Как в Башкирии выполнялся Указ Президиума Верховного Совета СССР 1944 г. // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 93—102.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Эволюция женского вопроса в российском обществе (1900—2020) // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 3—21.

References

- Andreev, A., Darsky, L., Kharkova, T. (1998) *Demograficheskaia istoriia Rossii: 1926—1959 gg.* [Demographic history of Russia: 1926—1959], Moscow: Informatika.
- Aralovets, N. A. (2010) Brak i sem'ia v RSFSR v poslevoennye gody [Marriage and family in the RSFSR in the post-war years], *Rossiiskaia istoriia*, no. 4, pp. 55—63.
- Darsky, L. E. (1979) *Formirovanie sem'i*: Demografo-statisticheskoe issledovanie [Family formation: Demographic and statistical research], Moscow: Statistika.

- Demograficheskaia politika v sovremennom mire* (1978) [Demographic policy in the modern world], Moscow: Nauka.
- Elizarov, V. V. (2017) Teoriia i praktika demograficheskoi politiki v SSSR [Theory and practice of demographic policy in the USSR], *Statistika i ekonomika*, no. 5, pp. 71—84.
- Ilishcheva, N. K. (2011) Osobennosti demograficheskoi politiki v Rossii: istoriia i sovremennost' [Features of demographic policy in Russia: history and modernity], *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Isoriia*, no. 12, pp. 99—105.
- Isupov, V. A. (2019) Gendernyi disbalans sel'skogo naseleniia Rossii (RSFSR) v gody Vtoroi mirovoi voiny (1939—1945 gg.) [Gender imbalance of the rural population of Russia (RSFSR) during the Second World War (1939—1945)], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 6, no. 1, pp. 32—49.
- Itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1959 goda. RSFSR* (1963) [Results of the 1959 All-Union Population Census. RSFSR], Moscow: Gosstatizdat.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2022) Èvoliutsiia zhenskogo voprosa v rossiiskom obshchestve (1900—2020) [The evolution of women's issues in Russian society (1900—2020)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 3—21.
- Kvasha, A. Ya. (1981) *Demograficheskaia politika v SSSR* [Demographic policy in the USSR], Moscow: Finansy i statistika.
- Nakachi, M. (2022) Analiz pronatalistskoi semeinoi politiki v SSSR v 1940-kh — 1960-kh godakh [An analysis of pronatalist politics in the USSR in the postwar period], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 9, no. 1, pp. 34—55.
- Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki* (2001) [The population of Russia in the 20th century: Historical essays], vol. 2, Moscow: ROSSPEN.
- Naselenie SSSR za 70 let* (1988) [The population of the USSR over 70 years], Moscow: Nauka.
- Naydanov, N. A. (2020) Istoricheskiĭ obzor gosudarstvennoi politiki SSSR v oblasti demografii [A historical review of the state demographic policy of the USSR], in: *Rossiiia v XXI veke: strategiiia i taktika sotsial'no-ekonomicheskikh, politicheskikh i pravovykh reform*, Barnaul: Azbuka, pp. 530—541.
- 50 let sovetskogo zdravookhraneniia, 1917—1967: Sbornik stateĭ* (1967) [50 years of Soviet healthcare, 1917—1967: A collection of articles], Moscow: Meditsina.
- Ruban, A. A. (2023) Sovetskaia demograficheskaia politika: osobennosti i rezul'taty [Soviet demographic policy: features and results], *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, vol. 13, no. 4A, pp. 50—55.
- Suleimanova, R. N. (2024) “Mnogodetnym materiam — dolzhnoe vnimanie”. Kak v Bashkirii vpolnialsia Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR 1944 g. [Due consideration for mothers of many children. How the Decree of the Presidium of the USSR Supreme Council of 1944 was implemented in the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 93—102.
- Vestnik statistiki: Ezhemesiachnyiĭ teoreticheskiiĭ nauchno-prakticheskiiĭ zhurnal* (1971) [Bulletin of Statistics: A monthly theoretical scientific and practical journal], no. 1, p. 91.
- Zhiromskaya, V. B. (2007) Ot voennykh poter' k konsensual'nomu braku: osobennosti demograficheskogo razvitiia Rossii v XX veke [From military losses to consensual marriage: features of the demographic development of Russia in the 20th century], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov, seriia Istoriiia Rossii*, no. 3, pp. 5—20.
- Zhiromskaya, V. B. (2009) *Zhiznennyĭ potentsial poslevoennykh pokoleniiĭ v Rossii: Istoriko-demograficheskiiĭ aspekt, 1946—1960* [Life potential of post-war generations in Russia: Historical and demographic aspect, 1946—1960], Moscow: Rossiiskiiĭ gosudarstvennyiĭ gumanitarnyiĭ universitet.

Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A. (2018) *Rossiiskie deti v kontse XIX — nachale XXI v.: Istoriko-demograficheskie ocherki* [Russian children at the end of the 19th and beginning of the 21st centuries: Historical and demographic essays], Moscow: Institut rossiiskoi istorii Rossiiskoi akademii nauk, Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 26.07.2024; принята к публикации 05.08.2024.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 26.07.2024; accepted for publication 05.08.2024.

Информация об авторах / Information about the authors

Жиромская Валентина Борисовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения истории территории и населения России, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, zhyromskaya@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Head of the Center for the Study of the History of Territory and Population of Russia, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Араловец Наталья Аркадьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия, aralovetz@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Leading Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Чернышева Наталья Викторовна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, natiche84@mail.ru (Dr. Sc. (History), Chief Researcher, Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 156—166.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 156—166.

Научная статья

УДК 327.7:316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.10

ООН И ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО: ДАВНО НАЗРЕЛА НЕОБХОДИМОСТЬ «СОЧЕТАТЬ РИТОРИКУ С РЕСУРСАМИ»

Надежда Александровна Шведова

Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru

Аннотация. В условиях кризисных геополитических, экономических и общественно-политических перемен Всемирный экономический форум собрал на встречи по влиянию на устойчивое развитие более 1400 бизнес-лидеров, политиков, лидеров международных организаций и организаций гражданского общества. Цель таких встреч — стать существенной платформой для государственно-частного сотрудничества, обсудить ключевые доклады, организовать публичные дискуссии в поддержку достижений Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций. Актуальность форума мотивирована тем, что к 2030 г. лишь 17 % задач Целей устойчивого развития могут достичь стадии выполнения, почти половина из них достигла минимального или умеренного прогресса, а свыше трети не реализуются. Встречи по устойчивому воздействию проходили с 23 по 27 сентября 2024 г. в Нью-Йорке. Почти полтора миллиона мировых лидеров из различных секторов и географических регионов собрались для оценки и возобновления глобальных действий по достижению Целей устойчивого развития ООН. Всемирный экономический форум выступил в качестве независимой и нейтральной платформы, посвященной дебатам относительно достижения жизненно важных целей, стимулирования действий в области устойчивого развития.

Ключевые слова: Всемирный экономический форум, глобальный индекс гендерного разрыва, гендерное равенство, гендерный паритет, Цели устойчивого развития, STEM, искусственный интеллект, встречи по устойчивому воздействию

Благодарности: статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве», проект № 075-15-2024-551.

Для цитирования: Шведова Н. А. ООН и гендерное равенство: давно назрела необходимость «сочетать риторику с ресурсами» // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 156—166.

Original article

THE UN AND GENDER EQUALITY: IT'S LONG OVERDUE TO “MATCH RHETORIC WITH RESOURCES”

Nadezda A. Shvedova

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, n.shvedova2015@yandex.ru

Abstract. In a context of geopolitical, economic, environmental and socio-political crises, often chaotic, the World Economic Forum brought together more than 1400 business leaders, policymakers, international and civil society leaders, innovators and social entrepreneurs for its Sustainable Development Impact Meetings. The meetings aim to provide a significant platform for public-private collaboration, presenting keynote speeches and organizing public debates in support of achieving the United Nations Sustainable Development Goals. The urgency for action is driven by the fact that only 17 % of Sustainable Development Goals targets are on track to be achieved by 2030. Moreover, nearly half have made minimal or moderate progress, and over a third have stalled or are in some cases regressing. The 2024 Sustainable Development Impact Meetings are taking place from 23 to 27 September in New York. Nearly one and a half million global leaders from across sectors and geographies come together to assess and renew global action to achieve the UN Sustainable Development Goals through a series of impact-focused multi-stakeholder dialogues. The meetings are an integral part of the Forum's year-round work on sustainable development and its progress. The World Economic Forum is an independent and neutral platform for debate on key topics shaping global, regional and sectoral agendas. Collaboration is urgent between the public and private sectors to achieve vital goals and drive action, partnerships and innovation for sustainable development. These initiatives and their key constituencies come together to advance their work at the Sustainable Development Impact Meetings, seeking to identify solutions and solutions to pressing challenges.

Key words: World Economic Forum, Global Gender Gap Index, gender equality, gender justice, gender parity, Sustainable Development Goals, STEM, artificial intelligence, Sustainable Impact Summits

Acknowledgments: this article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development “Global and Regional Centers of Power in the Emerging World Order”, project no. 075-15-2024-551.

For citation: Shvedova, N. A. (2024) ООН и гендерное равенство: давно назрела необходимость «сочетать риторику с ресурсами» [The UN and gender equality: it's long overdue to “match rhetoric with resources”], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 156—166.

Как отметил К. Шваб, основатель и председатель Всемирного экономического форума (ВЭФ), мы стоим на пороге интеллектуальной эпохи, эпохи, определяемой сочетанием искусственного интеллекта и передовых технологий в повседневной жизни. Эта масштабная трансформация представляет собой глубокий парадокс: те же самые технологии, которые открывают исключительные перспективы для беспрецедентного роста, инноваций и человеческого прогресса, также рискуют углубить разрыв и усугубить неравенство [Шваб, 2016]. Особенно это касается женщин. На встрече по устойчивому воздействию в сентябре 2024 г. были представлены ключевые доклады по трем широким темам: передовые технологии и развитие; человеческий капитал и экономический рост, а также борьба с изменением климата, охрана природы и энергетический переход. ВЭФ и его партнеры выступили с 20 инициативами и докладами, связанными с Целями устойчивого развития (ЦУР) ООН.

Несколько инициативных встреч, включая такие, как «Спринт гендерного паритета», «Инициатива по созданию рабочих мест», «Революция переквалификации», «Образование 4.0» и др., продвигающих их работу, были посвящены человеческому капиталу. Кроме того, в официальном документе, содержащем основу для облегчения смены работы, подчеркивается, что способность работников переходить на новые должности становится все более важной — не только для поддержания занятости и продвижения социальной мобильности, но и для экономической производительности и благосостояния людей.

В июне 2024 г. был опубликован доклад «Глобальный индекс гендерного разрыва» (The Global Gender Gap Report 2024) — ежегодная публикация ВЭФ, важный источник для исследователей и всех, кто интересуется проблемами гендерного равенства и справедливости. В заголовки многих СМИ попали сообщения: в 2024 г. в глобальном масштабе гендерный разрыв сократился на 0,1 п. п. по сравнению с 2023 г. Из доклада явствует важный вывод: в мире преодолено 68,5 % гендерного разрыва. Очевидно, что новость не прибавляла оптимизма сопереживающим судьбе гендерного равенства и справедливости на планете и в каждой отдельно взятой стране.

Однако С. Захиди, управляющий директор ВЭФ, нашла нужные слова, заявив: «Несмотря на некоторые положительные моменты, медленные и постепенные успехи, отмеченные в Докладе о глобальном гендерном разрыве за этот год, подчеркиваю настоятельную необходимость возобновления глобальной приверженности достижению гендерного паритета, особенно в экономической и политической сферах» [Kali Pal et al., 2024]. Доклад ежегодно оценивает текущее состояние и эволюцию гендерного паритета по 4 факторам (параметрам), которые характеризуют важные сферы человеческой жизнедеятельности: экономическое участие и возможности, уровень образования, здоровье и выживание, границы политических прав и возможностей. В нем представлена динамика эволюции анализируемых сфер деятельности, это самый «продолжительный» индекс, отслеживающий прогресс усилий многих стран по устранению разрывов с момента его введения в 2006 г.

Последнее, 18-е издание «Глобального индекса гендерного разрыва» исследует гендерный паритет в 146 странах, что дает возможность проследить динамику гендерного паритета в двух третях стран мира. В документе представлена

выборка из 101-й страны, включенной в каждое издание индекса с 2006 г. Глобальный индекс гендерного разрыва использует баллы по шкале от 0 до 100, которые можно интерпретировать как расстояние, пройденное на пути к паритету, а именно как процент гендерного разрыва, который был ликвидирован. Сравнения между странами, по замыслу создателей, дают возможность выявить наиболее эффективные меры политики по устранению гендерных разрывов.

Глобальные результаты и время для достижения паритета

Согласно текущим данным для достижения полного паритета потребуется 134 года — примерно на пять поколений больше, чем до достижения ЦУР к 2030 г. [ibid.].

Глобальный индекс гендерного разрыва за 2024 г. показывает, что, хотя ни одна страна не достигла полного гендерного равенства, 97 % стран, включенных в этот рейтинг, сократили разрыв более чем на 60 % по сравнению с 85 % в 2006 г.

Исландия снова занимает 1-е место, оставаясь единственной страной, в которой гендерный разрыв сократился более чем на 90 % (93,5 %). Из оставшихся 9 стран, входящих в топ-10, в 8 гендерный разрыв сократился более чем на 80 %.

Европейские экономики занимают 7 мест в первой десятке мирового рейтинга, 3 места остались за странами Восточной Азии и Тихоокеанского региона (Новая Зеландия, 4-е место, 83,5 %), Латинской Америки и Карибского бассейна (Никарагуа, 6-е место, 81,1 %) и Африки к югу от Сахары (Намибия, 8-е место, 80,5 %).

Среди 146 стран, включенных в индекс за 2024 г., гендерный разрыв в сфере здравоохранения и выживания сократился на 96 %, в сфере образования — на 94,9 %, в сфере экономической активности и возможностей — на 60,5 %, а в сфере политических прав и возможностей — на 22,5 %.

Региональные результаты и время для достижения паритета

Европа лидирует в рейтинге стран с наименьшим гендерным разрывом, сократив его на 75 % в 2024 г.

Северная Америка, занявшая 2-е место, имеет показатель гендерного равенства 74,8 %. Однако, по сравнению с другими регионами, с 2006 г. гендерный разрыв здесь сократился на 4,3 п. п. В разделе «Политические права и возможности» Северная Америка занимает 3-е место с 26 %, демонстрируя прогресс, но и показывая устойчивую недопредставленность женщин на министерских и парламентских должностях.

На 3-м месте находится *Латинская Америка и страны Карибского бассейна* с показателем гендерного равенства 74,2 %. Регион совершил самый большой скачок с 2006 г.

Восточная Азия и Тихоокеанский регион занимают 4-е место с общим показателем гендерного равенства 69,2 %. Несмотря на то что в обозначенный период наблюдается положительный сдвиг на 3,1 п. п., только Новая Зеландия и Филиппины вошли в топ-10 стран мира. Показатель экономического участия

и возможностей для женщин в регионе составляет 71,7 %, что свидетельствует о прогрессе за последний год.

Центральная Азия занимает 5-е место среди 8 регионов с показателем 69,1 %. Несмотря на небольшое снижение показателя паритета, с 2006 г. в целом наблюдается улучшение на 2,3 п. п. Примечательно, что все 7 стран Центральной Азии достигли уровня паритета, равного или превышающего 67 %, при этом Армения (72,1 %), Грузия (71,6 %) и Казахстан (71,0 %) лидируют в регионе.

На 6-м месте находится *Африка к югу от Сахары* с показателем гендерного равенства 68,4 %. С 2006 г. регион в целом улучшил свои показатели на 5,6 п. п., в то время как 21 из 35 стран входит в топ-100, Намибия выделяется как одна из 10 лучших стран. Больше половины стран региона сократили гендерный разрыв более чем на 70 %, однако разница между лучшими и худшими странами составляет 22,8 п. п.

Южная Азия занимает 7-е место с показателем гендерного равенства 63,7 %, демонстрируя переменную динамику на протяжении всех выпусков рейтинга, которая, тем не менее, привела к незначительному улучшению показателя на 3,9 п. п. с 2006 г. 6 из 7 стран региона входят в первую сотню рейтинга, и только 6 стран региона сократили гендерный разрыв на две трети.

Ближний Восток и Северная Африка занимают последнее место среди всех регионов с показателем гендерного равенства 61,7 %. Несмотря на этот результат, с 2006 г. в регионе наблюдается общая положительная динамика и показатель гендерного разрыва сократился на 3,9 п. п.

Десять ведущих стран в рейтинге

В первую десятку стран с самыми высокими индексами гендерного равенства входят Исландия, Финляндия, Норвегия, Новая Зеландия, Швеция, Никарагуа, Германия, Намибия, Ирландия, Испания.

Исландия в течение последних 15 лет занимает 1-е место по глобальному индексу гендерного разрыва. В 2024 г. страна набрала 93,5 % (на 2,3 п. п. больше, чем значилось в предыдущем выпуске), что обусловлено ростом экономического паритета среди профессиональных и технических работников и уровня участия рабочей силы, а также ростом политического паритета на уровне министров. В 2024 г. женщины занимают 50 % министерских должностей и 47,6 % парламентских мест, что дает Исландии почти идеальный политический паритет.

Финляндия занимает 2-е место, прочно входит в десятку лучших стран мира, поднявшись на одну позицию и продемонстрировав улучшенный показатель гендерного паритета в 87,5 % (+1,2 п. п. за последний год). К этим результатам в основном привели улучшения в измерении «Расширение политических прав и возможностей», а также позитивные изменения в экономическом участии. С 2006 г. Финляндия увеличила свой паритетный показатель на 7,9 п. п. и показала стабильные результаты в образовательном уровне, получив 100 % баллов в 13 из 18 выпусков.

Финляндия достигла самого высокого паритетного балла — 73,4 % в области политических прав и возможностей (на 26,4 п. п. больше, чем в 2006 г.), чему способствовал полный паритет на уровне министров в последних

4 выпусках, а также баллы за более чем 80 % гендерного паритета в парламенте (85,2 % в 2024 г.). Страна зафиксировала самый высокий паритетный балл на уровне глав государств — 50,3 % после совокупного срока полномочий в 16,7 лет за последние 50 лет, включая недавнее пребывание на должности С. Марин.

Норвегия занимает 3-е место с общим баллом 87,5 % после регистрации снижения общего балла на 0,4 с 2023 г. из-за небольших потерь в измерениях «Экономическое участие и возможности» и «Расширение политических прав и возможностей». В течение последних 7 выпусков Норвегия демонстрировала стабильно высокие результаты. В целом за анализируемый период она подняла свой рейтинг на 7,6 п. п. В 2024 г. ее лучшие результаты с точки зрения абсолютных баллов были достигнуты в области уровня образования — 99,3 %, что подкрепляется полным паритетом в области грамотности и охвата начальным и высшим образованием.

В сфере здравоохранения и выживания Норвегия показывает результаты выше среднемирового уровня, набрав 96,2 %. В области экономического участия и возможностей Норвегия набрала 79,9 % с относительно высокими паритетными баллами по категориям трудового дохода — 80,2 % и профессиональных и технических работников — 100 %. Примечательно, что в 2024 г. доля женщин на профессиональных и технических должностях превзойдет долю мужчин. Тем не менее возможности для улучшения остаются, поскольку на каждую женщину на руководящей должности по-прежнему приходится двое мужчин, что дает оценку в 49,6 %.

Страна демонстрирует высокие показатели в области расширения политических прав и возможностей, достигнув 74,6 % и 2-го места по этому показателю в мире, что на 25 п. п. выше, чем в 2006 г. Женщины занимали посты глав государств в течение 18,1 лет за последние полвека, а в 2024 г. министров-женщин стало больше, чем мужчин, что привело к полному паритету.

Новая Зеландия занимает 4-е место и сохраняет свою позицию по сравнению с 2023 г. Общий паритетный балл составил 83,5 %, это 8,4 п. п. улучшения по сравнению с 2006 г. С точки зрения экономического участия и возможностей Новая Зеландия достигает 74,1 %, при этом самый высокий показатель участия рабочей силы составляет 88,2 %. Новая Зеландия преуспевает в области образования, показав идеальный паритетный балл за последние 6 выпусков. В 2024 г. полный паритет зарегистрирован по всем показателям образовательного уровня, что делает ее одним из лучших исполнителей в своем регионе. Страна превосходит средний мировой показатель на 0,6 п. п., набрав 96,6 % в области здравоохранения и выживания.

Политический гендерный разрыв составляет в стране 63,1 % со значительной разницей парламентского и министерского представительства между полами. Новая Зеландия по-прежнему занимает 4-е место в мире по общему уровню политических прав и возможностей, входит в избранную группу стран, где женщины имели одни из самых длительных сроков пребывания на посту главы государства за последние 50 лет (16,2 года). Дж. Ардерн стала последней женщиной на посту главы государства в Новой Зеландии.

Швеция занимает 5-е место в 2024 г., не изменив свою позицию по сравнению с прошлым годом. Ее общий показатель гендерного паритета составляет 81,6 % и практически не изменился по сравнению с 2023 г. (+0,05 п. п.) и за 18 лет. В категории «Экономическое участие и возможности» Швеция набрала 79,4 %. Страна регистрирует полный паритет среди профессиональных и технических работников и высокий уровень паритета для законодательных, старших должностных и управленческих ролей — 71,5 %. Полный паритет в грамотности и охвате средним и высшим образованием способствует паритету оценок в образовательном уровне. Швеция также набирает более высокие баллы, чем в среднем в мировом сообществе, по показателям здравоохранения и выживания — 96,3 %. По политическим полномочиям женщины по-прежнему имеют высокий уровень представительства на министерских и парламентских постах, набрав 91,7 и 87,6 % соответственно. Однако Швеция отстает от соседних стран с баллом 1,8 % по измерению «Глава государства».

Никарагуа занимает 6-е место с баллом 81,1 %. В десятку передовых стран она вошла в десятый раз, достигнув оценки 64,2 %, демонстрируя восстановление показателей участия в экономике и возможностей после падения в 2021 г. Этот результат вытекает из сочетания высокого паритета в оцениваемом заработанном доходе — 70,4 % и полного паритета среди профессиональных и технических работников. Вместе с тем Никарагуа показывает более низкий гендерный паритет по уровню участия в рабочей силе — 57,7 % и имеет более низкое представительство женщин в высшем руководстве, что соответствует средней оценке паритета в 54,3 %. Страна показала эффективный паритет по уровню образования — 99,9 % и превосходит средний мировой показатель по здоровью и выживанию с показателем 97,8 %. По расширению политических прав и возможностей Никарагуа достигает 62,6 %, при этом женщины занимают большую долю на министерских должностях и парламентских местах по сравнению с мужчинами, что приводит к равенству по обоим показателям.

Германия находится на 7-м месте с более низким показателем гендерного паритета — 81,0 %. Потери обусловлены регрессом в измерении расширения политических прав и возможностей, в то время как экономическое участие показывает небольшой рост. В экономическом участии и возможностях Германия закрыла 67,6 % своего гендерного разрыва с небольшими улучшениями в равенстве заработной платы за аналогичную работу по сравнению с 2023 г. Общий балл по этому измерению отражает достижения и дальнейшие возможности для экономического паритета: Германия достигла полного паритета среди профессиональных и технических работников, ей предстоит закрыть гендерный разрыв в 59,3 % для законодателей, старших должностных лиц и менеджеров (40,7 %). Хотя А. Меркель остается последней женщиной — главой государства, ее 16-летнее пребывание у власти продолжает укреплять рейтинг Германии — 49,5 %. Аналогичным образом почти равное представительство на уровне министров приводит к показателю гендерного паритета 87,5 %, который входит в двадчатку самых высоких в 2024 г. Парламентское представительство женщин сравнительно ниже — 54,6 %. По уровню образования Германия с показателем 98,7 % занимает 91-е место.

Намибия занимает 8-е место в индексе 2024 г., сократив 80,5 % своего гендерного разрыва. Страна демонстрирует высокие показатели по всем четырем подиндексам, попадая в топ-25 по каждому измерению. В паритете по образовательному уровню, а также по здоровью и выживанию экономика страны Африки к югу от Сахары является лидером, набрав 100 и 98 % соответственно. По экономическому участию и возможностям Намибия опережает мировые и региональные средние показатели почти на 18 и 10 п. п. Экономический гендерный паритет высок по участию в рабочей силе — 88,4 %. Намибия достигла полного паритета среди технических и профессиональных работников и 77,2 % гендерного паритета на руководящих должностях. Тем не менее ее показатель в 78,3 % свидетельствует о небольшом снижении по сравнению с прошлым годом, которое идет параллельно с небольшим снижением паритета в предполагаемом заработанном доходе — 82,1 %, -0,9 п. п. с 2023 г.

Политический паритет в Намибии входит в число 50 самых высоких с общим показателем 45,6 %, чему способствовала действующая женщина — глава государства С. Куугонгелва, которая продлила свой срок с момента последнего выпуска индекса (21,8 %, +2,9 п. п. с 2023 г.), и продолжающееся представительство женщин на министерском и парламентском уровнях — 46,2 и 79,2 %.

Ирландия занимает 9-е место с общим показателем гендерного разрыва 80,2 %. Она возвратилась в первую десятку после годичного отсутствия. По сравнению с 2023 г., это улучшение на 0,7 п. п. и подъем на два ранга, обусловленный в основном прогрессом в измерении расширения политических прав и возможностей, а также небольшими улучшениями по нескольким показателям экономического участия. Ирландия демонстрирует наилучшие результаты в образовании — 100 %, где она показывает полный паритет по трем показателям. Она также входит в десятку стран с самым высоким политическим паритетом с показателем 50,7 %. Подобно Германии, показатели Ирландии по расширению политических прав и возможностей повышаются за счет того, что женщины возглавляют государство 21 год, что приводит к показателю 71,2 % по этому измерению. Паритет на министерском и парламентском уровнях сравнительно ниже (гендерный разрыв в 60 и 70 % соответственно). Гендерный паритет по уровню участия рабочей силы постоянно увеличивается, достигнув третьего по величине показателя — 84,2 % — с 2006 г.

Испания занимает 10-е место, возвращаясь в первую десятку в третий раз с 2006 г. с самым высоким на данный момент показателем гендерного паритета в 79,7 %, что на 0,7 п. п. больше, чем в 2023 г. Подъем на восемь позиций обусловлен укреплением расширения политических прав и возможностей и небольшим общим улучшением в экономическом участии и возможностях. Европейская страна превосходит как мировые, так и региональные средние показатели по всем направлениям, за исключением здоровья и выживания. Несмотря на то что в Испании не было ни одной женщины на посту главы государства, разрыв в политических возможностях сократился до 49,4 % с полным паритетом на уровне министров — 100 % и растущим паритетом на парламентском уровне — 79,5 % по сравнению с 73,6 % в 2023 г.

Гендерные различия в рабочей силе и руководстве STEM

В докладе отмечается, что в 2024 г. женщины по-прежнему имеют более низкое представительство в рабочей силе STEM (science, technology, engineering and mathematics), чем в рабочей силе не-STEM, с представительными долями 28,2 и 47,3 % соответственно. Гендерные различия в представительстве присутствуют во всех секторах экономики, женщины систематически недопредставлены в STEM-занятости, по сравнению с мужчинами, и перепредставлены в не-STEM-занятости во всех отраслях. Такая конфигурация ставит женщин в двойное невыгодное положение в отношении технологических и кадровых переходов, поскольку они продолжают занимать низкооплачиваемые рабочие места с низкими возможностями роста. Вместе с тем внедрение технологий будет играть основную роль в трансформации экономики в течение следующих 5 лет. Это означает рост потребности в работниках с технологической грамотностью и инженерными навыками.

Доля талантов в области искусственного интеллекта (ИИ) меняется, хотя и с разной гендерной концентрацией. Статистика предлагает новые идеи о гендерном составе талантов в области ИИ, уделяя особое внимание работникам с навыками инженерии ИИ. Эти навыки, используемые для разработки и внедрения систем ИИ, способствуют созданию инновационных приложений по целому ряду вопросов — от комплексной аналитики здравоохранения до продуктивного обслуживания инфраструктуры.

В целом в области инженерии ИИ концентрация талантов среди женщин выросла более чем вдвое — с 0,09 до 0,20 % от женского состава участников. В 2016 г. количество мужчин-инженеров в области ИИ уже превышало количество женщин и с тех пор удвоилось — с 0,18 до 0,41 %, но не опередило темпы роста количества женщин-инженеров.

Доля женщин с навыками инженерии ИИ в целом увеличилась, тем не менее доля женщин-инженеров в общей численности рабочей силы отрасли в 2023 г. была меньше, чем доля мужчин-инженеров. Эти различия наиболее выражены также в образовании, технологиях, информации и медиа. Можно предположить, что с течением времени секторами с наиболее значительным ростом концентрации женщин выступают технологии, информация и медиа, а также профессиональные и финансовые услуги.

Гендерное представительство в области ИИ-инженерии также демонстрирует многообещающую тенденцию. Хотя концентрация мужчин и женщин среди специалистов в области ИИ растет, за последние 4 года доля мужчин среди специалистов в этой области снизилась при соответствующем увеличении доли женщин. Вместе с тем мужчин по-прежнему значительно больше среди специалистов в области ИИ. В то же время растущая доля женщин является позитивным сигналом для улучшения гендерного паритета. Только в сфере финансовых услуг гендерный паритет в области инженерии ИИ снизился по сравнению с 2016 г.

Выводы

Глобальный гендерный разрыв лишь «немного улучшился», и для его устранения при текущем прогрессе потребуется «пять поколений». Человечество не может позволить себе ждать «пять поколений» в обстоятельствах, требующих безотлагательного принятия мер для прогресса на пути достижения гендерного равенства, а значит, справедливости и повышения качества жизни.

Мировой опыт, а также доклады в поддержку достижения Целей устойчивого развития ООН показывают, что процессы и институты, созданные на основе исключения или маргинализации женщин, молодежи, людей с ограниченными возможностями в качестве главных действующих лиц и бенефициаров перемен, останутся частичными и ущербными, не приведут к цели построения гармоничного общества на принципах гендерной справедливости. Систематическая маргинализация и исключение любого сегмента населения из процессов и институтов построения государства подрывают архитектуру и перспективы развития такого государства и общества.

На решение этой проблемы направлены меры, сформулированные в рамках мирового форума. Обозначим их основные направления:

— способствовать продвижению политики и политических курсов, программ по устранению моделей отчуждения. Речь идет о структурных барьерах, стереотипах и неравноправных властных отношениях, которые воспроизводят практику и результаты отчуждения в обществах. Это императив, который невозможно переоценить;

— продвигать и поддерживать процессы и институты, которые создают возможности для участия мужчин и женщин в построении общественных отношений независимо от возраста, инвалидности, этнических или религиозных убеждений, происхождения и др. Данный подход требует принятия соответствующих правовых, социокультурных, политических и институциональных мер;

— создавать глобальные ресурсы сравнительных знаний по внедрению стратегических инициатив, направленных на устранение гендерного неравенства, маргинализации и отчуждения. Работа по обеспечению гендерного равенства расставляет приоритеты, в том числе дает возможность обогащаться опытом других стран — благо, которым не стоит пренебрегать;

— созывать национальные, региональные и глобальные форумы в целях содействия взаимному обучению и обмену знаниями по вопросам гендерного равенства и его внедрения в жизнедеятельность обществ.

Очевидно, что работа по достижению равноправия мужчин и женщин должна быть организована с учетом национальных особенностей, культурно-исторических традиций и специфики стран. Только в этом случае возможно достижение гармонии между женщинами и мужчинами в обществе и государстве.

Список источников

- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016 (Top Business Awards). 138 с.
- Kali Pal K., Piaget K., Baller S., Zahidi S. Global Gender Gap 2024 Insight Report (June 2024) // World Economic Forum. 2024. 385 p. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf (дата обращения: 21.09.2024).

References

- Kali Pal, K., Piaget, K., Baller, S., Zahidi, S. (2024) Global Gender Gap 2024 Insight Report (June 2024), *World Economic Forum*, available from https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2024.pdf (accessed 21.09.2024).
- Shvab, K. (2016) *Chetvërtaia promyshlennaia revoliutsiia* [The Fourth Industrial Revolution], Moscow: Eksmo.

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Шведова Надежда Александровна — доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра социально-политических исследований, Институт США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН, г. Москва, Россия, n.shvedova2015@yandex.ru (Dr. Sc. (Political Sc.), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Social and Political Research, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
POLITICAL SCIENCES

Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 167—176.

Woman in Russian Society. 2024. No. 4. P. 167—176.

Научная статья

УДК 316.346.2

DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.11

**ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН В ЭКОНОМИКЕ:
ОЦЕНКИ И СТАТИСТИКА ВСЕМИРНОГО БАНКА**

Евгения Викторовна Израелян

Институт США и Канады им. Г. А. Арбатова РАН (ИСКРАН),
г. Москва, Российская Федерация, evgenia_vik13@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные результаты доклада Всемирного Банка «Женщины, бизнес и закон», опубликованного в марте 2024 года. Отчеты публикуются ВБ ежегодно и содержат регулярно обновляемую базу данных по 190 странам. Доклад-2024 заслуживает особого внимания как с точки зрения новаторской методологии, так и в контексте содержащихся в нем выводов. Эксперты подтвердили в цифровом формате развитие тревожной тенденции — углубляющегося неравенства женщин и мужчин в экономике, предпринимательстве и в семейной жизни. Причем масштабы дискриминации женщин оказались гораздо более значительными, чем предполагалось. Ключевой вывод отчета: ни в одной стране, даже с самой богатой экономикой, женщины не имеют с мужчинами равных прав и возможностей. Представленный массив информации даёт основу для будущих теоретических изысканий и использования при принятии решений властными и бизнес-структурами.

Ключевые слова: Всемирный Банк, отчет «Женщины, бизнес и закон» 2024, индексы, показатели, дискриминация женщин, законодательство о равных правах женщин и мужчин, насилие против женщин, нарушение экономических прав женщин

Для цитирования: *Израелян Е. В.* Положение женщин в экономике: оценки и статистика Всемирного Банка // *Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 167—176.*

Original article

THE SITUATION OF WOMEN IN THE ECONOMY: WORLD BANK ESTIMATES AND STATISTICS

Evgenia V. Israelian

G. A. Arbatov Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN),
Moscow, Russian Federation, evgenia_vik13@mail.ru

Abstract. The article examines the main results of the World Bank report “Women, Business and the Law”, published in March 2024. The reports are published by the World Bank annually and contain a regularly updated database for 190 countries. This report deserves special attention both in terms of its innovative methodology and in the context of its conclusions. The experts digitally confirmed the development of an alarming trend - the deepening inequality of women and men in the economy, entrepreneurship and family life. Moreover, the scale of discrimination against women turned out to be much more significant than expected. The key conclusion of the report is that in no country, even with the richest economy, do women have equal rights and opportunities with men. The presented array of information provides a basis for future theoretical research and use in decision-making by government and business structures.

Key words: The World Bank, report “Women, Business and the Law” 2024, indexes, indicators, discrimination against women, equal opportunity laws for women, violence against women, violation of women's economic rights

For citation: Israelian, E. V. (2024) Polozhenie zhenshchin v ekonomike: otsenki i statistika Vsemirnogo Banka [The situation of women in the economy: World Bank estimates and statistics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 167—176.

Общепризнано, что обеспечение равноправия женщин и мужчин — неотъемлемая составная часть демократических преобразований, успешного экономического развития и построения стабильного миропорядка. В этом плане многое уже достигнуто: принципы равенства поддерживает международное сообщество, правительства демократических государств, научные круги, общественность. Приняты основополагающие документы, созданы многосторонние механизмы, отвечающие за соблюдение прав женщин [Шведова, 2024], возросли их политическое представительство и роль в экономике.

Вместе с тем устранение стереотипов — долговременный процесс, развивающийся под влиянием как геополитических изменений в мире, так и социальных сдвигов внутри национальных государств. Нарастающая глобальная конфронтация, продолжающиеся прежние и новые военные конфликты, экологические катаклизмы, пандемии КОВИД и других инфекционных заболеваний, внутривнутриполитические расколы негативно сказываются на положении женщин, углубляя гендерный разрыв.

Осмыслению достигнутых успехов и обостряющихся проблем в сфере обеспечения равноправия женщин посвящены различные научные и информационные проекты. Наряду с теоретическими трудами, продолжившими многолетние научные традиции, для последних десятилетий характерно появление

крупных эмпирических исследований. Они проводятся на национальном, региональном и международном уровнях и часто оформляются в виде индексов. Количественные данные удобны для отслеживания динамики и сопоставления статуса женщин в различных странах и регионах [Израелян, 2009]. Главная их ценность состоит в том, что они создают богатую фактологическую основу, необходимую для теоретических обобщений и принятия практических решений по социально-экономическим вопросам.

Методология исследования

Сводные индексы были представлены в ежегодном, десятом по счету докладе Всемирного Банка «Женщины, бизнес и закон» (Women, Business and the Law (WBL — ЖБЗ), опубликованном в марте 2024 года [World Bank. 2024. Women, Business and the Law 2024]. В этих отчетах содержится регулярно обновляемая база данных 190 стран, позволяющая судить о положении женщин на рынках труда и их вкладе в мировую и национальные экономики. Различные индексы (рейтинги), предложенные в ЖБЗ, построены по страновому, региональному или по тематическому принципу.

Индексы ЖБЗ, отражающие жизненный цикл работающей женщины, отличаются тщательно разработанной методологией. Этим занимается международная группа экспертов, которой руководит главный экономист ВБ Индермит Гилл (Indermit Gill). Группа постоянно вносит в методику коррективы, учитывающие новые геополитические и социальные вызовы. Приведенные ниже примеры о недавних модификациях наглядно об этом свидетельствуют.

На основе количественных характеристик и индикаторов, полученных в виде ответов на вопросы, эксперты ВБ составляют рейтинги, удобные для сравнения гендерных дисбалансов в различных географических точках. В прошлых отчетах ЖБЗ использовались **восемь показателей**: «свобода передвижения», «занятость», «оплата труда», «семейные отношения», «родительские обязанности», «предпринимательство», «распоряжение имуществом» (assets) и «пенсионное обеспечение». Новшеством ЖБЗ-2024 стало включение в анализ **двух дополнительных показателей**: безопасность от насилия и доступ к услугам по уходу за детьми. Как полагают авторы доклада, эти параметры могут иметь решающее значение для оценки возможностей женщин в сфере экономики [Women, Business and the Law 2024. Forward: IX].

Выделим и другой инновационный элемент отчёта 2024 года: в нем, в отличие от предыдущих документов, был показан разрыв между законодательством по обеспечению прав женщин и его применением на практике. По словам одного из экспертов, обозначен «пробел между соблюдением гендерного равенства на бумаге и в жизни». Опираясь на статистику, авторы убеждают в том, что продвижение гендерного равенства очень зависит от наличия соответствующих механизмов. К ним в докладе отнесены: системы правоприменения, политика государства по устранению гендерного дисбаланса, программы защиты прав женщин, выделяемые на эти цели ассигнования, отслеживание гендерного неравенства в оплате труда, медицинские службы, работающие с пострадавшими от насилия женщинами.

И, наконец, третья особенность — привлечение очень широкого круга экспертов — юристов, экономистов, психологов, специалистов по гендерным исследованиям, практиков по оказанию помощи жертвам насилия. Всего было задействовано более 2400 аналитиков, которые рассматривали предмет под разными углами зрения [Women, Business and the Law 2024. Executive Summary: VIII].

При формулировании вопросов и разработке критериев оценок использовались разнообразные источники, придающие изучению многоаспектность. Прежде всего, официальная информация: основополагающие международные документы о правах человека и женщин (Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации женщин, Конвенции МОТ, касающиеся трудовых прав граждан), статистические сводки, законы и нормативные акты, связанные с женской занятостью, (только кодифицированные), правительственные публикации о бюджетах, политике и программах, содействующих/препятствующих преодолению гендерной дискриминации. Важной составной частью источниковедческой базы была также научная литература: результаты академических исследований, аналитических обзоров и мнения ведущих специалистов.

Формула оценки довольно сложна и в самом общем виде выглядит следующим образом. Возьмем для примера формирование странового рейтинга государств с точки зрения обеспечения ими равных экономических прав женщин. Для этого экспертам предлагалось дать ответы (в баллах) на 35 предложенных вопросов (по каждому указанному выше показателю разработано по 4—5 вопросов). Затем вычисляется среднее значение для каждого из восьми (а в дальнейшем будет из десяти) показателей. Общий балл для страны рассчитывается на основе средних величин по всем восьми показателям. Максимально возможный балл равен 100 и указывает на достижение гендерного паритета в обозначенных областях измерения [Women, Business and the Law 2024. Appendix A: 103].

Схожий алгоритм оценки используется в других рейтингах, представленных в докладе ЖБЗ-2024. Например, интересные данные можно почерпнуть из сопоставления экономических возможностей женщин по трем параметрам (тематического рейтинга). В этом случае учитывались: во-первых, законодательная база, созданная в соответствующей области; во-вторых, наличие механизмов имплементации законов и, в-третьих, практические результаты для жизнедеятельности женщин (на основе экспертных заключений). Забегая вперед, отметим, что разрыв между правовыми реформами и фактическими результатами для женщин оказался огромным. согласно существующему законодательству женщины, имеют около двух третей прав, которыми наделены мужчины, в мире создано менее 40 % механизмов, необходимых для полноценного исполнения принятых норм. Как выяснилось, ни одна страна, даже в группе самых богатых, не гарантирует женщинам равные возможности [ПРЕСС-РЕЛИЗ 2024. Новые данные указывают...].

Что показали индексы?

Представляя отчет ЖБЗ, Индермит Гилл констатировал, что женщины «способны дать мощный импульс слабеющей мировой экономике. Использование их потенциала может привести к увеличению мирового ВВП более чем на 20 % и фактически удвоить в ближайшие десять лет» показатели мирового экономического

роста [ПРЕСС-РЕЛИЗ 2024. Новые данные указывают...]. Но сейчас наметилась тревожная тенденция — темпы «необходимых реформ замедлились до предела». В докладе обозначены наиболее значимые гендерные разрывы и предложены рекомендации по их преодолению, резюмировал эксперт.

Многие результаты доклада подтвердили известные положения о дискриминации женщин на рынке труда. Например, приводились данные о том, что в трудовой деятельности участвует почти три четверти мужчин и лишь около половины женщин. И это не их собственный выбор, а следствие годами сложившейся сексистской практики найма, оплаты и создания условий труда. Ведущий автор доклада Тэа Трумбич (Tea Trumbic) называет ситуацию не только «несправедливой, но просто расточительной. Страны не могут позволить себе игнорировать половину своего населения». Лишь в 52 % стран приняты законы о равном вознаграждении за эквивалентный труд и о равном доступе к высокооплачиваемой работе. Принятие трудовых кодексов, однако, не гарантирует их соблюдения: только в 18 % государств действуют меры по обеспечению прозрачности оплаты труда и/или правоприменительные механизмы для устранения гендерных различий в этой области. Как следствие, за равноценную работу женщины в среднем получают 77 центов, в то время как мужчины — доллар [Women, Business and the Law 2024. Executive Summary: XXVII].

Весьма проблематично для женщин добиться возможности работать дистанционно или в режиме гибкого графика. Только в 36 % государств закреплена такая трудовая норма, и всего 19 % опубликовали руководящие принципы ее применения.

Женщины сталкиваются с серьезными препятствиями и в сфере предпринимательства. Общеизвестно, что главными преградами для них являются: нехватка финансирования, которое предпочтительно выделяется мужчинам, гендерные стереотипы в общественном сознании, дискриминация в законодательстве, ограниченный доступ к цифровым технологиям, недостаток образования и навыков, отсутствие благоприятной инфраструктуры. Для оценки участия женщин в бизнесе были использованы два новых критерия: учет гендерных аспектов в законах о государственных закупках и наличие квоты для представительства женщин в советах директоров корпораций. Оказалось, что общемировой показатель поддержки государством женской деловой активности очень низкий — всего 44,2 балла (из 100 возможных) [Women, Business and the Law 2024. Breaking Down Barriers...]. Только 13 % стран требуют от компаний, зарегистрированные на бирже, соблюдения юридически обязательных гендерных квот для комплектования советов директоров корпораций, и только 35 % стран публикуют статистические данные о предприятиях, принадлежащих/возглавляемых женщинами [Women, Business and the Law 2024. Breaking Down Barriers...]. Неудивительно, что женщины занимают лишь одну пятую должностей в советах директоров корпораций. Сложившаяся практика, считают аналитики, в значительной степени лишает женщин возможности реализовать себя в сфере с оборотом почти 10 трлн долл. в год [ПРЕСС-РЕЛИЗ 2024. Новые данные указывают...].

Особенно неблагоприятными были количественные результаты по показателю «безопасность женщин» (safety), который, как упоминалось выше, был впервые использован в отчете ЖБЗ 2024 года. Эксперты ВБ и прежде собирали

данные о насилии в отношении женщин, однако включали их либо в рубрику «семейные отношения» (свидетельства о домашнем насилии), либо в раздел «занятость» (сексуальные домогательства на рабочем месте). Учитывая масштаб и нарастающую остроту проблемы, было решено выделить её в качестве отдельного показателя. Для вынесения оценки рассматриваются 4 формы гендерного насилия: домашнее насилие; запрещение/разрешение детских браков¹; сексуальные домогательства; фемцид².

Авторы предлагают следующую трактовку насилия в отношении женщин: «самое вопиющее проявление гендерного неравенства (которое. — *Е. И.*) остается частью жизни женщин во всем мире». С ним сталкивается треть женского населения земного шара, а более пяти женщин или девочек ежедневно погибают от рук членов своей семьи. Насилие, говорится в докладе, не только причиняет физические страдания и грубо нарушает права женщин, но и наносит непоправимый ущерб экономике и бизнесу [Women, Business and the Law 2024. Chapter 2. Introducing Women, Business and the Law: 26].

Общемировой показатель защищенности женщин от насилия очень низок и составляет только 36 баллов (из 100 возможных). Это означает, что женщинам предоставлено не более трети правовых норм, необходимых им для безопасного существования [Women, Business and the Law 2024. Forward: X]. Ещё хуже обстоит дело с применением принятого в этой области законодательства: только в 43 % стран разработаны комплексные механизмы для борьбы с агрессией против женщин.

В ходе исследования обнаружены и другие пробелы в обеспечении безопасности женщин. В 151 стране (из 190 исследованных) действуют законы, наказывающие за сексуальные домогательства на рабочем месте, но только в 39-ти государствах насилие не допускается общественных местах, например, в транспорте. Логичен вопрос: как можно ожидать, что женщины сделают успешную карьеру, когда для них опасно просто добираться до работы?

Сошлемся для иллюстрации на интересную информацию, опубликованную на страницах издания РБК. Более трети женщин Великобритании во время поездок к месту работы подвергались сексуальным домогательствам. В менее развитых странах этот коэффициент еще выше. В Мексике более 64 % женщин заявили, что стали жертвами той или иной формы притязаний в общественном транспорте [Осипян, 2024].

Неравенство в правах зафиксировано и в других сферах жизнедеятельности женщин. Они тратят на неоплачиваемую работу по дому, в основном, по уходу за детьми, в среднем на 2,4 часа в день больше, чем мужчины. Сегодня только 78 стран предоставляют финансовую или налоговую поддержку семьям с маленькими детьми и лишь в 62 странах (из 190) установлены стандарты качества, регулирующие соответствующие социальные услуги. В итоге в 128 странах женщины вынуждены делать нелёгкий выбор между полноценной работой

¹ Детский брак — вступление в официальный/неофициальный брак до достижения 18-летнего возраста. United Nations Children's Fund. Child Marriage. URL: <https://www.unicef.org/eca/ru/what-we-do/child-marriage/> (дата обращения: 10.07.2024).

² Фемцид — преднамеренное убийство женщины по гендерным мотивам. World Health Organization. Understanding and addressing violence against women: femicide. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-RHR-12.38> (дата обращения: 10.07.2024).

и заботой о детях. Аналогичные перекосы отмечены также по показателям «пенсионное обеспечение» и «имущественные права» [Women, Business and the Law 2024. Main Messages: XIV].

Особого внимания заслуживает рейтинг стран, оценивающий правовую поддержку женщин. Выше упоминалось, что законодательство наделяет женщин в мире лишь двумя третями прав, которыми обладают мужчины. Например, в некоторых странах женщинам запрещено водить машину, посещать общественные мероприятия и трудиться в некоторых доступных для мужчин сферах. Но дело не только и даже не столько в букве закона. Степень развития механизмов, необходимых для исполнения уже принятого законодательства, оценивается на глобальном уровне всего в 39,5 баллов (опять же, из 100 возможных). Например, Того признана одной из ведущих стран в Африке к югу от Сахары по правовому обеспечению гендерного равенства. Женщины имеют около 77 % прав, которые есть у мужчин. Однако структур для реализации законодательных норм на практике явно недостаточно (их создано лишь 27 % от необходимого числа) [Women, Business and the Law 2024. Executive Summary: XXXIII]. Разрыв между законами и реальной ситуацией показывает, какой огромный объем работы предстоит даже тем странам, которые уже приняли законы о равных возможностях, заключают составители доклада.

Страны СНГ лидируют в рейтинге правовых реформ

В рамках исследования ЖБЗ-24 был также построен рейтинг стран, идущих по пути улучшения положения женщин. Для этого было проведено сопоставление количества реформ в области защиты прав женщин, принятых различными странами с 1 октября 2022 года по 1 октября 2023 года. Было подсчитано, что в этот период всего 18 государств (менее одного процента участников) осуществили в общей сложности 47 реформ [Women, Business and the Law 2024. Executive Summary: XXVIII]. Преобразования были направлены на продвижение равноправия в сфере занятости, семьи, и защиту женщин от насилия.

Важно отметить, что ведущие позиции в рейтинге заняли некоторые страны СНГ. Армения и Молдова получили по 90,5 баллов [Women, Business and the Law 2024. Chapter I. Tracking Progress: 4], во многом благодаря принятию законодательства, наказывающего за сексуальные домогательства на работе. Хороший результат в рассматриваемый период продемонстрировал Азербайджан, получивший 85 баллов за расширение экономических возможностей женщин на рабочем месте. Более скромные достижения у Таджикистана (с 78,8 баллами) и Кыргызстана (76,9), в обоих случаях из-за недостаточно разработанной правовой базы законодательства о равной оплате за равный труд. А Казахстану начислили 75,6 балла (с высокой оценкой за законы, касающиеся ухода за детьми, но низкой — за безопасность женщин от насилия), и столько же — у Беларуси (75,6 балла).

На этом фоне особых успехов добился Узбекистан. Страна признана лучшей Центральной Азии с точки зрения правовой защищенности женщин. Сравнявшись по числу баллов (82,5 балла) с Сингапуром, Турцией и Объединенными Арабскими Эмиратами, Узбекистан повысил свой предыдущий рейтинг на 11,9 процентных пунктов. Это произошло благодаря введению нового Трудового кодекса, в который были включены положения, гарантирующие женщинам

равную с мужчинами оплату за труд равной ценности. Были также отменены ограничения на найм женщин на работу во вредных отраслях. Специалисты подытожили, что новый кодекс соответствует международным стандартам.

Кроме того, власти Узбекистана одобрили нормы, защищающие женщин от домашнего (бытового) насилия. В апреле 2023 г. были внесены изменения в Уголовный кодекс и Кодекс об административной ответственности, направленные на борьбу с бытовым насилием, включая физическое, психологическое и экономическое насилие в семейных отношениях [ПРЕСС-РЕЛИЗ. 2024. Узбекистан вошел в пятерку стран с наибольшими улучшениями].

Российская Федерация набрала 73,1 балл. Это вполне достойный результат, хотя он и ниже, чем в среднем по региону (в Европе и Центральной Азии — 85,8 балла). Согласно отчету, российские женщины могут выбирать где жить, свободно путешествовать, подавать на развод, а также наследовать имущество наравне с родственниками мужского пола [Осипян, А., 2024]. По этим разделам у России наивысший балл. Другое дело трудовое законодательство, государственная поддержка женского предпринимательства, пенсионное обеспечение, уход за детьми. Здесь проставленные России оценки колебались от 50 до 75 баллов. Самое слабое звено российского законодательства — отсутствие надежной защиты женщин от домашнего насилия и домогательств. Группа Всемирного банка рекомендует внести изменения в эту сферу. [Women, Business and the Law 2024. Russian Federation].

Выводы

Эксперты ВБ подтвердили в цифровом формате развитие тревожной тенденции — углубляющегося неравенства женщин и мужчин в экономике, предпринимательстве и в семейной жизни. Причем масштабы дискриминации женщин оказались гораздо более значительными, чем предполагалось. Ключевой вывод отчета: ни в одной стране, даже с самой богатой экономикой, женщины не имеют с мужчинами равных прав и возможностей. На положении женщин оказывают негативное влияние как нарастающая глобальная конфронтация, так и внутривнутриполитические расколы в национальных государствах.

Обозначив «наиболее глубокие гендерные разрывы, составители доклада предложили рекомендации по их преодолению. Это, во-первых, реформирование законов с учетом интересов женщин. Во-вторых, создание надлежащих механизмов для эффективного исполнения законов (напомним, что отсутствие таких структур было признано одной из основных «болевых точек» на пути к достижению равенства. В-третьих, проведение информационных кампаний по изменению стереотипов поведения и, в-четвертых, продвижение международной повестки дня в области гендерного равенства. Это план на будущее, выполнение которого будет отслеживаться Группой экспертов ВБ.

Обновленная методология исследования прошла своего рода экспериментальную проверку и получила высокие отзывы в научных и политических кругах. Представленный массив информации дает основу для будущих теоретических изысканий, использования в практической деятельности и при принятии решений властными и бизнес-структурами.

Список источников

- Израелян Е. В. Международные индексы состояния гражданского общества: гендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2009. № 1. С. 20-31
- Новые данные указывают на то, что масштабы гендерного неравенства в мире огромны // Группа Всемирного банка. ПРЕСС-РЕЛИЗ. Вашингтон, 4 марта 2024. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2024/03/04/new-data-show-massive-wider-than-expected-global-gender-gap> (дата обращения: 10.04.2024).
- Осипян А. Женщинам доступны лишь две трети прав мужчин: отчет Всемирного банка — 2024 // РБК. 15.04.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/661d04959a79474492c628a1> (дата обращения: 20.05.2024).
- Узбекистан вошел в пятерку стран с наибольшими улучшениями // Группа Всемирного банка. ПРЕСС-РЕЛИЗ. Ташкент, 4 марта 2024. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2024/03/04/uzbekistan-reaches-the-ranks-of-top-five-improvers-in-the-world-banks-women-business-and-the-law-2024-study> (дата обращения: 12.04.2024).
- Шведова Н. А. ООН и статус женщин в мире: растущая тревога // Женщина в российском обществе. 2024. № 2. С. 3—14. DOI: 10.21064/WinRS.2024.2.1.
- World Bank. 2024. Women, Business and the Law 2024. Washington, DC: World Bank Group. 182 p. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 05.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Appendix A. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 21.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Breaking Down Barriers to Achieve Gender Equality. Presentation. 18 p. URL: <https://wbl.worldbank.org/content/dam/sites/wbl/documents/2024/WBL2024%20Launch%20Event%20Presentation.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Chapter 1. Tracking Progress on Women's Legal Rights. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 29.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Chapter 2. Introducing Women, Business and the Law. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 29.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Executive Summary. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 21.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Forward. 2024. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 15.03.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Main Messages. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (дата обращения: 15.08.2024).
- Women, Business and the Law 2024. Russian Federation. Washington, DC: World Bank Group. URL: <https://wbl.worldbank.org/content/dam/documents/wbl/2024/snapshots/Russian-federation.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).

References

- Israelian, E. V. (2009) Mezhdunarodnye indeksy sostoiianiia grazhdanskogo obshchestva: gendernoe izmerenie [International Indexes of Civil Society Development: Gender Dimension], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 20—31.
- Novye dannye ukazyvaiut na to, chto masshtaby gendernogo neravenstva v mire ogromny [New Data Show Massive, Wider-than-Expected Global Gender Gap], *World Bank Group*, PRESS RELEASE, Washington, March 4, 2024, available from <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/03/04/new-data-show-massive-wider-than-expected-global-gender-gap> (accessed 10.04.2024).

- Osipyan, A. (2024) Zhenshchinam dostupny lish' dve treti prav muzhchin: otchet Vsemirnogo banka-2024 [Only two thirds of men's rights are available to women: World Bank Report 2024], *RBK*, 15.04.2024, available from <https://trends.rbc.ru/trends/social/661d04959a79474492c628a1> (accessed 20.05.2024).
- Shvedova, N. A. (2024) OON i status zhenshchin v mire: rastushchaia trevoga [The UN and the status of women in the world: growing anxiety], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 3—14.
- Uzbekistan voshel v pyaterku stran s naibol'shimi uluchsheniyami [Uzbekistan Reaches the Ranks of Top Five Improvers in the World Bank's Women, Business and the Law 2024 Study], *World Bank Group*, PRESS RELEASE, Tashkent, March 4, 2024, available from <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2024/03/04/uzbekistan-reaches-the-ranks-of-top-five-improvers-in-the-world-banks-women-business-and-the-law-2024-study> (accessed 12.04.2024).
- World Bank, 2024, *Women, Business and the Law 2024*, Washington, DC: World Bank Group, 182 p., available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 05.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Appendix A. Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 21.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Breaking Down Barriers to Achieve Gender Equality, Presentation, 18 p., available from <https://wbl.worldbank.org/content/dam/sites/wbl/documents/2024/WBL2024%20Launch%20Event%20Presentation.pdf> (accessed 15.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Chapter 1, Tracking Progress on Women's Legal Rights, Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 29.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Chapter 2, Introducing Women, Business and the Law, Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 29.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Executive Summary, Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 21.07.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Forward, 2024, Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 15.03.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Main Messages, Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/en/wbl> (accessed 15.08.2024).
- Women, Business and the Law 2024*, Russian Federation, Washington, DC: World Bank Group, available from <https://wbl.worldbank.org/content/dam/documents/wbl/2024/snapshots/Russian-federation.pdf> (accessed 15.08.2024).

Статья поступила в редакцию 27.09.2024; одобрена после рецензирования 07.10.2024; принята к публикации 14.10.2024.

The article was submitted 27.09.2024; approved after reviewing 07.10.2024; accepted for publication 14.10.2024.

Информация об авторе / Information about the author

Израелян Евгения Викторовна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт США и Канады им. Г. А. Арбатова РАН (ИСКРАН), г. Москва, Российская Федерация, evgenia_vik13@mail.ru (Cand. Sc. (History), Leading Researcher, G. A. Arbatov Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences (ISKRAN), Moscow, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по адресу: wings@bk.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся название статьи, имя, отчество и фамилия автора, текст, список источников). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвигание гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7—2021):

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Список источников к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Список источников») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТ 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Елисева И. И. Устойчивость семьи	3
Синельников А. Б. Общественное мнение об идеальной семье: число детей и тип отношений между ее членами	18
Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Соловьева Н. А., Азарова Е. С. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования	35
Гурко Т. А. Перспективные направления российской семейной политики	51
Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Захаркина Т. Н., Петрова Т. Ю. Многопоколенная семья сегодня: опыт совместного проживания поколений	66
Осадчая Г. И., Волкова О. А., Юдина Т. Н., Рославцева М. В. Семейные ценности и ролевые установки мигранток из Центральной Азии	84
Самойлова В. А., Томилина Ю. А. «Поняли, приняли и дальше с этим живем»: жизнестойкость семей, воспитывающих детей с инвалидностью	101
Маркова Т. Л., Тонких Н. В., Камарова Т. А., Еремкина П. Е. Оценки работающих женщин Урала: удовлетворенность временем на детей, дистанционная занятость и родительское благополучие	119
Жиromская В. Б., Араловец Н. А., Чернышева Н. В. Демографические параметры российской семьи в 1950-х гг.	139

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шведова Н. А. ООН и гендерное равенство: давно назрела необходимость «сочетать риторику с ресурсами»	156
Израелян Е. В. Положение женщин в экономике: оценки и статистика Всемирного Банка	167
<i>Информация для авторов</i>	177

CONTENTS

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Eliseeva I. I. Family resilience	3
Sinelnikov A. B. Public opinion about the ideal family: the number of children and the type of relationship between its members	18
Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Solovyeva N. A., Azarova E. S. Reproductive potential of young families: results of a sociological study	35
Gurko T. A. Promising directions of Russian family policy	51
Yegorova N. Yu., Yanak A. L., Zakharkina T. N., Petrova T. Yu. Multigenerational households today: the experience of generations living together	66
Osadchaya G. I., Volkova O. A., Yudina T. N., Roslavytseva M. V. Family values and roles of migrant women from Central Asia	84
Samoylova V. A., Tomilina Yu. A. “We realized, accepted and continue to live with it”: the resilience of families raising children with disabilities	101
Markova T. L., Tonkikh N. V., Kamarova T. A., Yeremkina P. Ye. A social portrait of working women in the Urals	119
Zhiromskaya V. B., Aralovets N. A., Chernysheva N. V. Demographic parameters of Russian families in the 1950s	139

POLITICAL SCIENCES

Shvedova N. A. The UN and gender equality: it’s long overdue to “match rhetoric with resources”	156
Israelian E. V. The situation of women in the economy: World Bank estimates and statistics	167
<i>Information for the authors</i>	177

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 — 2024

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата размещения на сайте 23.12.2024.
Формат 70×108 1/16. Уч.-изд. л. 11,7. 3,75 МБ

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Выходит 4 раза в год с 1996 года

Распространяется по подписке и
по предварительным заявкам ученых
и библиотек

 ЖЕНЩИНА
В РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ